БУРЕВѢСТНИКЪ

Публичная Б-ка

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Февраль 1908 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. № 9.

В. Энгельсонъ.

Борисъ Энгельсонъ.

Нѣсколько дней тому назадъ телеграфъ принесъ намъ печальную вѣсть о казни горячо любимаго тов. Бориса Энгельсона.

Не имѣя еще его біографіи, мы ограничиваемся пока выдержками изъ одного изъ послѣднихъ его писемъ.

„Мнѣ больно, пишетъ онъ, что всѣ такъ огорчаются изъ за меня въ то время, какъ я чувствую себя такъ хорошо. О моемъ арестѣ вы уже знаете. Меня хотѣли задержать, и я отстрѣливался, но въ концѣ концовъ былъ все таки взятъ. Потомъ меня ранили (въ ногу и лѣвый бокъ), затѣмъ порядкомъ избили. По дорогѣ въ тюрьму я кричалъ: „Да здравствуетъ анархизмъ!“ На вопросъ о моемъ имени сказалъ „анархистъ-коммунистъ“ и отказался назвать себя. Потомъ, когда я почувствовалъ себя очень плохо и думалъ, что умираю, я назвалъ себя.

На допросѣ призналъ, что отстрѣливался, что принадлежу къ партіи анархистовъ-коммунистовъ, отъ другихъ показаній отказался.

Теперь раны мои заживаютъ, поправляюсь и скоро, вѣроятно, совсѣмъ выздоровлю.

Чувствую я себя очень хорошо. Какое то удовлетвореніе, полная готовность ко всему. И какъ бы ни пошло дальше мое дѣло, чѣмъ бы оно ни кончилось, я все время буду сохранять это настроеніе и въ такомъ же настроеніи встрѣчу конецъ, если онъ наступитъ. Ибо это даже не настроеніе въ извѣстномъ смыслѣ слова, вызванное чѣмъ либо случайнымъ, временнымъ, а нормальное, такъ сказать, мое состояніе.

Я жилъ, доволенъ прожитой жизнью и могу умереть. Я боролся и для себя могу довести борьбу до конца. Этими словами я могу характеризовать мое теперешнее состояніе.

Кромѣ того, я испытываю большое удовлетвореніе отъ послѣднихъ дней своей жизни на свободѣ. Моя дѣятельность приняла въ эти дни характеръ болѣе самостоятельный, болѣе сильный, и въ этой дѣятельности я оказался довольно рѣшительнымъ и смѣлымъ. Мнѣ пришлось пережить очень сильныя и величественныя минуты... Послѣ этого я чувствовалъ себя такъ радостно и весело... Если бы судьба привела меня опять къ прежнимъ условіямъ жизни, я, можетъ быть, избралъ бы себѣ другого рода дѣятельность, но я на это уже не разсчитываю...

Шлю вамъ всѣмъ сердечный привѣтъ и желаю много жить и много бороться.

Вашъ товарищъ.

НАШИ АНТИСИНДИКАЛИСТЫ И МАССОВАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

Повседневная борьба трудящихся за ихъ элементарные экономическіе интересы кажется на первый взглядъ настолько чуждой идеаламъ соціализма, что многіе изъ послѣдователей его относятся къ ней свысока и даже съ недовѣріемъ. Соціальные демократы, выдвигая на первый планъ политическую борьбу своихъ партій, которую они съ обычнымъ своимъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, искусствомъ окрестили классовой политической борьбой, не отрекаются, правда, окончательно отъ борьбы профессіональной. Но она въ ихъ глазахъ имѣетъ второстепенное значеніе и не сливается съ борьбой политической. Политическая организація — это сама партія, а послѣдняя въ представленіи парламентскаго соціалиста — кивотъ истиннаго соціализма, прирожденный руководитель пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ партія — главное орудіе въ борьбѣ за соціализмъ, такъ какъ только черезъ нее представляется возможнымъ захватъ политической власти. Профессіональнымъ союзамъ соціальные демократы отводятъ очень скромную роль — борьбу за экономическія улучшенія, которую они считаютъ печальной необходимостью, очень мало связанною съ „истинно-классовой“ въ соціаль-демократическомъ смыслѣ этого слова, борьбой, принимаетъ ли послѣдняя форму выборныхъ собраній или вооруженнаго возстанія съ цѣлью замѣны одного правительства другимъ. Они рекомендуютъ профессіональнымъ союзамъ заниматься лишь „вопросами внутренней организаціи“ *); въ вопросахъ же, касающихся борьбы пролетаріата, какъ класса, даже, когда они носятъ характеръ экономическій, соціальная демократія предлагаетъ профессіональнымъ союзамъ подчиняться рѣшеніямъ международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ, гдѣ представлены преимущественно организаціи политическія.

Отношеніе соціальныхъ демократовъ къ профессіональному движенію логически вытекаетъ изъ соціальныхъ воззрѣній государственныхъ соціалистовъ. Разъ освобожденіе пролетаріата можетъ осуществиться лишь путемъ овладѣнія государственной машиной, то для этого прежде всего нужна организація политическая — организація, которая могла бы постепенно завоевывать большинство голосовъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ и въ необходимый моментъ сумѣла бы выдѣлить изъ своей среды правительство, способное провести коренныя реформы. Профессіональные союзы совершенно непригодны для выполненія этой соціально-демократической политической „революціи“, и они отступаютъ въ тактикѣ парламентскихъ соціалистовъ на задній планъ.

*) Mouvement Socialiste. Ноябрь 1907. Конгрессъ секретарей профессіональныхъ союзовъ въ Христіаніи.

Однако полупренебрежительное отношеніе къ профессіональнымъ союзамъ свойственно не одной лишь соціальной демократіи. Въ нашей средѣ, съ первыхъ шаговъ новѣйшаго анархистскаго движенія въ Россіи, возникло очень замѣтное антисиндикалистское теченіе, о которомъ мы уже говорили въ предыдущемъ номерѣ „Буревѣстника". Въ настоящей статьѣ мы оставимъ въ сторонѣ „безначальцевъ", взгляды которыхъ весьма мало распространены; напомнимъ только, что это теченіе отрицаетъ всякую связь между соціальной революціей и профессіональной борьбой, всю свою тактику строитъ на убѣжденіи въ чудодѣйственной силѣ террора, и въ участіи анархистовъ въ повседневной борьбѣ пролетаріата видитъ измѣну принципамъ анархизма.

Болѣе распространенное „чернознаменское" и родственныя ему теченія не идутъ такъ далеко. Признавая необходимость участія анархистовъ въ повседневной борьбѣ пролетаріата, приверженцы этихъ теченій считаютъ лишь *вступленіе анархистовъ въ какіе бы то ни было синдикаты* опаснымъ актомъ, способнымъ нанести громадный вредъ чистотѣ анархистскихъ принциповъ. Къ этому убѣжденію ихъ привелъ, какъ они выражаются „печальный опытъ" западно-европейскихъ товарищей. Анархисты антисиндикалисты задаются вопросомъ: почему нѣтъ на Западѣ революціонно-анархистскаго движенія? Почему смолкъ грохотъ бомбъ французскихъ и итальянскихъ анархистовъ? Гдѣ та безпрерывная атака буржуазіи, о которой такъ много говорилось въ 90-хъ годахъ въ рядахъ западныхъ анархистовъ? Имъ казалось необходимымъ, во что бы то ни стало, отыскать причину „вырожденія" западнаго анархизма для того, чтобы избѣгнуть той же ошибки въ молодомъ россійскомъ движеніи. И причина была найдена... Разложеніе анархизма — результатъ участія анархистовъ Западной Европы въ революціонно синдикальномъ движеніи ихъ странъ. Синдикаты, хотя бы и самые революціонные, говорятъ наши антисиндикалисты, ведутъ, несмотря на свои разрушительныя программы, борьбу за конкретныя требованія, они стремятся къ улучшенію положенія рабочихъ, входящихъ въ ихъ составъ, ихъ интересуетъ лишь экономическое благосостояніе членовъ синдиката и полнота синдикальныхъ кассъ, ихъ не занимаютъ интересы пролетаріата въ цѣломъ, какъ борющагося угнетеннаго класса. Революціонные пункты ихъ программъ это лишь революціонныя фразы. Англійскіе тредъ-юніоны — вотъ та форма синдикальнаго движенія, къ которой неизбѣжно придутъ всѣ остальные. Анархисты, принимая участіе въ этихъ бюрократическихъ союзахъ, вступаютъ въ компромиссы, постепенно утрачиваютъ свой боевой темпераментъ и неизбѣжно вырождаются въ мирныхъ реформаторовъ. Это случилось съ западными анархистами, принимавшими участіе въ революціонно-синдикальномъ движеніи, та же самая участь ждетъ и русскихъ анархистовъ, если послѣдніе съ самаго начала не отмежуются отъ всѣхъ организацій, не имѣющихъ чисто-анархическаго характера. По поводу этой критики революціоннаго синдикализма мы уже высказывались, къ ней намъ придется еще не разъ возвращаться на страницахъ нашего органа, сейчасъ же насъ интересуетъ другой вопросъ. Что же предлагаютъ товарищи антисиндикалисты взамѣнъ столь важнаго пункта нашей тактики, какъ участіе анархистовъ въ организованномъ безпартійномъ движеніи трудящихся массъ?

Всѣ они, кромѣ „безначальцевъ", упорно продолжающихъ отстаивать утопическую тактику голаго террора, пришли къ заключенію о необходимости участія въ повседневной борьбѣ пролетаріата за мелкія уступки. Но борьба организованныхъ массъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отходитъ въ область исторіи: современная борьба классовъ—это борьба, организованная съ обѣихъ сторонъ. Во главѣ пролетарскаго движенія стоятъ объединенные въ могучіе союзы рабочіе синдикаты, противъ которыхъ въ авангардѣ силъ буржуазіи выступаютъ опирающіеся на мощь капитала и государства синдикаты хозяевъ. „Чернознаменцы" и другіе антисиндикалисты какъ будто признали этотъ фактъ и убѣдились въ необходимости организаціи пролетаріата на профессіональной почвѣ. Они также убѣдились въ томъ, что ни самыя прекрасныя рѣчи талантливѣйшихъ агитаторовъ, ни грандіозныя выступленія героическихъ группъ не смогутъ вытравить въ рабочихъ массахъ потребность въ борьбѣ за улучшенія въ нѣдрахъ современнаго общества. Они поняли также, что только на почвѣ этой близкой массамъ борьбы можно раздуть пламя революціоннаго пожара, и что уйти отъ этой борьбы значило бы поставить крестъ на вліяніи анархистовъ въ массовомъ движеніи. Но разъ они все признали, они должны были бы пойти дальше и признать также необходимость участія въ организованномъ безпартійномъ пролетарскомъ движеніи, ибо именно здѣсь въ безпартійныхъ рабочихъ организаціяхъ бьется пульсъ всей современной пролетарской борьбы; но страхъ передъ компромиссами, опасеніе за свою революціонность остановилъ ихъ на половинѣ пути; они остановились... и создали свои „собственные анархистскіе синдикаты".

Раньше чѣмъ перейти къ идеѣ „анархистскаго синдикализма", мы остановимся на незаконности и неясности анархическаго міровоззрѣнія у нашихъ антисиндикалистовъ.

Въ противоположность воззрѣнію соціальной демократіи, анархизмъ отрицаетъ творческую роль государства въ чьихъ-бы рукахъ оно ни находилось. Для созданія новаго строя, говоритъ анархизмъ, необходимо не захватывать государство въ свои руки, а разрушить его до основанія. Соціалъ-демократическая „диктатура пролетаріата", въ конечномъ счетѣ — диктатура партіи, неспособна проложить пути для новой жизни человѣчества. Освобожденіе пролетаріата не можетъ быть дѣломъ какой бы то ни было политической партіи, а лишь дѣломъ самого пролетаріата. Поэтому всѣ формы борьбы, при которыхъ пролетаріатъ борется *непосредственно*, имѣютъ въ глазахъ анархиста огромное значеніе. Мелкое будничное требованіе, если только оно подкрѣплено „прямымъ дѣйствіемъ", кажется намъ безконечно болѣе отраднымъ явленіемъ, чѣмъ требованіе самыхъ радикальныхъ реформъ, которое заявляютъ отъ имени пролетаріата его „представители", даже въ томъ случаѣ, если эти требованія подписываются самими рабочими на многотысячныхъ митингахъ. Въ повседневной борьбѣ пролетаріатъ узнаетъ всю могущественную силу вражеской организаціи, въ этой борьбѣ растетъ его самосознаніе, и рядомъ съ организаціей капиталистовъ, рядомъ съ государствомъ появляется могучая пролетарская организація, сознающая, что освобожденіе пролетаріата возможно лишь съ разрушеніемъ капиталистической организаціи и ея опоры — государства. Логика борьбы заставляетъ пролетаріатъ переходить отъ сравнительно безобидныхъ формъ саботажа къ экономическому и политическому террору, отъ стачки за конкретныя требованія, подкрѣпляемой болѣе мирными формами „прямого дѣйствія", къ идеѣ всеобщей соціальной стачки сопровождаемой вооруженнымъ возстаніемъ и экспропріаціей буржуазіи. Соціальный переворотъ является такимъ образомъ дѣломъ рукъ самого пролетаріата, и вмѣсто диктатуры партіи, захватившей въ свои руки политическую власть, мы предвидимъ федерацію профессіональныхъ союзовъ, трудовую организацію всего народа, захватившую въ свои руки орудія производства и предметы потребленія. Съ этой точки зрѣнія повседневная борьба пролетаріата пріобрѣтаетъ огромное значеніе въ глазахъ анархистовъ; это не неизбѣжно-непріятный фактъ будничной жизни, не дань пролетаріата современному мѣщанскому строю, а тѣсно связанный съ соціальной революціей, необходимый въ процессѣ ея нарожденія періодъ. Такая точка зрѣнія логически приводитъ насъ къ признанію революціонной роли профессіональныхъ союзовъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые освободились отъ опеки политическихъ партій и методомъ своего освобожденія избрали „прямое дѣйствіе". Поэтому мы должны признать очень цѣнной и успѣшной работу, которую выполнили наши товарищи во Франціи и Испаніи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ въ дѣлѣ освобожденія рабочихъ союзовъ отъ вліянія политическихъ партій и въ пропагандѣ „прямого дѣйствія", какъ единственнаго тактическаго метода пролетарской борьбы. Анархизмъ на Западѣ вопреки мнѣнію соціалъ-демократовъ, а, также и нашихъ антисиндикалистовъ, не выродился. Онъ правда много потерялъ въ яркости своихъ проявленій, но сильно выросъ въ пониманіи массового движенія и тактическихъ методовъ, которые должны будутъ привести къ торжеству его идеаловъ. Современное анархистское движеніе отчасти возвратилось къ первоначальному рабочему анархизму временъ Интернаціонала, но дополнило старую тактику опытомъ пролетарскаго движенія послѣднихъ десятилѣтій... Анархизмъ переживаетъ въ настоящій моментъ періодъ внѣдрѣнія, цѣльнаго и частичнаго, въ массахъ, и мы увидимъ уже не одинокихъ героевъ безстрашно умирающихъ на эшафотахъ съ предсказаніемъ, грядущей революціи на устахъ, а революціонную борьбу массъ, сознательно идущихъ навстрѣчу новой жизни и претворяющихъ грозное для буржуазіи предсказаніе своихъ застрѣльщиковъ въ дѣло. Въ нашемъ представленіи соціальная революція - длительный процессъ, въ которомъ, на ряду съ разрушеніемъ старыхъ формъ жизни, создаются въ нѣдрахъ народныхъ массъ новыя формы. Повседневная борьба и возникающія на почвѣ ея безпартійныя организаціи неразрывно связаны въ нашихъ глазахъ съ соціальной революціей. Революція, не организующая народныхъ массъ, никогда не превратится въ соціалистическую, такъ какъ отсутствіе народной организаціи неизбѣжно вызоветъ появленіе новаго правительства, которое составится либо изъ представителей наиболѣе ловкихъ политическихъ партій, либо просто изъ кучки безпринципныхъ авантюристовъ.

Для анархистовъ же антисиндикалистовъ соціальная революція это *моментъ* разрушенія стараго строя, послѣ котораго лишь творческая работа дѣлается возможной. Соціальная революція, въ ихъ глазахъ, — результатъ агитаціи и героическаго самопожертвованія ея застрѣльщиковъ, а не результатъ роста на почвѣ повседневной борьбы революціоннаго сознанія и солидарности въ народныхъ массахъ. Естественно поэтому, что ихъ участіе въ

борьбѣ пролетаріата за конкретныя требованія не связано съ ихъ соціальными воззрѣніями, а представляетъ собою простой *тактическій* пріемъ, къ которому они, *противъ своей воли* были приведены опытомъ практической работы. Въ № 1 „Бунтаря", органа „чернознаменцевъ", въ статьѣ „Вопросы классовой борьбы" они откровенно говорятъ „Послѣднія (конкретныя требованія) *печальная необходимость*: (курсивъ нашъ М. Р.), избѣжать которой, однако, мы никоимъ образомъ не можемъ."

Идея „анархистскихъ синдикатовъ" возникла у нашихъ антисиндикалистовъ также въ результатѣ разочарованія въ тактикѣ, оторванной отъ массового движенія. Все яснѣе становилась необходимость *массовой организаціи* пролетаріата на почвѣ повседневной, прежде всего экономической, борьбы. Организація по убѣжденіямъ оказалась недостаточной для пріобрѣтенія широкаго вліянія въ массовомъ пролетарскомъ движеніи; организація рабочихъ по профессіи казалась нашимъ антисиндикалистамъ антиреволюціонной по самой своей сущности, приспособленной лишь къ будничной борьбѣ. Для нихъ оказалось необходимымъ найти новый, третій путь, который съ одной стороны далъ бы возможность избѣжать „компромисса", заключающагося въ участіи въ безпартійныхъ синдикатахъ, а съ другой стороны спасъ бы ихъ отъ безотрадной преспективы безпочвеннаго революціонаризма. Идея анархистскихъ „синдикатовъ" это вторая „печальная необходимость", къ которой прибѣгаютъ наши антисиндикалисты, чтобы не очутиться въ положеніи висящихъ въ воздухѣ „безначальцевъ".

Что-же такое, наконецъ, анархистскій „синдикатъ"? Къ сожалѣнію во всей литературѣ нашихъ антисиндикалистовъ нѣтъ ни одной статьи, которая ясно отвѣчала-бы на этотъ вопросъ.

Принципъ организаціи этихъ „синдикатовъ" болѣе или менѣе ясенъ: „синдикаты будутъ организовываться изъ рабочихъ - анархистовъ одинаковой профессіи. Ясно также, что „синдикатъ" ставитъ себѣ цѣлью борьбу съ капиталомъ и государствомъ, но о методахъ этой борьбы, о тактикѣ анархистскаго „синдиката" мы изъ антисиндикальной литературы ничего не узнали, кромѣ лишь того, что эти „синдикаты" при всѣхъ формахъ государственности должны оставаться нелегальными и тайными.

Самый важный, возникающій тутъ тактическій вопросъ, на который не даетъ отвѣта антисиндикальная литература, это несомнѣнно слѣдующій: Будетъ-ли анархистскій „синдикатъ", какъ всякій другой рабочій союзъ, вести борьбу за конкретныя требованія?" Изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми представителями нашихъ антисиндикальныхъ теченій мы вынесли впечатлѣніе, что большинство изъ нихъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Иного отвѣта, если считаться съ реальными условіями, и не можетъ быть. Анархистскій „синдикатъ" будетъ вести борьбу за конкретныя требованія уже по одному тому, что онъ состоитъ изъ рабочихъ, не входящихъ ни въ какія другія рабочія организаціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всѣ остальные рабочіе, находящихся въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ своимъ фабрикантамъ и заводчикамъ. Какъ всякіе другіе рабочіе въ современномъ капиталистическомъ строѣ, они вынуждены будутъ вести борьбу за улучшеніе своего положенія и оказывать сопротивленіе попыткамъ капиталистовъ къ повышенію уровня эксплуатаціи.

Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько партійные синдикаты, раскалывающіе пролетаріатъ на враждующіе между собою лагери, представляютъ собою удачную форму организаціи борьбы съ солидарными между собой государствомъ и союзами капиталистовъ; мы спросимъ только товарищей антисиндикалистовъ, куда исчезла такъ неожиданно ихъ революціонная непримиримость, съ точки зрѣнія которой борьба *безпартійныхъ* революціонныхъ синдикатовъ за мелкія требованія кажется имъ антиреволюціонной. Какъ это случилось, что „крайніе лѣвые" анархизма стремятся къ основанію *анархистскихъ* организацій, выставляющихъ конкретныя требованія, въ то время, какъ участіе рабочихъ-анархистовъ въ безпартійныхъ синдикатахъ, выставляющихъ подобныя требованія, кажется имъ губительнымъ для анархизма компромисомъ.

Рабочіе анархисты, разсматривающіе повседневную борьбу не какъ „печальную необходимость", а какъ естественную школу революціоннаго воспитанія пролетаріата, стремятся къ тому, чтобы рабочіе въ этой борьбѣ не дробились на множество партійныхъ синдикатовъ, а напротивъ къ тому, чтобы пролетаріатъ сложился въ одну могучую революціонную безпартійную организацію. Эта организація объединяетъ энергію рабочихъ, какъ представителей труда, а не какъ соціалъ-демократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ, анархистовъ и. т. д. Въ борьбѣ пролетарской организаціи съ организаціей капиталистовъ за улучшенія условій труда, рабочіе анархисты, принимаютъ участіе, какъ рабочіе, не менѣе другихъ заинтересованные въ томъ, чтобы улучшить свое положеніе. Какъ *анархисты* они стремятся къ тому, чтобы расширить эту борьбу, стремятся раскрыть предъ массами широкіе горизонты будущаго и связь между повседневной борьбой и борьбой за окончательное освобожденіе. Борьба анархистская дополняетъ такимъ образомъ борьбу пролетарскую, а послѣдняя, обостряя методы своей тактики и, становясь все болѣе сознательной, стремится къ слiянію съ первой.

По организаціоннымъ проектамъ антисиндикалистовъ рабочіе-анархисты должны уйти изъ безпартійныхъ организацій пролетаріата, оторваться такимъ образомъ отъ массового движенія и даже будничную борьбу вести отдѣльно въ „собственныхъ" организаціяхъ. На языкѣ нашихъ антисиндикалистовъ это называется непримиримой революціонностью; мы-же видимъ въ такой тактикѣ не только извращеніе анархизма, но и ослабленіе безпартійнаго пролетарскаго движенія. Анархистская организація, выставляющая минимальныя требованія, не можетъ быть ни организаціей повседневной рабочей борьбы, ни организаціей борьбы революціонно-анархистской, она можетъ послужить лишь мишенью для полемическихъ стрѣлъ соціальныхъ демократовъ всѣхъ оттѣнковъ. Повседневная рабочая борьба предполагаетъ при современномъ соотношеніи соціальныхъ силъ широкую безпартійную массовую организацію; революціонно-анархистская борьба предполагаетъ работу *на почвѣ* конкретныхъ требованій, но *не во имя* этихъ требованій. Анархистскіе „синдикаты" нашихъ антисиндикалистовъ не могутъ замѣнить широкой безпартійной рабочей организаціи, а благодаря борьбѣ за конкретныя требованія, входящей въ ихъ программу, они теряютъ характеръ революціонно-анархистской организаціи.

Нѣкоторые изъ нашихъ антисиндикалистовъ, заявляя себя сторонниками анархистскихъ рабочихъ союзовъ по профессіи и возлагая на эти союзы задачу обновленія всего пролетарскаго движенія, вмѣстѣ съ тѣмъ являются противниками введенія въ програму этихъ союзовъ борьбы за конкретныя требованія. Но для тѣхъ товарищей, которые, какъ и мы, убѣждены въ томъ, что *массовыя* организаціи можно создать лишь на почвѣ конкретныхъ требованій, слишкомъ ясно, что подобная постановка вопроса ничего общаго не имѣетъ съ вопросомъ о массовой организаціи; это вопросъ групповой техники. Организація рабочихъ анархистскихъ группъ по профессіи — идея несомнѣнно жизненная, поскольку она предполагаетъ участіе членовъ этихъ группъ въ широкихъ безпартійныхъ пролетарскихъ организаціяхъ. Но подобныя организаціи не дадутъ ровно ничего, если входящіе въ нихъ рабочіе-анархисты будутъ относиться отрицательно къ участію въ безпартійныхъ революціонныхъ синдикатахъ; онѣ оторвутъ лишь наиболѣе революціонныхъ рабочихъ отъ пролетарскаго дѣла и увлекутъ ихъ на путь хотя и героическаго, но *безпочвеннаго* и изолированнаго бунтарства.

М. Равскій.

НАШИ ЗАДАЧИ.

(Личность и общество)

***

Отношенія общества и личности — это одинъ изъ тѣхъ важныхъ и крайне сложныхъ вопросовъ, которые возникли и стали на очередь съ возникновеніемъ самого общества и которые долго еще будутъ занимать человѣческую мысль. Какъ далеко мы ни заглянули бы въ прошлое человѣка, на какой ступени развитія мы ни изучали бы его — вездѣ и всегда онъ ведетъ соціальный образъ жизни, избѣгая одиночества, группируясь постоянно въ общество. Эта природная наклонность человѣка къ стадной жизни объясняется чрезвычайно тяжелыми условіями его первобытнаго существованія: онъ такъ слабъ, онъ такъ безоруженъ въ сравненіи съ другими животными, съ которыми ему приходится бороться и конкуррировать, онъ такъ мало смыслитъ въ безчисленныхъ и грандіозныхъ явленіяхъ природы, которыя своей загадочностью и таинственностью наводятъ на него какой-то паническій ужасъ, онъ такъ безсиленъ какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніяхъ, что одиночество было бы для него равносильно смерти. Инстинктъ самосохраненія подсказываетъ ему, что его спасеніе въ объединеніи съ другими такими же одинокими и безпомощными, какъ и онъ существами; ежедневный опытъ доказывалъ, что *одновременное* примѣненіе нѣсколькихъ силъ даетъ гораздо болѣе выгодные результаты, чѣмъ приложеніе тѣхъ же силъ *отдѣльно* и независимо другъ отъ друга... И дѣйствительно, инстинктъ и опытъ не обманули человѣка: всей своей „человѣчностью", всѣмъ своимъ поразительнымъ развитіемъ, всѣми своими духовными и матеріальными сокровищами — всѣмъ этимъ онъ обязанъ общественному образу жизни, позволившему ему познать и покорить природу, превратившему его изъ жалкаго и запуганнаго животнаго въ современнаго человѣка, гордаго и безстрастнаго творца, почти полубога!..

Но рядомъ съ этими положительными своими сторонами, общественная жизнь имѣла для личности и отрицательныя стороны: она ограничивала и стѣсняла ея свободу дѣйствій, включала ее въ слишкомъ узкія для нея рамки, насильственно дисциплинировала ея мятежный духъ... „Съ перваго же момента своего возникновенія общество забываетъ какъ причину, такъ и цѣль своего существованія: оно забываетъ, что причина его появленія — это слабость и безпомощность изолированнаго человѣка, что исключительная цѣль его — это охранять интересы человѣка, поднять уровень его силъ, быть для него органомъ самозащиты и обороны въ его борьбѣ съ природой, словомъ *служить* ему. Оно смотритъ на себя, какъ на нѣчто самодовлѣющее, какъ на самоцѣль; причиной и цѣлью своего существованія оно считаетъ самое себя... Общество для общества, а не общество для личности! Человѣкомъ же, личностью оно интересуется лишь по-стольку, по-скольку личность эта можетъ быть ему полезна, по-скольку она способна содѣйствовать его процвѣтанію, расширенію и увеличенію его жизнеспособности. Вмѣсто того, чтобы служить личности, оно порабощаетъ ее, вмѣсто того, чтобы приспособиться къ ней, оно подчиняетъ ея интересы своимъ. Всѣми силами и всѣми мѣрами оно старается привить ей ту мысль, что общество — это организмъ и что, слѣдовательно, она, личность, входящая въ составъ этого организма, ничто иное, какъ органъ *его*; главная же и единственная роль всякаго органа — это обслуживать организмъ, работать на него, руководиться всегда и во всемъ его нуждами и потребностями. Конечно, у личности могутъ быть свои порывы и желанія, свои мечты и страданія; общество ничего противъ нихъ не имѣетъ... при одномъ только условіи: чтобы они совпадали съ его собственными; въ противномъ же случаѣ оно преслѣдуетъ и караетъ ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Да оно и понятно: жизненность всякаго организма цѣликомъ зависитъ отъ строгой дисциплины его органовъ, отъ ихъ органическаго равновѣсія, отъ гармоническаго сочетанія ихъ разнообразныхъ функцій. Пусть какой нибудь органъ, въ своей дѣятельности, хоть на іоту уклонится отъ намѣченнаго ему общими интересами организма пути, и на сцену выступятъ разныя патологическія явленія: организмъ захирѣетъ, потеряетъ силы и, если уклоненіе не прекратится, неминуемо погибнетъ. Понятно, поэтому, что общество, если дѣйствительно оно представляетъ собою организмъ, рѣшительно не можетъ допустить у личности такихъ наклонностей и тенденцій, которыя шли бы вразрѣзъ съ его собственными: такая терпимость по отношенію къ его составнымъ частямъ, личностямъ, нарушила бы его органическое равновѣсіе и подъ конецъ убила бы его. Вотъ почему всегда и вездѣ оно стремится обезличить личность и свести ее до степени спеціализированнаго орудія общественнаго благосостоянія; вотъ почему оно такъ враждебно относится ко всему тому, что выдѣляется изъ толпы, ко всякой ярко выступающей, чрезмѣрно рельефной индивидуальности. Для нормальнаго хода общественной жизни, геній — слишкомъ безпокойный и опасный элементъ; ему необходимы главнымъ образомъ посредственности; и общество добивается превращенія человѣка въ посредственность; если же этого не случилось до сихъ поръ, если, несмотря на это, человѣкъ все таки развился и сталъ тѣмъ творцомъ-полубогомъ, о которомъ мы говорили выше, такъ это произошло потому, что онъ только пользовался преимуществами общественнаго образа жизни, но никогда, въ протяженіи всей человѣческой исторіи, не признавалъ власти общества надъ собой. Личность всегда бунтовала! Общество преслѣдовало ее, придумывало для нея всевозможныя пытки, жестоко истязало и карало ее — она не смирялась, она бунтовала и плодомъ этого бунта является вся человѣческая культура!..

Итакъ, нельзя отрицать того факта, что между личностью и обществомъ существуетъ довольно острый, довольно ярко выраженный антагонизмъ; но представляетъ ли собою этотъ антагонизмъ нѣчто неизбѣжное, фатальное? вытекаетъ ли онъ дѣйствительно изъ естественной непримиримости обѣихъ враждующихъ сторонъ? или же онъ скорѣе результатъ какихъ нибудь искусственно сложившихся условій, послѣдствіе какой нибудь роковой ошибки? — Чтобы отвѣтить на этотъ чрезвычайно важный вопросъ, посмотримъ-ка поближе, каковы причины разлада между обществомъ и личностью, каковы мотивы, толкающіе ихъ на непрекращающуюся борьбу, что собственно говоря вызываетъ и порождаетъ эту борьбу?

Передъ нами два параллельныхъ явленія: съ одной стороны бунтующая личность, съ другой — стремящееся подавить эту личность общество. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что между этими двумя явленіями существуетъ тѣсная связь и что одно вытекаетъ изъ другого; весь вопросъ только въ томъ, какое именно изъ нихъ представляетъ собою *предшествующее* явленіе и какое *послѣдующее*, другими словами: является ли бунтъ личности *причиной* общественнаго гнета или *результатомъ* его? Намъ кажется, что единственное допустимое предположеніе — это второе, а именно: бунтъ личности — ничто иное, какъ послѣдствіе насилія общества надъ нею; ибо въ противномъ случаѣ было бы совершенно непонятно, почему и во имя чего личность бунтуетъ, было бы непонятно само возникновеніе общества: какъ объединились бы и сложились въ прочную организацію элементы „безразлично" такъ сказать, по самой природѣ своей бунтующіе! Такіе элементы никогда неспособны ни къ какой организаціи, и общество, составленное изъ нихъ, не могло бы никоимъ образомъ существовать. Ясно, поэтому, что бунтъ личности должно разсматривать, какъ *реагированіе* на общественный гнетъ, на общественныя притѣсненія. Но почему же общество притѣсняетъ личность? Мы указали на тотъ фактъ, что общество разсматриваетъ себя, какъ нѣчто самодовлѣющее, какъ самоцѣль и что, въ силу этого, оно стремится покорить личность, приспособить ее къ себѣ, прибѣгая для этого, если встрѣчаетъ сопротивленіе, и къ насилію; но такой отвѣтъ ставитъ на очередь новый вопросъ: имѣетъ-ли эта самооцѣнка общества какое нибудь основаніе? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Существуетъ теорія, которая пытается доказать, что общество это настоящій организмъ... Еслибы эта теорія была вѣрна, то стремленіе общества къ самодовлѣющей роли было бы чѣмъ-то естественнымъ, органическимъ свойствомъ, присущимъ общественному организму, какъ и всякому другому. Всякій организмъ живетъ для себя, всякій организмъ представляетъ собою, естественно и инстинктивно, самоцѣль; все, что живетъ, смотритъ на себя, какъ на ось вселенной, какъ на центръ мірозданія: это общій біологическій законъ, которому повинуется и общественный организмъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, еслибы вышеуказанная теорія была вѣрна, то въ тенденціяхъ общества къ самодовлѣющему значенію слѣдовало бы усмотрѣть лишь проявленіе общаго всему живущему органическаго свойства... Вся бѣда только въ томъ, что теорія эта ложна и что общество не организмъ. Біологія не знаетъ такихъ организмовъ, которые находились бы въ постоянной борьбѣ со своими составными элементами; человѣческое же общество, почти съ перваго же момента своего зарожденія, неперестанно воюетъ съ личностью. Вотъ почему его никакъ нельзя признать организмомъ, вотъ почему самооцѣнка его совершенно произвольная, вотъ почему, наконецъ, самооцѣнка эта не можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ „почему общество притѣсняетъ личность?", который такъ и остается открытымъ.

Всякое человѣческое общество имѣетъ свои юридическія нормы, свои этическія и религіозныя воззрѣнія, которыми оно руководится въ жизни и на которыя оно опирается въ своей борьбѣ съ личностью. Но хотя нормы и воззрѣнія эти считаются достояніемъ *всего* общества, хотя номинально цѣль и смыслъ ихъ — защита интересовъ общества *въ цѣломъ*, фактически они охраняютъ интересы лишь *нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ*, въ ущербъ другимъ классамъ. Рамки этой статьи не позволяютъ намъ заняться здѣсь теоріей дѣленія общества на классы. Ограничимся, поэтому, лишь указаніемъ на то, что всѣ существовавшія до сихъ поръ человѣческія общества всегда дѣлились на классы, что изъ этихъ классовъ то одинъ, то другой занималъ господствующее, въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, положеніе, подчиняя себѣ всѣ остальные классы и что, наконецъ, юридическія нормы и этическія воззрѣнія общества постоянно видоизмѣнялись, въ зависимости отъ перехода власти изъ рукъ одного класса къ другому.

— Такимъ образомъ, общественная идеологія каждой данной эпохи представляетъ собою на самомъ дѣлѣ идеологію господствующаго въ данный моментъ класса, идеологію, главная цѣль которой обосновать и оправдать это классовое господство. Порабощенные же классы наивно думаютъ, что въ выработкѣ и созданіи этой идеологіи участвовали они, что она — ихъ собственная, и вотъ почему они охотно соглашаются со всѣми выводами ея, даже тогда, когда выводы эти идутъ вразрѣзъ съ ихъ собственными интересами. Все могущество всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ господскихъ классовъ покоилось на этой психологической ошибкѣ порабощенныхъ классовъ. Не будь ея — ни одинъ классъ не могъ бы господствовать ни одного дня, ибо нѣтъ такого класса, у котораго было бы достаточно собственныхъ силъ, чтобы покорить себѣ всѣ другіе. Такъ напримѣръ, буржуазія сошла бы уже давнымъ-давно со сцены, еслибы ей не удалось привить *свою* идеологію пролетаріату и внушить ему, что идеологія эта — *его собственная*; еслибы она не пріучила его преклоняться предъ закономъ, этимъ прочнымъ фундаментомъ государственной машины, еслибы она не выработала въ немъ чувства глубокаго уваженія къ собственности, этой несокрушимой цитадели его классоваго могущества. Тоже самое можно сказать о другихъ уже отжившихъ или отживающихъ господскихъ классахъ, какъ аристократія, духовенство и. т. д.; всѣ они процвѣтали и властвовали такъ долго потому только, что умѣло скрывали свою классовую обособленность, наглядно (но только наглядно, конечно) отожеств-

ляли свои интересы съ интересами всего общества и, пріучая
подвластные классы смотрѣть на все *своими глазами*, постепенно
превращали ихъ въ *добровольныхъ* рабовъ, совершенно не замѣ-
чающихъ своихъ цѣпей; тѣхъ же, которые замѣчали эти цѣпи и
которые такъ или иначе пытались разрывать ихъ, они притѣс-
няли и преслѣдовали, наглядно — за нарушеніе гармоніи общест-
венной жизни, фактически же — за нарушеніе гармоніи своего клас-
соваго господства.

Теперь не трудно понять, почему общество такъ сурово, такъ
безпощадно относится къ личности. Личность — это человѣкъ,
который, хотя и живетъ въ обществѣ, центромъ тяжести всѣхъ
своихъ стремленій и дѣяній считаетъ свое собственное „я“; и
это „я“ бунтуетъ, и не можетъ не бунтовать при всякой попыт-
кѣ обезличить и растворить его въ общей массѣ, при всякой
попыткѣ уничтожить его цѣльность и превратить его въ простую
частицу какого-то огромнаго и сложнаго механизма. Но такія не-
укротимыя индивидуальности слишкомъ опасны для господствую-
щихъ классовъ: ихъ невозможно обратить въ *добровольныхъ* ра-
бовъ, что составляетъ необходимѣйшее условіе классоваго господ-
ства и, кромѣ того, онѣ, своей неукротимостью и готовностью
постоянно бунтовать, способны заразить и другихъ, открыть гла-
за очень многимъ... Вотъ почему, для подавленія и обезвреживa-
нія ихъ господствующіе классы возстановляютъ противъ нихъ
общество: путемъ обмана, на который мы указали выше, они
внушаютъ ему, что личности эти опасны для него, что онѣ под-
рываютъ его основы, угрожаютъ самому его существованію... И
обманутое, безсознательное, общество становится орудіемъ пора-
бощенія личности, порабощенія, въ которомъ оно совершенно
не нуждается и которое неминуемо влечетъ за собою самое рѣз-
кое, самое острое сопротивленіе...

Но если это такъ, если дѣйствительно бунтъ личности, возста-
ющей противъ юридическихъ и этическихъ нормъ какой нибудь
эпохи, фактически направленъ не противъ *общества*, а противъ
господствующаго въ данную эпоху *класса* — то объ антагониз-
мѣ общества и личности не можетъ быть и рѣчи; *никакого анта-
гонизма нѣтъ* или, выражаясь точнѣе, онъ существуетъ лишь по
недоразумѣнію, какъ ошибка, а не какъ фатальная необходимость,
какъ результатъ естественной непримиримости интересовъ обѣихъ
сторонъ. И даже болѣе того: весьма часто, если не всегда, бунтъ
личности представляетъ собою борьбу не *съ* обществомъ, а *за* об-
щество, борьбу за улучшеніе формъ общественной организаціи,
борьбу за болѣе полный и болѣе пышный расцвѣтъ общественно-
сти, которая, благодаря дѣленію общества на классы, благодаря
между-классовой борьбѣ, не могла достаточно и свободно развить-
ся. Пусть исчезнутъ классы, пусть исчезнетъ порождаемая ихъ
существованіемъ борьба — и общественность, т. е. то глубокое
и теплое чувство, которое толкаетъ человѣка сплачиваться со свои-
ми ближними, разовьется до небывалыхъ размѣровъ. Пусть исчез-
нутъ классы — и общество перестанетъ быть тѣмъ слѣпымъ
орудіемъ угнетенія личности, какимъ оно было до сихъ поръ, и
отчего страдала не только личность, но и оно само; оно пойметъ
тогда, что порабощенныя единицы не могутъ дать въ результатѣ
свободнаго коллектива и что, поэтому, его настоящее назначеніе
не ограничивать, не урѣзывать свободу личности, а наобо-
ротъ пополнять и расширять ее для своего-же собственнаго, об-
щественнаго блага; оно пойметъ, что между его интересами и
интересами личности нѣтъ, да никогда и не было противорѣчія,
что съ ростомъ свободы личности тѣсно связанъ и ростъ ея
творчества, являющагося главнымъ двигателемъ общественнаго
прогресса. Пусть исчезнутъ классы — съ ними исчезнутъ и всѣ
существовавшія до сихъ поръ юридическія и этическія нормы, ко-
торыя при всѣхъ своихъ метаморфозахъ и видоизмѣненіяхъ все-
таки вездѣ и всегда, были направлены противъ личности и ея сво-
боды!... И на развалинахъ позорнаго и рабскаго прошлаго созда-
дутся новыя общественныя отношенія, выростетъ и совершенно
иная, новая личность, съ обновленной и здоровой психикой, съ
настоящимъ и правильнымъ пониманіемъ свободы, ничего обща-
го неимѣющимъ съ расплывчатымъ и подчасъ даже уродливымъ
„свободолюбіемъ“ такъ называемыхъ индивидуалистовъ. Объ этихъ
новыхъ общественныхъ отношеніяхъ и о новой личности мы по-
говоримъ въ слѣдующій разъ.

Максимъ Дубинскій.

АНАРХИСТЫ и „ACTION DIRECTE“ *)

Наша легальная либеральная и соціалистическая пресса продол-
жаетъ отъ времени до времени нападать на русскихъ А.-К.

Особенно усердствуетъ въ этомъ направленіи дружескій мень-
шевикамъ „Товарищъ“. Такъ, въ № 393 въ статьѣ „Вредное за-
блужденіе“ нѣкій А. К. К—въ, вынеся суровый приговоръ рус-
скому анархизму, пытается рѣзко отмежевать его отъ такъ назы-
ваемаго „революціоннаго синдикализма“. Авторъ протестуетъ про-
тивъ распространеннаго мнѣнія, что тактика „прямого дѣйствія“ —
action directe — революціонныхъ синдикалистовъ (которой, по его
признанію, „рабочій классъ Франціи обязанъ столькими блестя-
щими завоеваніями“) имѣетъ нѣчто общее съ анархическимъ
партизанствомъ, выражающимся въ формѣ „экспропріацій“ и эко-
номическаго террора. „Смѣшивать action directe съ анархиче-
скими выступленіями“, разсуждаетъ А. К. К—въ, „это значитъ
не понимать сущности ни того, ни другого“. И вотъ, авторъ по-
учаетъ насъ, что такое представляетъ собой action directe. Для
этой цѣли онъ приводитъ цитату изъ Гриффюэля (секретаря Все-
общей Конфедераціи Труда), и указываетъ на тотъ фактъ, что са-
мо ученіе объ action directe возникло во Франціи въ значитель-
ной степени какъ противовѣсъ узкому политиканству „оффиціаль-
наго“ соціализма. Интересное признаніе!...

Авторъ не отрицаетъ того факта, что французскіе соціалисты-
государственники проявляли неоднократно „тенденцію“ подмѣнить
непосредственную дѣятельность рабочаго класса „дѣятельностью
отдѣльныхъ лицъ“, т. е. представителей депутатовъ. Но дальнѣй-
шихъ выводовъ изъ этого „признанія“ г. А. К. К — въ почему-
то не дѣлаетъ!

А между тѣмъ слѣдовало бы упомянуть, что именно анархисты,
работающіе въ синдикальномъ движеніи, энергичнѣе всѣхъ воз-
стали противъ констатируемой опасности „подмѣны“. Именно
они напоминали зарвавшимся политиканамъ лозунгъ стараго Ин-
тернаціонала: „Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ са-
михъ рабочихъ“, и вся ихъ долголѣтняя практика была напра-
влена въ эту сторону, въ сторону развитія активности, самодѣ-
ятельности и революціонности профессіональныхъ союзовъ. Этого-
то нашъ критикъ и не замѣтилъ. За то, характеризуя революці-
онный синдикализмъ, онъ допустилъ „маленькія“ неточности...

Такъ, говоря о „дѣйствительно мощномъ и здоровомъ рабочемъ
движеніи“, развертывающемся во французскихъ синдикатахъ, ав-
торъ переводитъ терминъ „Confédération Générale du Travail
—„Всеобщая *Конференція* Труда“. Конфедерація — понятіе очень
опредѣленное, оно рѣзко подчеркиваетъ старый принципъ федера-
листскаго Интернаціонала, вдохновлявшагося принципами М. Ба-
кунина и „Юрцевъ“, и замѣна слова *Конфедерація* словомъ *Кон-
ференція*, очевидно явленіе не случайное.

Далѣе, г. А. К. К—въ утверждаетъ, что вокругъ синдикальнаго
движенія и въ частности „Конференціи(?) Труда“, „вьется нема-
ло „теоретиковъ“, вышедшихъ изъ анархизма“. Эти — по мнѣнію
автора — непрошенные гости хотятъ „во что бы то ни стало при-
клеить свои „насильственныя“ фразы о героизмѣ одиночекъ къ
рабочему синдикальному движенію. Увлекшись, въ своемъ „анти-
зѣ“ синдикализма, авторъ допускаетъ новыя и новыя „неточно-
сти“. Что въ послѣднее время вокругъ синдикализма вьется много
„теоретиковъ“, это всѣмъ и каждому хорошо извѣстно. Но извѣ-
стно также и то, что среди этихъ „теоретиковъ“ — пока безъ
практики — видное мѣсто занимаютъ Лагардель, Бертъ, Сорель
и К°.

Причемъ же тутъ анархисты? Или можетъ быть авторъ, подоб-
но нѣкоторымъ „ученымъ марксистамъ“ à la Троцкій, смѣши-
ваетъ Сорелей и К° съ анархистами?... Тогда — другое дѣло!
Тогда, чего добраго, родоначальниками столь ненавистнаго со-
ціаль-демократіи „анархизма русскаго толка“ окажутся разные
Кричевскіе, Акимовы и др.? Но читатели, знакомые съ исторіей
революціоннаго движенія, знаютъ, что это не такъ.

Также и всякій, знакомый съ французскимъ синдикальнымъ
движеніемъ, хорошо знаетъ, что Сорель и К° именно и есть тѣ
„мудрые зміи“, которыми рекомендуетъ быть „діалектикъ“ Плеха-
новъ. Они поняли, наконецъ, что очень невыгодно быть „теоре-
тиками безъ практики“. Они, замѣтившіе ростъ „внѣпарламент-
скаго движенія“ пролетаріата, особенно живо почувствовали это
послѣ историческаго конгресса синдикалистовъ въ Амьенѣ и за-
били отбой... Они стали еще рѣзче критиковать парламента-
ризмъ, еще сильнѣе подчеркивать необходимость самостоятельнаго
внѣпартійнаго рабочаго движенія; предавъ анаѳемѣ идею классо-
вого сотрудничества (парламентаризмъ), они воспылали нѣжной
любовью къ классовой борьбѣ.

Симпатизируя, очевидно, революціонному синдикализму, авторъ
статьи „Вредное заблужденіе“ съ тѣмъ большимъ фанатизмомъ
нападаетъ на анархистовъ, этихъ „самозванныхъ представителей“
пролетаріата, проповѣдниковъ „смѣлаго безумія“. Онъ рѣзко по-
рицаетъ „деморализующую“ тактику экономическаго террора, вы-
ражающуюся въ формѣ убійства „плохихъ“ хозяевъ. Спраши-
вается, почему г. А. К. К—въ такъ недоволенъ анархистами? По-
чему онъ ярый противникъ экономическаго террора?

Оказывается, что нашъ критикъ является противникомъ всякаго
„сторонняго представительства“, т. е. замѣны непосредственной

*) Прямое воздѣйствіе.

борьбы организованныхъ массъ дѣятельностью иныхъ, „будь то представительство парламентскихъ депутатовъ, или еще худшій видъ замѣстительства — представительство революціонныхъ одиночекъ“.

Въ этомъ отношеніи мы, анархисты-коммунисты, согласны съ г. А. К. К—мъ, несогласны мы только съ тѣмъ, что „революціонное замѣстительство“ есть еще „худшій“ видъ представительства, чѣмъ парламентскій. Мы всегда предпочтемъ представительство à la Каляевъ и Балмашевъ, представительству à la Алексинскій, предпочитаемъ по одному уже тому, что, хотя и оторванные отъ массового движенія, террористическіе акты первыхъ все же будятъ самодѣятельность, „бунтовскій духъ“ рабочихъ, чего мы совершенно не можемъ констатировать у послѣднихъ. Если первые зовутъ къ „индивидуальной“ борьбѣ, то вторые къ *классовому сотрудничеству*.

Для насъ, сторонниковъ коллективныхъ дѣйствій и классовой борьбы, понятно, ближе „индивидуальные“ борцы, нежели проповѣдники „демократическаго единства“.

Согласны мы также и съ аксіомой, которую выдвигаетъ г. А. К. К—въ въ слѣдующихъ словахъ: „Революціонное замѣстительство есть ничто иное, какъ полное отрицаніе „непосредственнаго дѣйствія“. Мы удивляемся только, зачѣмъ автору понадобилось стрѣлять въ пустое пространство. Противъ кого онъ направилъ свои стрѣлы?

Развѣ когда и гдѣ либо анархисты утверждали, что *массовую борьбу самого народа* слѣдуетъ подмѣнить „единоборствомъ одиночекъ“? Развѣ всѣ акты Равашоля, Вальяна, Бреши, Анджіолилло Израиля Покотилова, Нисана Ферберa и др. не были лишь частичными выступленіями, первыми ласточками соціальной войны. Развѣ анархисты не утверждали всегда и всюду, что только *разрушеніе и творчество самихъ массъ* является прочнымъ базисомъ для будущаго общества, построеннаго на началахъ анархическаго коммунизма?!

Идея „подмѣны“ непосредственной борьбы массъ „единоборствомъ одиночекъ“ (будетъ ли это „Боевая организація“ или отдѣльные террористы) — идея чуждая анархизму. Она, наоборотъ, является достояніемъ тѣхъ, кто еще не освободился отъ гипноза якобинства и различныхъ пережитковъ политическаго бланкизма. А къ таковымъ принадлежатъ какъ наши соціалъ-демократы, такъ и соціалисты революціонеры, и даже максималисты — замѣняющіе парламентаризмъ „революціоннымъ представительствомъ группъ и одиночекъ“.

Въ этомъ, можетъ быть, грѣшны и *нѣкоторые* наши товарищи, болѣе „крайніе“, которые недостаточно эманципировались отъ бланкистскаго заговорщичества, и вѣрятъ въ созидательную роль различныхъ „террористическихъ дружинъ“ — но въ этомъ отнюдь неповинны тѣ, которые весь свой опытъ, всю свою энергію отдали на созданіе массового движенія, войдя въ синдикаты, внеся въ ихъ среду самодѣятельность, бунтарство и непосредственное творчество. Если бы авторъ прочелъ брошюру А. Роллера „Die Directe Action“, онъ навѣрное не утверждалъ бы такъ голословно, что тактика непосредственнаго дѣйствія („action directe“) противоположна „пропагандѣ дѣйствіемъ“ („propagande par le fait“), рекомендуемой анархистами. Революціонные синдикаты даютъ самое широкое толкованіе термину „action directe“, подразумѣвая подъ нимъ всѣ формы *непосредственной борьбы*, всеобщую и частную стачку, бойкотъ, саботажъ, экономическій терроръ, пассивный и активный антимилитаризмъ.

Самое слово это (action directe) популяризировано впервые во французской прессѣ анархистомъ Эмилемъ Пужэ. Даже больше — впервые оно вошло въ употребленіе въ анархистской газетѣ „La Révolte“, по поводу стачки бельгійцевъ-рудокоповъ въ 1887 году *).

Тактика анархистовъ-коммунистовъ, такъ называемая „пропаганда дѣйствіемъ“, есть ничто иное, какъ *самая острая форма* action directe, это доведенные до высшаго предѣла самодѣятельность и активизмъ. И кто призналъ самый принципъ action directe, тотъ съ логической необходимостью долженъ признать и всѣ его формы.

Нашъ суровый критикъ г. А. К. К—овъ пытается „разбить“ насъ ссылкой на анархическое движеніе „въ одномъ южно-русскомъ городѣ“, гдѣ существовала группа анарх.-комм., проявившая себя рядомъ убійствъ директоровъ и управляющихъ“, причемъ анархисты зачастую дѣйствовали „не имѣя никакихъ связей съ рабочими забастовавшаго предпріятія“.

Мы знаемъ много случаевъ экономическаго террора и саботажа, совершенныхъ анархистами во время стачекъ и локаутовъ, — но въ то же время знаемъ, что анархисты всегда дѣйствовали въ данныхъ случаяхъ въ связи съ массовымъ движеніемъ. Такими фактами богата исторія анархическаго движенія Варшавы, Бѣлостока, Одессы, Екатеринослава и другихъ городовъ.

Но мы ничего не слышали о „вмѣшательствѣ извнѣ“, и притомъ „зачастую безъ всякой связи съ рабочими забастовавшихъ предпріятій“. Это можетъ быть сказано лишь по поводу отдѣльныхъ экспропріацій, сопровождаемыхъ убійствами доносчиковъ буржуа, наконецъ, по поводу актовъ такъ называемаго „безмотивнаго террора“, — но ни въ коемъ случаѣ не экономическаго террора, совершаемаго анархистами въ процессѣ непосредственной борьбы съ классомъ капиталистовъ-эксплуататоровъ.

Авторъ разбираемой нами статьи увѣряетъ насъ еще въ томъ, что послѣ совершенія „актовъ“ анархисты рисовались передъ несознательными рабочими въ роли отцовъ-благодѣтелей, поддерживающихъ вооруженною рукою рабочія требованія“.

Мы не имѣли случая констатировать подобные факты. Но допустимъ даже, что авторъ правъ, что подобные случаи бывали. Что же изъ этого вытекаетъ?... Только одно: что нѣкоторые наши товарищи недостаточно еще поняли сущность анархической тактики, и что ихъ пониманіе революціонной борьбы не далеко ушло отъ с.-ровскаго „бланкизма“.

Въ заключеніе г. А. К. К—овъ говоритъ, что подобное революціонное вмѣшательство анархистовъ приводило иногда „къ неожиданнымъ послѣдствіямъ“. Испуганные активностью дѣйствіи своихъ „отцовъ благодѣтелей“, т. е. анархистовъ, „несознательные рабочіе“ отказывались отъ выставляемыхъ ими ранѣе требованіи и шли на работу.

Намекая на этотъ случай, авторъ, очевидно умышленно, умалчиваетъ, въ какомъ городѣ онъ имѣлъ мѣсто. Намъ извѣстенъ одинъ *подобный* случай, имѣвшій мѣсто въ Екатеринославѣ во время убійства помощника директора Брянскаго завода Мызова.

Для большей точности г. А. К. К—ву слѣдовало бы добавить, что соціалъ-демократы оказали тамъ сильное давленіе на „несознательныхъ рабочихъ“, убѣдивъ ихъ идти на работы, и что они же, подъ руководствомъ полиціи, организовали митингъ, на которомъ была принята резолюція, порицающая, какъ экономическій терроръ вообще, такъ и данный случай въ частности.

Мы бы посовѣтовали г. А. К. К—ву прежде, чѣмъ браться за критику анархизма и за изложеніе принциповъ революціонно-синдикалистской тактики, основательнѣе познакомиться, какъ съ анархистской теоріей, такъ и съ революціонно-синдикальнымъ движеніемъ.

И. Р—въ.

---

*) См. брошюру М. Пэнджи „Анархизмъ и революціонный синдикализмъ“, изданіе Листковъ „Хлѣбъ и Воля“. И. Р.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

9-10 декабря 1893 — 5 февраля 1894.

14 лѣтъ тому назадъ, 9 декабря 1893 года, засѣданіе французскаго парламента было внезапно прервано оглушительнымъ взрывомъ бомбы, брошенной изъ верхнихъ галлерей, гдѣ помѣщалась публика, въ засѣдавшихъ внизу „народныхъ представителей“. Бомба, начиненная гвоздями, взорвалась въ воздухѣ и ранила легко около 50-ти человѣкъ, между ними лишь нѣсколькихъ депутатовъ; раненъ былъ также, но болѣе опасно, самъ авторъ покушенія — Огюстъ Вальянъ.

Вальянъ родился „незаконно“ въ 1861 году. 14-ти лѣтъ онъ былъ оставленъ своей матерью на произволъ судьбы, и съ этого момента начинается для него тяжелая жизнь тѣхъ, кто, не имѣя никого и ничего, безъ средствъ, безъ друзей и родныхъ, принужденъ подъ страхомъ голодной смерти бороться противъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій капиталистическаго строя. Обладая сильной энергіей, Вальянъ впродолженіе почти 20-ти лѣтъ упорно стремится выйти изъ своего нищенскаго положенія. Работая то здѣсь, то тамъ, онъ посвящаетъ свободное отъ работы время своему собственному образованію. Надѣясь найти въ Америкѣ лучшія условія жизни, онъ эмигрируетъ туда, занимается земледѣліемъ, два года спустя возвращается вновь во Францію; вновь голодаетъ, опять ищетъ работы...

„Вернувшись изъ Америки“, говорилъ на судѣ Вальянъ — я думалъ, что достаточно создавать библіотеки, чтобы подготовить умы къ революціи, и надѣялся жить безъ заботъ. Мой хозяинъ, пользуясь моимъ положеніемъ, не захотѣлъ мнѣ дать больше 20-и франковъ въ недѣлю. Это достаточно для того, чтобы умереть съ голоду мнѣ, моей подругѣ и моимъ дѣтямъ. Я замѣтилъ это моему хозяину, но получилъ отвѣтъ: „наплевать мнѣ на вашу жену. Я нанялъ васъ, а не ее. Тогда я рѣшилъ, что необходимо мнѣ самому сдѣлать какъ можно скорѣе мою собственную революцію, и я понесъ бомбу въ палату депутатовъ“...

Очутившись передъ дилемой: покорно переносить капиталистическій гнетъ или вступить въ открытую борьбу съ буржуазнымъ обществомъ, Вальянъ выбираетъ послѣднее.

Опытъ „соціалистическаго“ парламентаризма открылъ ему во всей его гнусности обманъ „легальнаго захвата власти“; опытъ показалъ ему, что только путемъ революціоннаго разрушенія всего современнаго строя возможно водвореніе новаго общества безъ хозяевъ и правителей, общества равныхъ и свободныхъ людей. Массовая рабочая народная революція или рабство, прозябаніе, голодная смерть — другого выбора нѣтъ. Только массы, сознавшія, что корень зла заключается въ собственности и власти, только массы, сознательно и безжалостно борющіяся за свободное общество, — только онѣ могутъ разрушить современный строй рабства, грабежа, обмана, эксплуатаціи, власти. Но массы не двигаются. Разочарованныя въ парламентаризмѣ, онѣ покорно гнутъ спину и чего-то ждутъ. Привыкшія впродолженіе многихъ столѣтій повиноваться и ждать всѣхъ благъ отъ власти, надѣясь то на бога, то на императора, то на парламентъ, онѣ, понявъ, наконецъ, всю обманчивость этихъ надеждъ, все-таки надѣются, — надѣются теперь на революцію, ожидаютъ ее каждый день и въ ожиданіи ея гибнутъ отъ холода и голода, гибнутъ отъ власти и собственности. Революція не приходитъ...

Вальянъ понялъ, что если только *народная* революція можетъ положить конецъ политическому и экономическому рабству, она, какъ дѣло массъ, невозможна безъ постояннаго дѣйствія все большаго и большаго количества энергичныхъ и смѣлыхъ людей. Народная революція невозможна безъ единичныхъ бунтовъ, пропаганда словомъ недостаточна, и Вальянъ, не ожидая „стихійной“ массовой революціи, не надѣясь ни на кого и ни на что, рѣшается совершить свою собственную революцію, хорошо зная, что онъ погибнетъ, но зная также, что его смерть не будетъ безплодна.

Рѣшивъ бросить бомбу въ парламентъ, это сообщество политическихъ эксплуататоровъ, Вальянъ впродолженіе почти двухъ мѣсяцевъ приготовляется къ этому акту. Наконецъ, все готово, и вотъ что онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ наканунѣ покушенія:

„*8-го декабря 1893 г.* Сегодня я пришелъ въ палату депутатовъ; присутствовать на засѣданіи я не могъ, но мнѣ обѣщали на завтра входной билетъ.

Въ то время, какъ я ожидалъ открытія дверей, я замѣтилъ въ толпѣ много шпіоновъ. Удивительно, какъ инстинктомъ узнаешь этихъ господъ! Къ счастью для меня, я никогда не былъ агитаторомъ; иначе за мною сейчасъ начали бы слѣдить.

Тамъ же я слышалъ много недоброжелательной критики по адресу нашихъ депутатовъ. Одинъ рабочій, на радость галлереи, заявилъ даже, что недурно было бы бросить бомбу въ парламентъ. Онъ и не думалъ, что, быть можетъ, его желаніе будетъ скоро выполнено.

Несчастные глупые избиратели; пойдите хоть разъ въ парламентъ, и вы поймете ничтожное значеніе вашего пышнаго титула: „самодержавный народъ“, которымъ вы такъ гордитесь. Вы увидите тамъ, какъ ваши депутаты издѣваются надъ вами, и какъ уже заранѣе подсмѣиваются надъ всякаго рода просителями.

8-го декабря 1893 г. Вѣроятно, завтра будетъ послѣдній день моей свободы. Напрасно я анализирую свои ощущенія, я не чувствую никакой ненависти къ тѣмъ, которые завтра падутъ. То, что я хочу совершить, я дѣлаю хладнокровно. Мнѣ почти невозможно завтра спастись; судъ надо мною не будетъ длиться долго и будетъ удивительно, если я еще увижу расцвѣтъ весны. Смерть меня не страшитъ: не есть ли она убѣжище тѣхъ, которые потеряли всѣ свои иллюзіи? Но, по крайней мѣрѣ, я умру съ сознаніемъ, что я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы ускорить наступленіе новой эпохи, и я хотѣлъ бы только, чтобы атомы моего тѣла распространились въ человѣчествѣ и заразили людей... анархизмомъ, чтобы ускорить пришествіе будущаго общества...

„*9-го декабря 1893 г.* Сегодня утромъ, покидая мою подругу и мою дочь, я почувствовалъ, что мое сердце сжалось отъ мучительной боли. У меня хватило мужества скрыть отъ нихъ свое волненіе. Бѣдныя дорогія мои! Что станетъ съ вами!

12 часовъ: я иду съ бомбой въ парламентъ“...

А нѣсколько часовъ спустя, взрывъ бомбы въ Палатѣ Депутатовъ повергаетъ въ ужасъ правительство и буржуазію...

10-го января Вальяна судили.

— „Почему вы бросили бомбу въ депутатовъ? спросилъ предсѣдатель суда.

Вальянъ: Потому что они — главные виновники соціальныхъ преступленій.

На замѣчаніе предсѣдателя, что, „какъ и всегда, менѣе всего пострадали именно тѣ, противъ которыхъ было направлено покушеніе“, Вальянъ отвѣтилъ:

— Это не моя вина; я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы попасть въ депутатовъ.

Предсѣдатель: Ну, а другіе?

Вальянъ: Я повторяю: это не моя вина.

Предсѣдатель: Вѣдь эти-то были невинны.

Вальянъ: Да, и я предпочелъ бы попасть во всѣхъ депутатовъ, чѣмъ ранить хоть одного изъ зрителей.

Предсѣдатель: Въ одномъ письмѣ изъ тюрьмы вы жаловались, что покушеніе не удалось. Итакъ, оно не удалось?!... Вы сказали слѣдователю: „необходимо, чтобы депутаты знали, что надъ ихъ головою виситъ Дамоклова бомба. Послѣ меня придетъ другой, которому посчастливится больше, чѣмъ мнѣ.

Вальянъ: Да, я надѣюсь. Мое покушеніе не удалось такъ, какъ я того хотѣлъ. Но я долженъ прибавить, что я не хотѣлъ никого убить... Я предпочиталъ ранить многихъ депутатовъ, чѣмъ убить нѣсколькихъ. Мой актъ, имѣлъ бы тогда большее значеніе, и поэтому, я начинилъ бомбу гвоздями вмѣсто пуль.

Предсѣдатель: Но тогда почему же вы говорите, что покушеніе не удалось?

Вальянъ: Потому что я ранилъ зрителей и мало депутатовъ. Я цѣлилъ въ актеровъ...“

По окончаніи допроса, объясняя свой актъ, Вальянъ прочелъ слѣдующую декларацію.

„Господа, черезъ нѣсколько минутъ вы меня осудите; но, выслушивая вашъ приговоръ, я буду имѣть по крайней мѣрѣ удовлетвореніе, что я нанесъ рану современному обществу — этому проклятому обществу, въ которомъ одинъ человѣкъ можетъ тратить столько, сколько хватило бы, чтобы прокормить тысячи семействъ! гнусному обществу, которое позволяетъ нѣсколькимъ лицамъ захватить въ свои руки всѣ соціальныя богатства, когда существуютъ сотни тысячъ несчастныхъ, неимѣющихъ даже куска хлѣба, въ которомъ не отказываютъ собакамъ; тому самому обществу, которое допускаетъ, чтобы цѣлыя семейства кончали самоубійствомъ, не имѣя самаго необходимаго!

Ахъ, господа, если бы правители могли очутиться среди несчастныхъ. Но нѣтъ, они предпочитаютъ оставаться глухими къ ихъ призывамъ. Какъ будто злой рокъ толкаетъ ихъ, подобно королевству XVIII-го вѣка, въ ту пропасть, которая ихъ поглотитъ. Горе тѣмъ, кто не слышитъ криковъ умирающихъ съ голоду. Горе тѣмъ, которые, считая себя высшими существами, признаютъ за собой право эксплуатировать, держать въ невѣжествѣ и рабствѣ стоящихъ ниже ихъ, такъ какъ наступаетъ моментъ, когда народъ не разсуждаетъ больше; онъ поднимается, какъ ураганъ и разливается, какъ бурный потокъ. И тогда видишь окровавленныя головы на концахъ пикъ.

Среди эксплуатируемыхъ существуетъ два рода личностей: одни, не отдавая себѣ отчета ни въ томъ, что они есть, ни въ томъ, чѣмъ они могли бы быть, принимаютъ жизнь, какъ она есть, думаютъ, что они рождены, чтобы быть рабами, и довольствуются тѣмъ немногимъ, что они получаютъ въ обмѣнъ за свой трудъ; но существуютъ также и другіе, которые размышляютъ, изучаютъ дѣйствительность, и, наблюдая окружающее, замѣчаютъ соціальныя несправедливости. Но развѣ это ихъ вина, если они ясно видятъ, и страдаютъ страданіями другихъ?... Они бросаются въ борьбу и становятся носителями народныхъ требованій.

Я, — я одинъ изъ ихъ числа. Повсюду, гдѣ я былъ, я видѣлъ несчастныхъ, подавленныхъ игомъ капитала! Вездѣ я видѣлъ тѣ же раны, которыя заставляютъ проливать кровавыя слезы; вездѣ, даже въ глубинѣ скудно-населенныхъ провинцій Южной Америки, — гдѣ, мнѣ казалось, каждый, уставшій отъ цивилизаціи, могъ бы отдохнуть подъ тѣнью пальмъ и заниматься изученіемъ природы, — даже тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, я видѣлъ, какъ капиталъ, подобно вампиру, высасываетъ послѣднія капли крови изъ несчастныхъ парій. Тогда я вернулся во Францію, гдѣ мнѣ пришлось увидѣть ужасныя страданія моихъ близкихъ. Это было послѣднею каплей, переполнившей чашу. Уставъ вести эту трусливую жизнь страданій, я понесъ бомбу къ тѣмъ, кто прежде всего отвѣтственен за соціальныя страданія.

Мнѣ ставятъ въ упрекъ раны, нанесенныя моей бомбой. Позвольте мнѣ замѣтить мимоходомъ, что если бы буржуа во времена революціи не прибѣгали къ избіеніямъ, они, вѣроятно, и до сихъ поръ оставались бы подъ игомъ знати. Съ другой стороны, подсчитаемъ раненныхъ и убитыхъ въ Тонкинѣ, Дагомеѣ, на Мадагаскарѣ, прибавимъ къ нимъ тысячи или, скорѣе, милліоны несчастныхъ, которые умираютъ на фабрикахъ, въ шахтахъ, вездѣ, гдѣ давитъ капиталъ; прибавимъ къ нимъ еще тѣхъ, что умираютъ съ голоду — и все это съ согласія нашихъ депутатовъ... Что значитъ въ сравненіи со всѣмъ этимъ тѣ жертвы, за которыя меня упрекаютъ сегодня?

Правда, одно не сглаживаетъ другого, но, въ сущности, не находимся ли мы въ положеніи самозащиты, когда мы отвѣчаемъ на удары, которые намъ наносятся сверху? О, я хорошо знаю, что мнѣ отвѣтятъ, что я могъ бы ограничиться словесными требованіями. Но что дѣлать! Чѣмъ болѣе глухъ тотъ, къ кому обращаешься, тѣмъ сильнѣе долженъ быть голосъ, чтобъ онъ могъ быть услышаннымъ. Ужъ слишкомъ съ давнихъ поръ на нашъ голосъ отвѣчаютъ тюрьмою, веревкой и ружьями. И не создавайте себѣ иллюзій, взрывъ моей бомбы — это не только крикъ возставшаго Вальяна: это крикъ цѣлаго класса, который требуетъ своихъ правъ, и который скоро присоединитъ свои акты къ словамъ.

Будьте увѣрены, что, сколько бы законовъ вы ни издавали, вамъ не остановить идеи мыслителей; какъ въ прошломъ столѣтіи всѣ силы правительства не могли помѣшать Дидро и Вольтеру сѣять среди народа освободительныя идеи, такъ всѣ современныя правительственныя силы не помѣшаютъ Реклю, Дарвину, Спенсеру, Ибсену, Мирбо и т. д. распространять идеи справедливости и свободы, которыя уничтожатъ предразсудки невѣжественныхъ массъ. И эти идеи, воспринятыя несчастными, дадутъ плоды въ видѣ актовъ возстанія, которые будутъ продолжаться вплоть до того дня, когда исчезновеніе власти позволитъ всѣмъ людямъ сорганизоваться свободно, сообразно ихъ симпатіямъ, когда каждый сможетъ свободно пользоваться продуктами своего труда и когда исчезнутъ предразсудки — эти моральныя болѣзни. Тогда явится для людей возможность жить гармонично, не имѣя другихъ стремленій, кромѣ изученія наукъ и любви къ своимъ ближнимъ.

Я кончаю, господа. Я прибавлю лишь, что общество, въ которомъ существуютъ соціальныя неравенства, подобныя тѣмъ, которыя мы видимъ вокругъ себя, — гдѣ ежедневно происходятъ самоубійства, вызванныя нищетою, гдѣ видишь проституцію на каждомъ углу улицы, гдѣ главными зданіями являются тюрьмы и казармы, — подобное общество должно быть преобразовано какъ можно скорѣе, или оно обречено на исчезновеніе.

Привѣтъ тому, кто работаетъ, какими бы то ни было средствами, для этого преобразованія! Вотъ идея, которая руководила мною въ моемъ поединкѣ съ властью. И такъ какъ я только ранилъ противника — теперь его очередь отвѣтить мнѣ ударомъ.

Вашъ приговоръ меня не интересуетъ. Я гляжу на это собраніе съ точки зрѣнія разума, и не могу удержаться отъ смѣха, когда вы, атомы затерявшіеся въ матеріи, разсуждающіе лишь потому, что у васъ существуетъ утолщеніе спинного мозга, признаете за собой право судить подобнаго вамъ!..

Ахъ, господа! Какъ мало значитъ въ исторіи человѣчества и это собраніе ваше, и приговоръ вашъ; и сама человѣческая исторія, какое ничтожное мѣсто занимаетъ она въ вихрѣ безконечности, въ которомъ все проходитъ, все исчезаетъ и возникаетъ снова, въ постоянной игрѣ космическихъ силъ, вѣчно возобновляющихся, вѣчно видоизмѣняющихся!..

Послѣ краткаго совѣщанія Судъ приговорилъ Вальяна къ смертной казни. Несмотря на то, что уже во время процесса общественное мнѣніе было на сторонѣ Вальяна, несмотря на то, что даже сами раненные депутаты подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія просили Карно — президента Республики, — помиловать осужденнаго на смерть, приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

5-го февраля 1894 года рано утромъ Вальянъ былъ казненъ. Онъ умеръ просто и храбро, и послѣднія слова его были: „Смерть буржуазному обществу! да здравствуетъ Анархія"!

Взрывъ бомбы въ Парламентѣ навелъ ужасную панику на „народныхъ представителей". На другой же день — безъ дебатовъ, безъ обсужденія, въ нѣсколько минутъ, — были изданы „злодѣйскіе" законы противъ анархистовъ; жалованье провинціальныхъ полицейскихъ чиновниковъ было увеличено; анархистскіе журналы были конфискованы. 1-го января было произведено 2000 обысковъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ отдалъ приказъ „составить полный списокъ всѣхъ лицъ, которыя, не будучи анархистами, находятся съ ними въ сношеніяхъ и могутъ изъ личной дружбы помогать имъ".

Но, въ то время какъ свирѣпствовало республиканское правительство, въ то время, какъ впродолженіе почти цѣлаго мѣсяца послѣ приговора, Вальянъ каждый день ждалъ смерти, — народныя симпатіи все болѣе и болѣе склонялись на сторону автора покушенія... И когда послѣ казни, на покрытой цвѣтами, принесенными со всѣхъ концовъ Парижа, могилѣ Вальяна произошли манифестаціи, выражавшія симпатіи къ казненному анархисту, правительство приняло противъ нихъ мѣры и сравняло самую могилу съ землей...

Какъ отнеслись глубокіе слои парижскихъ рабочихъ къ покушенію Вальяна, какое впечатлѣніе произвело оно на нихъ? На эти вопросы безпристрастно отвѣчаетъ французскій писатель Лейро, который, съ цѣлью изучить рабочіе нравы, жилъ въ то время въ одномъ изъ рабочихъ кварталовъ Парижа. Въ своей книгѣ „Въ рабочихъ кварталахъ" онъ описываетъ все, что онъ слышалъ и видѣлъ, въ слѣдующихъ словахъ:

Ровно за недѣлю до покушенія Вальяна, одинъ журналистъ, часто посѣщавшій рабочіе кварталы, въ разговорѣ съ нѣкоторыми депутатами, съ увѣреннымъ видомъ предсказывалъ, что Бурбонскій дворецъ*) взлетитъ на воздухъ. Послѣ взрыва 9-го декабря, одинъ изъ нихъ сказалъ ему при встрѣчѣ:

— Ага, вы, значитъ, еще раньше знали что-то! Вы такъ хорошо освѣдомлены?

— Вовсе нѣтъ! Но *это носилось въ воздухѣ*! Походите по рабочимъ кварталамъ, послушайте, что тамъ говорится — и вамъ не придется удивляться.

Въ самомъ дѣлѣ, вечеромъ этого историческаго дня, когда пробило семь часовъ, кто-то, зайдя въ кабачокъ, сказалъ *со смѣхомъ*:

— Вотъ такъ новость! Звѣринецъ взлетѣлъ на воздухъ!

Эти слова никого не удивили — этого какъ будто ожидали. Тамъ сидѣло много рабочихъ — была суббота, вечеръ получки, и многіе зашли мимоходомъ пропустить стаканчикъ — никто не былъ взволнованъ, никто не произнесъ слова сожалѣнія.

Наоборотъ, сыпались шуточки, ругательства... по адресу жертвъ; жалѣли объ одномъ — что ихъ было такъ мало! — Карно**) долженъ бы былъ наградить орденомъ того, чья это работа! — Славный парень, вѣрно, тотъ, что сдѣлалъ это! — Пришлось и имъ поплясать на этотъ разъ, нашимъ двадцатипяти-франковымъ***) депутатикамъ! — Пропади они всѣ пропадомъ, никто не пожалѣетъ... — Это поджаритъ имъ пятки, можетъ и займутся нами! — Да, займутся! развѣ чтобъ надуть насъ, стервы этакія! — Пятьдесятъ жертвъ... неловкій парень! сплоховалъ, медвѣдь проклятый! — Нѣтъ, что и говорить! Эти анархисты — люди серьезные. — Но это не мѣшаетъ имъ каждый разъ попадаться. — Вѣрно! ихъ работа плоховата. — Разсуждай! а сдѣлаешь то, что они дѣлаютъ? И потомъ, можетъ этотъ и не попался, можетъ, еще онъ и удралъ!

Минутъ двадцать продолжался этотъ перекрестный огонь. Вечеромъ, кабачокъ былъ набитъ биткомъ — люди пили, пѣли, какъ всегда. Покушеніе было забыто, никто не говорилъ о немъ. Только одинъ пьянчужка пытался навести на него разговоръ: — „Что вы объ этомъ скажете, ребятушки! задѣли нашихъ депутатовъ". — „Ступай къ черту со своими депутатами! Намъ-то что?" И больше о нихъ не говорили.

Но когда узнали изъ газетъ, что бомбу бросилъ голодный рабочій, узнали всю исторію этого заброшеннаго незаконнаго ребенка, съ дѣтства предоставленнаго всѣмъ искушеніямъ улицы, выросшаго бокъ-о-бокъ съ преступленіемъ и голодомъ... въ то время, какъ въ красивомъ, окруженномъ зеленью, домикѣ, съ верандой, обвитой дикимъ виноградомъ, съ весело дымящейся трубой подъ яснымъ небомъ Арденнъ, ласкающихъ взоръ роскошью своей растительности — счастливый и всѣми уважаемый, въ довольствѣ жилъ его отецъ, не безпокоясь о судьбѣ несчастнаго сына, — этотъ бывшій жандармъ, ставшій акцизнымъ чиновникомъ, покровительствуемый, какъ вѣрный слуга, государствомъ и получающій отъ него содержаніе — когда народъ узналъ всѣ подробности жизни Вальяна до акта, онъ сердцемъ понялъ его.

„Шутки и росказни перваго дня смѣнились всеобщимъ замѣшательствомъ, и внезапное чувство печали взяло верхъ надъ повседневными заботами.

Это было въ разгаръ зимней безработицы. Нужда душила рабочіе кварталы. Всѣ рабочіе одинаково терпѣли отъ нея, всѣ были неувѣрены въ завтрашнемъ днѣ, отъ всѣхъ бѣжалъ кредитъ, а работа не приходила... Для всѣхъ нихъ эта проклятая безработица была виновницей всѣхъ бѣдъ, но также и оправданіемъ случившагося. Развѣ Вальянъ, въ концѣ концовъ не вышелъ изъ ихъ рядовъ? Анархистъ? Такъ что-же! Развѣ дѣло въ кличкѣ! Вѣдь онъ рабочій, какъ и они всѣ, но только менѣе терпѣливый и непокорный. Отчаяніе толкнуло его на „злое дѣло", которое приходитъ въ голову всякому рабочему въ тяжелыя минуты, неужели-же за то, что онъ направилъ его противъ депутатовъ, его приговорятъ къ смерти, какъ убійцу? За динамитъ надо винить не его, а тяжелыя времена. Развѣ люди были-бы злыми, развѣ

*) Въ Бурбонскомъ дворцѣ въ Парижѣ помѣщается французскій парламентъ.

**) Тогдашній президентъ республики.

***) Въ то время депутаты получали по 25 фр. въ день; съ тѣхъ поръ они нашли, что этого мало, и съ ноября 1906 г. получаютъ по 41 франку въ день

шли-бы другъ противъ друга, если-бы всегда былъ, что ѣсть? А когда нѣтъ куска хлѣба для ребятишекъ, навѣстно, бываютъ минуты, когда въ глазахъ станетъ красно!

Кто знаетъ! Можетъ быть, если-бы у него всегда былъ хлѣбъ для его Сидоніи, Вальянъ и не подумалъ-бы о бомбѣ?... И они, эта сволочь, отрубятъ ему голову за бомбу, которая никого не убила (потому что всѣ раненые выздоравливаютъ), которая причинила только матеріальные убытки?... Депутаты, должно быть, будутъ ходатайствовать о его помилованіи, чтобы возстановить свою популярность, а Карно, милый человѣкъ, конечно помилуетъ его: жалостливый и великодушный, онъ миловалъ даже самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ."

И когда въ это мрачное туманное февральское утро подъ нависшими тяжелыми тучами траурнаго неба, въ леденящей черной атмосферѣ разнеслась вѣсть о томъ, что общество оказалось неумолимымъ, что Вальянъ казненъ, — въ рабочихъ кварталахъ воцарилось общее замѣшательство и недоумѣніе, стали раздаваться крики гнѣва съ примѣсью страха за будущее, и неизбѣжность мести стала для всѣхъ очевидной. Эти простыя сердца были закрыты для ученыхъ махинацій политики; въ казни этого утра они видѣли кровожадную безтактность стоящихъ у власти; кровь казненнаго капля по каплѣ растравляла эти сердца, образуя въ нихъ незалечимую рану, и они старались утѣшить себя, восторгаясь мужественной смертью Вальяна, непоколебимаго до конца, не дрогнувшаго въ моментъ казни.

Съ этихъ поръ, несмотря на обыски и аресты, рабочій людъ заговорилъ объ Анархіи: онъ почти вовсе не зналъ, что она означала и чего она хотѣла, но отнынѣ, во всѣхъ анархистахъ онъ видѣлъ Вальяновъ, и его горячая симпатія къ казненному 5-го февраля заставляла его невольно одобрять тѣ таинственныя теоріи, во имя которыхъ Вальянъ потрясъ своды дворца. Въ этихъ душахъ онъ оставилъ за собой глубокую борозду.

Слово „мученикъ" было произнесено. О Вальянѣ страстно спорили, гнѣвно защищали его память.

Однажды едва удалось разнять двухъ сцѣпившихся посѣтителей: „Ты говоришь: разбойникъ! Ты смѣешь говорить, что анархисты разбойники... Вы слышите товарищи! Этотъ-же-братъ оскорбляетъ тѣхъ, которые умираютъ за насъ!"

Тотъ долженъ былъ объясниться, взять свои слова обратно, передъ наступающей толпой въ двадцать человѣкъ: онъ говорилъ не о Вальянѣ, а о ворахъ, которые хотятъ жить, ничего не дѣлая, прикрываясь именемъ анархистовъ.

Всѣхъ занималъ вопросъ, когда и какъ отомстить за Вальяна; въ этомъ никто не сомнѣвался, и многіе говорили: „не хотѣлъ бы я быть въ шкурѣ Карно".

Народъ, любящій все таинственное, особенно увлекающійся людьми, которые ему кажутся окруженными скрытой силой, уже рисовалъ себѣ огромную тайную организацію анархистовъ, руководящую всѣми покушеніями. Никто не сомнѣвался, что Вальянъ будетъ отомщенъ. Каждый говорилъ себѣ: „вдлетитъ въ одно прекрасное утро не миновать этого!"

Предчувствіе рабочихъ оправдалось. 12 февраля 1894 г. Эмиль Анри бросаетъ свою бомбу въ Кофейню „Terminus", такъ какъ „буржуазія преслѣдуетъ всѣхъ анархистовъ. Одинъ человѣкъ, Вальянъ бросилъ бомбу: девять десятыхъ анархистовъ даже не знали Вальяна; тѣмъ не менѣе, послѣ его покушенія послѣдовали массовые аресты и преслѣдованія. И такъ какъ на актъ этого человѣка вы дѣлаете отвѣтственными всѣхъ анархистовъ, мы дѣлаемъ отвѣтственными всѣхъ буржуа." *)

15 марта 1894 года происходитъ взрывъ бомбы въ одной аристократической церкви; 4 апрѣля новый взрывъ въ одномъ буржуазномъ ресторанѣ, и, наконецъ, 24 іюня 1894 года итальянскій рабочій Казеріо ударомъ кинжала убиваетъ Карно, президента Республики, представителя Капитала и Власти — этихъ двухъ основъ современнаго рабскаго строя.

X.

Краткій очеркъ анархическаго движенія въ Польшѣ, Литвѣ и Лифляндіи **).

Прежде чѣмъ дать очеркъ развитія анархизма въ Польшѣ, мы должны въ краткихъ чертахъ охарактеризовать тѣ формы, которыя приняло мѣстное рабочее движеніе.

Польскій пролетаріатъ въ центрахъ текстильной индустріи (Варшава, Лодзь, Пабіаницы и др.) и въ каменноугольномъ районѣ (Домброво и Сосновицы) давно уже ведетъ упорную борьбу съ капиталистами; эта борьба пріучила его часто примѣнять бурныя стачки, сопровождаемыя экономическимъ терроромъ и различными партизанскими дѣйствіями. Но эту чисто-классовую борьбу пролетаріата постоянно парализовали различныя національныя движенія. Наглая политика самодержавія, проводимая съ особенной силой въ Польшѣ, ложилась тяжелымъ бременемъ, главнымъ образомъ, на спину рабочаго класса; этимъ исключительнымъ положеніемъ пролетаріата и пользовались различныя національно-демократическія партіи. „Народные демократы" доказывали ему, что преступно-де вести классовую борьбу внутри самой польской націи, когда она вся страдаетъ отъ общаго гнета — царскаго правительства; даже соціалисты не освободились отъ этой національной точки зрѣнія; правда у нихъ она формулировалась нѣсколько иначе: они звали рабочій классъ къ вооруженному возстанію во имя провозглашенія независимой Польской Республики (только соціальдемократы, кичившіеся на словахъ своимъ интернаціонализмомъ, звали къ борьбѣ за обще-россійскую демократію).

Партійный антагонизмъ въ нѣдрахъ польскаго рабочаго движенія имѣетъ и свою кровавую исторію; мы не будемъ на ней останавливаться и ограничимся лишь приведеніемъ минимальнаго подсчета газеты „Товарищъ", по которому въ теченіе одного послѣдняго полугодія въ Лодзи убито (на партійной почвѣ, во время столкновеній „народовцевъ" съ соціалистами) 127 рабочихъ и 6 работницъ; въ то же самое время, со стороны слугъ царскаго правительства за этотъ періодъ убито всего 15 и ранено 6 человѣкъ. Только узкое политиканство и національный фанатизмъ могли создать въ рядахъ пролетаріата такое отвратительное явленіе! Въ дальнѣйшемъ пролетаріатъ можетъ очиститься отъ этихъ переживаній только однимъ путемъ: организаціей въ чисто-классовые безпартійные союзы для веденія непосредственной борьбы съ капиталистами и освобожденіемъ отъ религіознаго, политическаго и національнаго сектантства.

Однимъ словомъ, польскимъ рабочимъ необходимо стать на чисто-классовую точку зрѣнія, которая была обоснована уже въ знаменитомъ уставѣ „Интернаціонала" *) — иначе ихъ движеніе пойдетъ и впредь по опасной дорогѣ политическаго и національнаго авантюризма. Многіе рабочіе вступили уже на путь истинно классовой борьбы, все чаще и чаще организуясь въ безпартійные профессіональные союзы.

Мы уже упоминали выше, что одной изъ характерныхъ особенностей польскаго рабочаго движенія *является рѣзкій радикализмъ* въ методахъ борьбы. Польскій работникъ привыкъ бойкотировать выборы въ Государственную Думу и полагаться только на action directe (непосредственное воздѣйствіе) — въ формѣ стачекъ, экономическаго террора, бунтовъ и пр. И вотъ, въ послѣдніе мѣсяцы между рабочими и ихъ руководителями возникъ конфликтъ. Онъ особенно обострился послѣ Лондонскаго съѣзда россійской соціаль-демократіи, на которомъ были приняты резолюціи: 1) противъ безпартійнаго рабочаго съѣзда, 2) противъ партизанскихъ дѣйствій, единичныхъ и массовыхъ, якобы дезорганизующихъ революцію и 3) противъ „экспропріацій", какъ деморализующаго пріема борьбы, ожесточающаго все общество противъ революціонеровъ. Постановленія центральныхъ комитетовъ, согласно резолюціямъ съѣзда, о разоруженіи и роспускѣ боевыхъ дружинъ вызвали рядъ протестовъ; еще больше подлили масла въ огонь заявленія самой непримиримой „революціонной фракціи П. П. С." (въ Лодзи и Варшавѣ), въ которыхъ она, отказываясь отъ экономическаго террора, отрекается отъ послѣднихъ убійствъ фабрикантовъ и директоровъ. Кромѣ того всѣ соціалистическія партіи значительно понизили свой тонъ и по отношенію къ выборамъ въ III-ю Государственную Думу, настолько, что это вызвало среди рабочихъ, привыкшихъ употреблять „анархическіе методы" (бойкотъ и партизанскіе пріемы), рѣзкую оппозицію. Создалось двойственное положеніе. Съ одной стороны современная политика правительства и наглая тактика капиталистовъ, организующихъ локауты, углубляютъ и расширяютъ старые революціонные пріемы борьбы; съ другой — государственные соціалисты призываютъ концентрировать всѣ силы на узко-политической борьбѣ, вплоть до избирательной агитаціи.

Многіе рабочіе, вѣрные своимъ классовымъ инстинктамъ, учуяли въ „новомъ курсѣ" своихъ вождей опасный поворотъ вправо, граничащій съ полной измѣной недавнему революціонному прошлому. Подобное поведеніе соціалистическихъ комитетовъ толкнуло многихъ революціонно настроенныхъ рабочихъ въ ряды максимализма „махаевщины" и анархизма; вслѣдствіе этого, въ самихъ соціалистическихъ организаціяхъ (отъ Бунда до П. П. С.), появились многочисленные „анархиствующіе элементы". Настроеніе широкихъ массъ очень революціонно и можетъ быть направлено въ сторону острой соціально-революціонной борьбы.

*) Рѣчь Анри на судѣ.

**) Очеркъ составленъ на основаніи отрывочныхъ матеріаловъ, данныхъ группами и отдѣльными товарищами. Будемъ очень благодарны, если намъ укажутъ на вкравшіяся неточности и ошибки, а также дополнятъ многіе пробѣлы. Н. Р.

*) См. брошюру М. Бакунина: „Политика Интернаціонала", изд. „Свобода" (Москва, 1906 г.). Н. Р.

До настоящаго времени анархизмъ игралъ незначительную роль въ польскомъ движенiи. Одной изъ главныхъ причинъ этого слабаго успѣха анархической пропаганды является почти полное отсутствiе литературы. До сихъ поръ на польскомъ языкѣ были изданы слѣдующiя книги и брошюры: 1) Кропоткинъ „Завоеванiе хлѣба“, 2) Э. Анри „Рѣчь на судѣ“, 3) Малатеста „Анархiя“, 4) Кульчицкiй „Современный анархизмъ“, 5) Ж. Тонаръ „Чего хотятъ анархисты“, 6) Зелинскiй „Лживый соцiализмъ“, „Всеобщая стачка“, „Рабочiе профессiональные союзы“, и, наконецъ, два номера газетъ: „Революцiонный Голосъ“ и „Вольный мiръ“ (Львовъ) и журналъ „Новая эпоха“.

Сначала анархическая пропаганда велась только въ Варшавѣ и ея районѣ, какъ Сѣдлецъ, Бѣла, въ послѣднее же время въ Лодзи, Ченстоховѣ и др.

Въ Варшавѣ работа началась послѣ январьскихъ событiй 1905 года. Первая группа „Интернацiоналъ“ была организована среди еврейскихъ рабочихъ, бывшихъ „бундовцевъ“; устраивали митинги, гдѣ выступали ораторы, говорившие на польскомъ и еврейскомъ языкахъ; было организовано до 10 пропагандистскихъ кружковъ (съ 125 участниками и болѣе); сама же группа состояла изъ 40 членовъ. Къ этому перiоду относится вмѣшательство анархистовъ въ цѣлый рядъ экономическихъ стачекъ; такъ, во время забастовки пекарей *), которой руководили анархисты-коммунисты, было взорвано нѣсколько печей и облито керосиномъ тѣсто. Испуганные собственники уступили, и стачка была выиграна рабочими. Насколько были терроризированы буржуа-хозяева можно судить по слѣдующему факту, который имѣлъ мѣсто впослѣдствiи: узнавъ заранѣе, что стачкой руководятъ анархисты, они неоднократно сразу уступали, во избѣжанiе „непрiятныхъ осложненiй“. — Изъ групповыхъ террористическихъ актовъ мы можемъ отмѣтить бомбу, брошенную тов. Блюменфельдомъ (впослѣдствiи погибшимъ) въ банкирскую контору Шерешевскаго и двѣ бомбы въ отель-ресторанъ „Бристоль“, гдѣ былъ раненъ одинъ буржуа.

Все время анархистамъ приходилось вести энергичную борьбу съ мѣстными соцiалистами, которые встрѣчали ихъ крайне враждебно и писали противъ нихъ статьи въ духѣ „Варшавскаго Дневника“; также приходилось воевать и съ „бандитами“, которые, прикрываясь именемъ анархистовъ, совершали всевозможныя вымогательства и грабежи. Когда настали октябрьскiе дни, анархисты-коммунисты выступали на многолюдныхъ митингахъ. Вскорѣ начались репрессiи, и полицiя стала арестовывать всѣхъ заподозрѣнныхъ въ причастности къ анархизму. Первымъ былъ взятъ анархистъ-агитаторъ Викторъ Ривкиндъ, во время распространенiя среди солдатъ прокламацiй; его осудили вскорѣ на 4 года каторги, а впослѣдствiи казнили. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ арестовъ — членовъ группы „Интернацiоналъ“, причемъ было захвачено много оружiя, бомбъ, динамита, адская машина и тайная типографiя.

Буржуазная печать, даже либеральная, возмущавшаяся предстоящею казнью лейтенанта Шмидта и пытками надъ соцiалисткой-революцiонеркой М. Спиридоновой, требовала казни арестованныхъ товарищей. 4-го января утромъ въ варшавской цитадели были разстрѣляны пять анархистовъ — членовъ группы „Интернацiоналъ“. На слѣдующiй день въ стѣнахъ той же крѣпости разстрѣляли еще шесть товарищей, среди нихъ былъ и В. Ривкиндъ. 28 января произошла казнь остальныхъ пяти анархистовъ **). Прежде чѣмъ всѣ 16 товарищей были казнены, сыщикъ Гринъ (нынѣ убитый революцiонерами), вмѣстѣ со своими сподвижниками, подвергъ ихъ жестокимъ пыткамъ и истязанiямъ. Впослѣдствiи, въ польскихъ газетахъ распространился слухъ, что весной было поймано рыбаками въ Вислѣ вблизи цитадели нѣсколько обезображенныхъ тѣлъ, пронзенныхъ пулями, съ залитыми смолой лицами. Это были трупы казненныхъ анархистовъ. Вотъ ихъ имена: Соломонъ Розенцвейгъ, Яковъ Гольдштейнъ, Викторъ Ривкиндъ, Лейбъ Фурцейгъ, Яковъ Кристалъ, Яковъ Пфефферъ, Куба Игольсонъ, С. Менджелевскiй, Карлъ Скурка, Игнатъ Корнбаумъ, Исаакъ Шапиро, М. Пугачъ, Ф. Грауманъ, Израиль Блюменфельдъ, Соломонъ Шаеръ и Абрамъ Роткопфъ.

Надо замѣтить, что всѣ эти казни были совершены въ „дни свободъ“, безъ всякаго суда, по одному лишь приказу лейбъ-палача Скалона.

*) Описанiе казни 16 анархистовъ-коммунистовъ было дано въ № 5 „Буревѣстника“ въ статьѣ „Памяти казненныхъ“. И. Р.

**) Во время первой стачки пекарей, анархисты „явочнымъ порядкомъ“ захватили одну пекарню Нахлина и начали производство на „коммунистическихъ началахъ“. Они руководили этой пекарней, удовлетворяли требованiя служащихъ, уплатили часть долговъ и вели дѣло до тѣхъ поръ, пока собственникъ не пришелъ съ повинной, согласившись удовлетворить всѣ требованiя рабочихъ. И. Р.

Такъ трагически закончился первый перiодъ анархической дѣятельности въ Варшавѣ. Группа была парализована; уцѣлѣвшiе члены ея бѣжали заграницу; другая часть арестованныхъ была сослана на каторгу и на поселенiе въ Сибирь. Застой въ работѣ продолжался вплоть до августа 1906-го года; къ этому перiоду относится возникновенiе новыхъ анархическихъ группъ: „Черное Знамя“ и „Свобода“. Зимой того же года анархисты руководили уже цѣлымъ рядомъ экономическихъ стачекъ. Когда хозяева-портные объявили локаутъ, анархисты-рабочiе отвѣтили на него саботажемъ, обливая сѣрной кислотой товары, чѣмъ причинили собственникамъ убытки. Испугавшись, послѣднiе уступили требованiямъ стачечниковъ. Во время забастовки въ мастерской Короба, анархистами было убито нѣсколько мастеровъ. Недавно совершено убiйство при „экспропрiацiи“ одного директора, причемъ былъ арестованъ анархистъ Зильберштейнъ, который предается военно-окружному суду. Въ декабрѣ 1906 года въ Варшавѣ казнены три анархиста-коммуниста, привезенныхъ изъ Бѣлостока: Савелiй Судобичеръ, Iосифъ Мыслинскiй и Целекъ — участники вооруженнаго сопротивленiя и ряда анти-буржуазныхъ актовъ.

Въ 1907 году произведены полицiей многочисленные аресты анархистовъ (сразу взято 21) съ бомбами и транспортомъ газеты „Революцiонный Голосъ“.

Недавно военно-окружной судъ приговорилъ двухъ анар.-ком.: Исаака Гейликмана и Авеля Коссовскаго (арестованныхъ въ мѣстечкѣ Супраслѣ, около Бѣлостока, во время всеобщей стачки 1906 г., и оказавшихъ вооруженное сопротивленiе) — къ смертной казни чрезъ повѣшенiе. И. Гейликманъ уже повѣшенъ въ варшавской цитадели; Коссовскому же казнь замѣнена вѣчной каторгой.

Что касается другихъ анархистскихъ группъ въ Польшѣ, то свѣдѣнiй объ ихъ дѣятельности мы совершенно не имѣемъ; *) такъ, въ Лодзи анархистамъ приписываютъ убiйство богатаго фабриканта Куницера (1906 г.) и директора фабрики Познанскаго — Давида Розенталя (1907 г.); послѣднiй за нѣсколько дней до смерти, получилъ отъ „Лодзинской Группы А.-К.“ предостереженiе, что онъ будетъ убитъ за объявленiе имъ локаута. Польскiя и еврейскiя соцiалистическiя газеты писали, что на подобные акты способны только „подонки общества“; даже „молодая революцiонная фракцiя П. П. С.“ выпустила заявленiе, въ которомъ порицала убiйство директора Розенталя.

* * *

Теперь перейдемъ къ анархическому движенiю въ Литвѣ. Главнымъ центромъ его является городъ Бѣлостокъ и окрестный ткацко-промышленный районъ. Кромѣ того, съ 1904—1907 г. г. анархическое движенiе существовало въ Сморгони, Ковно, Гродно, Вильно, Минскѣ, Барановичахъ, Брестъ-Литовскѣ, и гор. Бѣлостокъ, гдѣ сконцентрирована ткацкая индустрiя, въ которой занято нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, еще въ 1903 г. сталъ очагомъ анархической пропаганды. Возникшая здѣсь группа анархистовъ-коммунистовъ „Борьба“, первоначально занималась исключительно распространенiемъ своихъ идей; ею были изданы на русскомъ языкѣ и жаргонѣ рядъ прокламацiй и брошюръ, какъ напр.: 1) „Трупъ“, 2) „Симонъ Адлеръ“, 3) „Воровство“, — разсказы изъ жизни рабочихъ, 4) „Анархическiй Коммунизмъ“ Кропоткина, 5) „Религiозная язва“ I. Моста, 6) „Студентъ“, — мысли студента о наукѣ въ буржуазномъ обществѣ, 7) „Анархизмъ и политическая борьба“ Нiаишвили и два доклада анархическому интернацiональному конгрессу 1900 года: „Расколъ среди соцiалистовъ-государственниковъ“ Черкезова и „Взаимная отвѣтственность и солидарность рабочихъ“ М. Неттлау; изъ особенно характерныхъ прокламацiй можно отмѣтить: „Ко всѣмъ рабочимъ“, „По поводу рожденiя наслѣдника“, „Ко всѣмъ солдатамъ“ — антимилитаристскiй листокъ, „Къ крестьянамъ“, а также заявленiя по поводу взрыва у фабриканта Вечорека, бомбы брошенной въ патруль, и убiйства помощника полицiймейстера со сворой агентовъ. Въ это время устраивались анархистами довольно большiе митинги, на которые стекалось отъ 600 до 800 рабочихъ; послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ упорной работы анархическая группа насчитывала уже около 70-ти активныхъ членовъ.

Агитацiонные митинги особенно ожили передъ первымъ мая 1904 года, когда они происходили почти ежедневно. Въ этотъ перiодъ анархическая группа руководила рядомъ мелкихъ стачекъ, нѣкоторыя изъ нихъ были выиграны, благодаря примѣненiю экономическаго террора. Во время безработицы, анархисты руководили толпами голодныхъ рабочихъ и брали насильно въ булоч-

*) Въ прокламацiи „Къ рабочимъ“, изданной „Уральской группой А.-К.“ (Уфа 1907 г.), сообщается, что лодзинскiе рабочiе во время локаутовъ, руководимые анархистами, захватывали одежду, пищу, топливо и прочiе продукты. Только благодаря примѣненiю этихъ анархическихъ методовъ, лодзинскiе рабочiе выдержали борьбу съ локаутами.

ныхъ хлѣбъ; эти поступки вызвали большое недовольство „бундовцевъ“, и они въ своихъ прокламацiяхъ, рѣзко нападали на анархистовъ.

Въ мѣстечкѣ Крынкахъ, анархисты-коммунисты произвели вооруженное нападенiе на волость и конфисковали паспортные бланки. Когда возникла стачка на ткацкихъ фабрикахъ, буржуа Авраамъ Канъ организовалъ выписку штрейкбрехеровъ; онъ въ то же время являлся представителемъ „союза фабрикантовъ“ для борьбы съ забастовщиками. Рабочiй-анархистъ Нисанъ Фарберъ, ранилъ кинжаломъ этого фабриканта.

Этотъ первый въ Бѣлостокѣ анти-буржуазный актъ вызвалъ всеобщую симпатiю стачечниковъ ткачей и тѣмъ самымъ усилилъ ихъ интересъ къ идеѣ анархизма. Впослѣдствiи, полицiя окружила въ лѣсу митингъ рабочихъ и стрѣляла, было ранено около 30 человѣкъ. Въ отомщенiе за это, тотъ же Фарберъ бросилъ 6-го октября македонскую бомбу въ первый полицейскiй участокъ, жертвами этого акта были полицейскiй надзиратель, два городовыхъ, секретарь полицiи, два посѣтителя — буржуа, — и самъ Нисанъ Фарберъ, погибшiй при взрывѣ бомбы.

Когда въ Лодзи вспыхнула всеобщая стачка, и рабочихъ разстрѣливали царскiя войска, бѣлостокскiй пролетарiатъ изъ солидарности къ борющимся товарищамъ объявилъ трехдневную забастовку. Правительство и здѣсь отвѣтило разстрѣломъ рабочихъ-демонстрантовъ; улицы были запружены войсками и отрядами полицейскихъ; несмотря на это, во время похоронъ убитыхъ состоялась грандiозная манифестацiя изъ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, которая прошла по улицамъ съ пѣнiемъ: „Вы жертвою пали“...

На кладбищѣ, на могилахъ убитыхъ произнесли рѣчи ораторы-анархисты; ихъ агитацiонныя рѣчи произвели сильное впечатлѣнiе на присутствовавшихъ.

Послѣ описываемыхъ событiй одинъ изъ войсковыхъ патрулей подошелъ къ памятнику Муравьева, гдѣ стояли помощникъ полицiймейстера и его свита. Въ этотъ самый моментъ анархистъ Аронъ Елинъ (впослѣдствiи убитый) бросилъ бомбу съ крикомъ: „Да здравствуетъ анархiя!“ Взрывомъ было убито и ранено 10 человѣкъ, въ томъ числѣ помощникъ полицiймейстера, офицеръ патруля и приставъ. Елинъ же благополучно скрылся. Однажды солдаты убили одного рабочаго; анархисты-коммунисты снова бросили бомбу въ патруль, жертвами взрыва которой были офицеръ и нѣсколько солдатъ.

Энергичное участiе въ движенiи принимали также анархисты въ Январьско-Октябрьскiе дни. Нѣкоторые изъ нихъ входили даже, какъ частныя лица, въ мѣстный совѣтъ рабочихъ депутатовъ, гдѣ пользовались замѣтнымъ влiянiемъ. Во время грандiозной стачки, вспыхнувшей одновременно съ событiями 9 января въ С.-Петербургѣ, анархисты на ряду съ другими партiями руководили рабочими и захватили мѣстечко Крынка (ткацкiя фабрики около Бѣлостока); терроризованная полицiя бѣжала, всѣ правительственныя учрежденiя, какъ почта, телеграфъ, конторы, были въ рукахъ возставшихъ. Анархисты хотѣли конфисковать денежныя суммы, но этому помѣшали „бундовцы“, считая неприкосновенной „общественную собственность“. Вскорѣ прибыли войска, и все было потеряно.

Къ срединѣ 1906 г., въ Бѣлостокѣ уже существовала довольно сильная „Анархическая Федерацiя“, состоявшая изъ 4-хъ цеховъ: ткачей, кожевниковъ, столяровъ и портныхъ. Кромѣ того функцiонировало 15 анархистскихъ пропагандистскихъ кружковъ, изъ фабрично-заводскихъ и ремесленныхъ рабочихъ. „Федерацiя анархистовъ-коммунистовъ“ вмѣшивалась въ массу стачекъ, какъ например на механическомъ заводѣ Вечорека, на паровыхъ мельницахъ. Кромѣ того она поддерживала стачку на аппретурныхъ фабрикахъ, вызванную польскими „Народовцами“. Во время стачки у Вечорека, анархисты Ганискiй и Никборскiй бросили въ его домъ двѣ бомбы. Особенно ярко проявила себя Федерацiя во время всеобщей стачки, которую начали нитяри, въ маѣ 1906 г., впослѣдствiи окрестныя ткацкiя фабрики тоже присоединились къ этой забастовкѣ.

Фабриканты объединились въ синдикатъ и не соглашались на удовлетворенiе требованiй рабочихъ. Стачка затянулась; сотни рабочихъ страдали отъ голода; тогда анархисты-коммунисты организовали рядъ экспропрiацiй; руководя толпами безработныхъ, они нападали на булочныя, магазины, склады, забирая всюду мясо, хлѣбъ, овощи и пр. продукты. Кромѣ того анархистскiя „боевыя дружины“ ходили по домамъ буржуа и требовали въ пользу бастующихъ деньги.

Фабриканты Фрейндкинъ и Гендлеръ предложили „Синдикату капиталистовъ“ объявить локаутъ; къ нимъ присоединились многiе собственники другихъ фабрикъ; тогда началась эра анархическихъ анти-буржуазныхъ актовъ: брошены были, одна за другой, бомбы въ дома Гендлера и Рихерта, которыя, произведя сильное опустошенiе, никого не ранили. Бомба же, брошенная въ домъ Фрейндкина, сильно контузила самого фабриканта; четвертая бомба взорвалась въ квартирѣ директора завода Комихау и ранила его жену.*) Эта эпидемiя покушенiй вызвала неописуемую панику среди мѣстной буржуазiи; многiе фабриканты бѣжали заграницу, въ томъ числѣ и Гендлеръ, который впослѣдствiи, по возвращенiи изъ Берлина, былъ убитъ анархистами.

Въ эту бурную эпоху анти-буржуазныхъ выступленiй было арестовано нѣсколько товарищей и впослѣдствiи присуждено варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ къ каторгѣ и смертной казни. Въ числѣ повѣшенныхъ въ варшавской цитадели въ декабрѣ 1906 года былъ мужественный революцiонеръ Iосифъ Мыслинскiй, который одинъ бросилъ нѣсколько бомбъ и ранилъ фабриканта Фрейдкина. Онъ былъ очень популяренъ среди польскаго пролетарiата города Бѣлостока.

Впослѣдствiи, „Анархическая Федерацiя“ руководила и другими частичными и всеобщими стачками, или же участвовала въ нихъ наряду съ другими соцiалистическими партiями. Такъ, во время забастовки сапожниковъ, анархисты вмѣшались въ нее, примѣняя экономическiй терроръ (стрѣляли въ мастеровъ и хозяевъ), — то же дѣлали они во время стачки портныхъ. Когда же забастовали пекари, анархисты, терроризируя хозяевъ, стали взрывать печи. Вмѣшивались анархисты и въ цѣлый рядъ другихъ стачекъ, гдѣ рабочiе явочнымъ порядкомъ вводили 8-ми часовой рабочiй день, какъ напримѣръ на пивоваренныхъ заводахъ, на обѣихъ паровыхъ мельницахъ и т. д.

Ведя энергичную борьбу съ капиталистами, анархисты не игнорировали и представителей государства.

Мы уже упоминали выше объ актахъ Фарбера и Елина... Къ этимъ актамъ остается прибавить взрывъ адской машины въ жандармскомъ управленiи, съ убiйствомъ нѣсколькихъ жандармовъ, далѣе, анархисты застрѣлили пристава и помощника; также ими была брошена бомба въ другого пристава Ходоровскаго, а потомъ въ генералъ-губернатора Богаевскаго (онъ, къ сожалѣнiю, остался живъ). Анархисты же убили помощника начальника охраннаго отдѣленiя Шеймана и полицiймейстера Дергачева; были еще и мелкiе террористическiе акты.

Во время кроваваго погрома, анархисты принимали дѣятельное участiе въ самооборонѣ и бросили бомбу въ военный патруль на Суражской улицѣ; тогда же, въ Мѣстечкѣ Соколки (возлѣ города) анархисты оказали вооруженное сопротивленiе, убили двухъ стражниковъ, и сами погибли; среди нихъ былъ дѣятельный анархистъ Беньяминъ Бахрахъ. Въ Бѣлостокѣ были и другiе случаи вооруженныхъ отпоровъ; такъ, въ кварталѣ „Новый-Свѣтъ“ анархисты потеряли двухъ товарищей и убили агентовъ полицiи; въ другомъ мѣстѣ, осенью 1906 г., товарищъ Исаакъ (фамилiя неизвѣстна) оказалъ упорное сопротивленiе, ранилъ помощника пристава и городовыхъ, за что и былъ впослѣдствiи казненъ.

Въ заключенiе остается еще сказать нѣсколько словъ и о другихъ проявленiяхъ борьбы.

Такъ, полицiей была взята тайная типографiя „Анархiя“ съ бомбами, при которой арестованы товарищи: Борисъ Энгельсонъ (бѣжалъ изъ тюрьмы), дѣвица Майзельсъ (тоже бѣжала изъ Гродно) и Фрида Новикъ (осуждена на каторгу). При арестѣ товарищъ Энгельсонъ пытался бросить бомбу, но полицейскiе успѣли помѣшать этому. Изъ другихъ побѣговъ можно указать одинъ, съ нападенiемъ на конвой, когда анархисты отбили товарищей, которыхъ везли въ Поневѣжъ. Нѣсколько конвоировъ было убито, анархисты скрылись. Изъ печальныхъ фактовъ бѣлостокскаго движенiя слѣдуетъ отмѣтить случайный взрывъ бомбъ, при которомъ погибло два нашихъ товарища а.-к.

Мы уже раньше говорили, что Бѣлостокъ былъ центромъ, вокругъ котораго группировались десятки рабочихъ фабричныхъ поселковъ и городковъ, какъ Ружаны, Бѣльскъ, Цѣхановицъ, Трестенъ, Крынки и пр., гдѣ существовали наши группы. Въ этихъ пунктахъ событiя происходили обыкновенно въ связи съ бѣлостокскими. Укажемъ на нѣкоторые случаи участiя анархистовъ въ движенiи этого района. Такъ, въ м. Ружанахъ анархисты неоднократно руководили стачками. Въ Бѣльскѣ вела дѣятельную пропаганду крестьянская группа а.-к.; такая же группа работала въ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Орло. Въ г. Волковыскѣ, во время стачки и послѣдовавшаго за ней локаута, анархисты убили фабриканта. Въ Трестенѣ они же вмѣшивались въ рядъ стачекъ, посредствомъ которыхъ рабочiе добивались восьмичасового рабочаго дня. Въ это время анархистами были брошены двѣ бомбы: одна въ квартиру урядника, другая въ буржуа. Послѣднюю бомбу

*) Вскорѣ, но не въ связи со всеобщей стачкой, была брошена еще одна бомба въ собственника Келецкаго.

Н. Р.

бросилъ товарищъ Борисъ Гозъ, убитый впослѣдствiи при вооруженномъ сопротивленiи въ Брестъ-Литовскѣ. Въ Заблудовѣ во время забастовки анархисты стрѣляли въ фабриканта-кожевника. Въ м. Крынкахъ ими же убитъ еще одинъ фабрикантъ и брошена бомба въ синагогу,*) гдѣ засѣдали еврейскiе буржуа-собственники и обсуждали мѣры борьбы съ рабочимъ движенiемъ.

Таковые факты, характеризующiе въ общихъ чертахъ проявленiе революцiоннаго анархизма въ Бѣлостокскомъ промышленномъ районѣ. Мы привели только часть, и притомъ очень незначительную, изъ многообразныхъ проявленiй анархистской борьбы. Многое намъ неизвѣстно.

Что касается до другихъ районовъ Литвы, то свѣдѣнiя наши еще болѣе отрывочны. Извѣстны лишь слѣдующiе факты: съ 1905 года анархисты-коммунисты работали въ г. Вильно, здѣсь пропаганда велась главнымъ образомъ среди ремесленнаго населенiя (кожевниковъ, сапожниковъ и портныхъ), находившагося долгое подъ сильнымъ влiянiемъ бундовцевъ. Къ началу 1906 года пропаганда анархизма приняла уже широкiе размѣры, устраивались рефераты, дискуссiи и агитацiонные митинги.

Въ „декабрьскiе дни" группа отпечатала захватнымъ путемъ прокламацiю „Ко всѣмъ рабочимъ", въ которой освѣщались вопросы момента; она же совершила рядъ „экспропрiацiй", одна изъ нихъ была неудачна; участники были арестованы.

Въ 1906 году былъ и случайный взрывъ бомбъ, которыя несли анархисты съ цѣлью бросить ихъ въ полицейское правленiе, двое погибло на мѣстѣ, 3-iй товарищъ умеръ впослѣдствiи отъ ранъ.

Въ этомъ же году, возлѣ дома губернатора, анархистъ Яковъ Короткинъ бросилъ бомбу въ полицейскiй отрядъ съ полицiймейстеромъ во главѣ. Изъ нихъ было ранено четверо, въ томъ числѣ полицiймейстеръ, и убитъ одинъ. Короткинъ же, по приговору военно-окружного суда, былъ разстрѣлянъ 1-го февраля 1906 года во дворѣ тюрьмы; привлеченный въ качествѣ сообщника товарищъ Левинъ бѣжалъ впослѣдствiи изъ тюрьмы. Въ этомъ же году въ Вильно былъ разстрѣлянъ анархистъ-коммунистъ Майзель, за вооруженное сопротивленiе, при которомъ онъ одного городового убилъ, а другого ранилъ, также какъ и околоточнаго надзирателя. Его, какъ и Короткина разстрѣляли, привязавши къ фонарному столбу. Въ iюнѣ 1907 г. анархисты Тесенъ и Маловъ оказали вооруженное сопротивленiе и ранили агентовъ полицiи; ихъ дѣло передано военно-окружному суду.

Изъ процессовъ анархистовъ-коммунистовъ, мы можемъ отмѣтить дѣло „о провозѣ взрывчатыхъ веществъ изъ Швейцарiи," которое разбиралось въ судебной палатѣ (16 мая 1906 г.), и по которому анархистъ Овсей Таратута былъ осужденъ на вѣчное поселенiе въ Сибирь.

Что касается другихъ городовъ, какъ Ковно, Двинскъ, Гродно, Брестъ-Литовскъ, Минскъ, Барановичи, гдѣ существовали за перiодъ 1904—1907 года анархическiя группы, то подробныхъ свѣдѣнiй объ ихъ дѣятельности мы не имѣемъ. Укажемъ лишь на нѣкоторые факты.

Такъ, 11 ноября 1906 года въ Гродно анархистъ *Фридманъ* убилъ за истязанiе заключенныхъ тюремнаго надзирателя; преслѣдуемый полицiей, онъ отстрѣливался, при чемъ были убиты городовой и полиц. надзиратель. Самъ же *Фридманъ*, не желая сдаться, покончилъ съ собой. Въ Брестъ-Литовскѣ анархисты совершили рядъ экспропрiацiй, при которыхъ они бросали бомбы; ими же былъ убитъ приставъ. Въ Ковно существовала группа, проявившая себя актами и вмѣшательствомъ въ стачки.

Въ Минскѣ также велась анархическая пропаганда среди солдатъ и ремесленниковъ; группа „Безвластiе" въ теченiе 1906—1907 г. г. выпустила рядъ прокламацiй, изъ которыхъ особенно характерны: „Выборная компанiя и революцiя", „Чего хотятъ анархисты", „Какъ отвѣчать на локауты?". Изъ мѣстныхъ террористическихъ актовъ, совершенныхъ анархистами, можно отмѣтить бомбу, брошенную въ банкирскую контору Бройде-Рубинштейна, при взрывѣ которой были раненые, и убитъ самъ анархистъ *Зильбергъ*; при другомъ покушенiи былъ убитъ полковникъ Бѣлобѣницевъ.

Весной 1907 г. въ Минскѣ была арестована большая лабораторiя, со складомъ бомбъ; при задержанiи анархистъ Феликсъ Бентковскiй стрѣлялъ въ полицiю. Онъ убилъ городового, ранилъ другого и помощника пристава. Впослѣдствiи его казнили по приговору военно-окружного суда. 23-го же iюля въ Минскѣ были повѣшены за убiйство въ тюрьмѣ Михаила Кавецкаго (подозрѣваемаго въ провокацiи) два товарища — Соловьевъ и Зуевскiй.

* * *

Свѣдѣнiя о распространенiи анархизма въ Прибалтiйскомъ краѣ у насъ также очень ограничены. Извѣстно, что анархическiя группы существуютъ въ Ригѣ, Либавѣ, Митавѣ, Туккумѣ и Юрьевѣ. Чисто анархическое движенiе среди латышскаго крестьянства и пролетарiата, фактически, началось только весной 1906 года.

До этого времени латышское крестьянство вело уже упорную борьбу съ правительствомъ и нѣмецкими баронами, примѣняя партизанскiе способы нападенiй, сопровождаемые аграрнымъ терроромъ, захватомъ земель, порубкой лѣсовъ и проч. Многочисленные безземельные батраки составляли самый подвижной и революцiонный элементъ среди латышей.

Само стихiйное движенiе носило чисто анархическiй характеръ когда же соцiалъдемократiя, руководившая послѣднимъ возстанiемъ, стала призывать массы къ „вооруженiю" и прекращенiю партизанскихъ выступленiй, между нею и революцiоннымъ крестьянствомъ возникъ острый конфликтъ. Всюду появились, даже въ рядахъ соцiалистическихъ партiй, „анархиствующiе элементы", согласные съ нами по всѣмъ вопросамъ соцiально революцiонной тактики. Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнiя о чисто анархическомъ движенiи въ г. Ригѣ. Здѣсь анархическая пропаганда началась 3 года тому назадъ, сначала среди еврейскаго пролетарiата, гдѣ работала группа „Интернацiоналъ". Она издала рядъ прокламацiй и брошюръ (прокл.: „Ко всѣмъ рабочимъ", „Политическая или соцiальная революцiя", „Ко всѣмъ истиннымъ друзьямъ народа", „Ко всѣмъ приказчикамъ"; брошюры З. Нахта „Всеобщая стачка и соцiальная революцiя", „Нуженъ ли анархизмъ въ Россiи?", „Порядокъ и коммуна". Впослѣдствiи возникли латышскiя группы анархистовъ-коммунистовъ: „Слово и дѣло", „Равенство" и боевая группа „День Страшнаго Суда". Анархисты издали въ разное время, на латышскомъ языкѣ, рядъ брошюръ и сборниковъ, какъ-то: „Пламя" (Leesma), „Критическiе очерки", „Черный смѣхъ", (сатирическiй сборникъ, три выпуска) и „Завоеванiе Хлѣба" П. Кропоткина.

Пропаганда велась главнымъ образомъ на вагоностроительныхъ заводахъ Фельзера и Ко. и „Фениксъ", а затѣмъ на фабрикахъ за Двиной.

Анархистами былъ совершенъ рядъ террористическихъ актовъ, изъ которыхъ упоминаемъ слѣдующiе:

Въ митавскомъ предмѣстьи, въ зданiи, гдѣ происходило собранiе нѣмецкихъ реакцiонеровъ (selbstschutzer'овъ) была взорвана адская машина; аналогичное покушенiе совершено во время другого собранiя, на Венденской улицѣ. Въ обоихъ случаяхъ были жертвы. Лѣтомъ 1907 года полицiя преслѣдовала „экспропрiаторовъ". Проходившiе случайно анархисты-рабочiе напали на полицiю, открыли по ней стрѣльбу и затѣмъ скрылись въ окрестномъ лѣсу. Ночью, на первый день Троицы, при арестѣ анархистовъ было оказано вооруженное сопротивленiе, при которомъ раненъ полицейскiй. Особенно много шуму надѣлало вооруженное сопротивленiе при взятiи анархической лабораторiи въ августѣ 1906 года, гдѣ съ 6-ти часовъ утра цѣлый день отстрѣливались братъ и сестра Кейде-Крiевсъ; они взорвали бомбой лѣстницу и бросили вторую въ полицейскихъ, но послѣдняя, взорвавшись на воздухѣ, не причинила имъ вреда. Оба эти товарища тоже покончили самоубiйствомъ.

Въ тотъ же день былъ арестъ анархистовъ на Марiинской улицѣ, гдѣ также было оказано вооруженное сопротивленiе. Среди взятыхъ революцiонеровъ былъ Бенцiонъ Шоцъ, осужденный на 14 лѣтъ каторги. Послѣднее сраженiе анархисты дали полицiи на Артиллерiйской улицѣ. Въ январѣ 1907 г. жандармы и полицiя явились туда взять лабораторiю анархистовъ. Послѣднiе встрѣтили ихъ геройскимъ отпоромъ. Во время этой перестрѣлки были убиты: два солдата, полицейскiй надзиратель Берковичъ; ранены извѣстные сыщики Лукманъ, Давусъ и начальникъ охраннаго отдѣленiя Грегусъ (извѣстный палачъ-истязатель.

Во время стачки трамвайныхъ служащихъ анархисты принимали въ ней энергичное участiе и, чтобы парализовать движенiе трамваевъ, бросили наряду съ другими нѣсколько бомбъ. Въ этотъ же перiодъ были брошены двѣ бомбы въ богатый ресторанъ Шварца, излюбленное мѣстопребыванiе крупной буржуазiи; хотя эти бомбы не поразили никого, однако переполохъ, произведенный ими, былъ громаденъ.

Число мучениковъ анархизма въ прибалтiйскомъ краѣ достаточно велико; недавно были сосланы на каторгу товарищи Штурсъ и Подинъ, Крейцбургъ и Тирумнекъ (на 8 лѣтъ) и солдаты-саперы: Королевъ и Рагулинъ (на 12 лѣтъ). 23-го октября военно-полевымъ судомъ были осуждены и разстрѣляны члены группы „Интернацiоналъ": Сидинъ Шафронъ, Осипъ Левинъ, Петровъ, Осиповъ и Iоффе. Всѣ они мужественно погибли съ возгласомъ: „да здравствуетъ Земля и Воля!" *).

*) Еврейскiе буржуа образовали „союзъ" для борьбы съ анархистами и рабочимъ движенiемъ. Къ этому союзу примкнуло много буржуа. Въ одно изъ собранiй союза и была брошена бомба анархиста Фридмана. Н. Р.

*) Были еще и казни анархистовъ латышей, имена которыхъ намъ неизвѣстны. Во время избiенiя въ центральной тюрьмѣ, среди другихъ политическихъ былъ убитъ анархистъ Владимiръ Шмогъ; около десяти штыковыхъ ранъ прервали его молодую, энергичную жизнь. Н. Р.

Но, несмотря на массовые разстрѣлы, казни, пытки и прочія насилія, совершаемыя карательными экспедиціями, въ прибалтійскомъ краѣ революціонное движеніе развивается.

Послѣднее время всю свою энергію анархисты направили на пропаганду въ войскахъ; въ нѣкоторыхъ портовыхъ крѣпостяхъ они пользуются успѣхомъ среди матросовъ и солдатъ.

Н. Р—нъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВОМІРСКІЙ.

„Что такое Анархизмъ?“

Книжка написана живымъ, изящнымъ языкомъ; мѣстами она интересна, мѣстами даже увлекательна. Но главная цѣнность книжки та, что авторъ пытается отнестись критически къ самому главному пункту нашей программы — къ коммунизму. Духъ критики проникаетъ насквозь все ученіе анархизма, оно имъ живетъ и дышитъ, — и было бы противорѣчіемъ, если бы мы побоялись подойти съ ножомъ критическаго анализа къ собственнымъ нашимъ принципамъ. У насъ нѣтъ, и не должно быть колѣнопреклоненія передъ догмами, насъ не охватываетъ молитвенное настроеніе при созерцаніи нашего идеала, отъ его „святости“ не слѣпнетъ нашъ испытующій умъ. И слѣдовало бы поздравить автора съ дѣльнымъ почином.

Но книжка имѣетъ и огромный недостатокъ. Авторъ понялъ свою задачу такъ, что прежде, чѣмъ раскритиковать коммунизмъ, онъ долженъ отвергнуть его и формально заявить себя индивидуалистомъ. Выдѣливъ личность изъ коммунизма, онъ создалъ искусственную атмосферу для критики, — коммунизмъ оказался сухимъ, оголеннымъ, безжизненнымъ. Предметъ его критики — уже не настоящій, неподдѣльный коммунизмъ, а какой то извращенный, обезображенный. Критика не попадаетъ въ цѣль, ея стрѣлы бьютъ мимо, весь трудъ автора безрезультатенъ: онъ не подвелъ критическаго фундамента подъ наши принципы. Между тѣмъ онъ, не подозрѣвая самъ этого, все время вплоть до послѣдней страницы продолжаетъ оставаться коммунистомъ. Отсюда противорѣчивость его положеній и выводовъ.

Прежде чѣмъ приступить къ своей главной задачѣ — къ критикѣ коммунизма, авторъ посвящаетъ добрую половину своей книжки изложенію анархизма. Онъ излагаетъ, аргументируетъ такъ, какъ самые заправскіе коммунисты. Есть только небольшія отступленія, о которыхъ мы сейчасъ упомянемъ. Онъ разрушаетъ собственность, власть и умственныя привилегіи; но ему не приходитъ въ голову, что если онъ такъ далеко пошелъ вмѣстѣ съ коммунистами, онъ уже не можетъ съ ними расходиться. Уничтожая собственность, власть и привилегіи, мы дѣлаемъ неизбѣжнымъ наступленіе коммунизма, — конечно, анархическаго, — ничто другое не можетъ возродиться на мѣстѣ, очищенномъ отъ этихъ институтовъ. Изъ этихъ элементовъ отрицанія и слагается коммунизмъ. Долой собственность, власть, привилегіи! это только отрицательное имя тому, чему положительное имя — коммунизмъ.

Нашъ авторъ не сознаетъ этого, онъ еще умудрился выдвинуть купель: „общество“, которымъ онъ то и дѣло пугаетъ личность. Какъ будто общество, лишившись всѣхъ скрѣплявшихъ его насильственныхъ связей, можетъ еще кого нибудь подавлять и угнетать! Общество, враждебно противостоящее личности, исчезаетъ навѣки, оно обратится въ то вольное общежитіе, которому авторъ почему то хочетъ придать видъ новаго открытія.

Какъ бы то ни было, читая первую половину книжки, читатель въ авторѣ и не заподозритъ будущаго разрушителя „основъ“. Правда, то и дѣло замѣчаешь, что авторъ пытается стать на новую точку зрѣнія, но это каждый разъ оказывается одной изъ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя помогаютъ только авторамъ оріентироваться въ собственныхъ мысляхъ. Онѣ упорядочиваютъ изложеніе, но не разъясняютъ самого предмета. Авторъ перефразировалъ, пересказалъ своими словами то, что обыкновенно говорятъ анархисты, не не смогъ посредствомъ своей новой точки зрѣнія открыть того, что раньше оставалось темнымъ.

Вотъ, къ примѣру, одна изъ такихъ точекъ зрѣнія: собственность и власть разсматриваются имъ, какъ барьеры между личностью и міромъ; личность стремится къ творчеству, къ проявленію себя въ дѣятельности, а для этого она нуждается въ вещахъ и людяхъ, какъ орудіяхъ и соучастникахъ ея творчества. И вотъ собственность мѣшаетъ личности прикоснуться къ вещамъ, власть мѣшаетъ сблизиться съ людьми. Такова она, эта новая точка зрѣнія. Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что личность стремится къ мощи, къ свободѣ, къ своему перерожденію, къ утоленію своей тоски, а власть и собственность мѣшаютъ ей въ этомъ. Все это обыкновенно выражается въ словахъ: личность имѣетъ право на полное удовлетвореніе своихъ потребностей; это самое слышится въ лозунгѣ: все для всѣхъ!

Точекъ зрѣнія можетъ быть масса, каждый можетъ создать себѣ свою, но въ данномъ случаѣ благоразумнѣе всего становиться на точку зрѣнія непосредственныхъ участниковъ *борьбы* — рабочихъ и крестьянъ, — выдвинуть тѣ лозунги, которые подсказываются имъ ихъ собственной борьбой. Ибо эти лозунги въ состояніи пробудить спящую энергію угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, расширить размахъ уже начавшейся борьбы.

Сравненіе испытанныхъ лозунговъ съ выставленными авторомъ оказывается не къ выгодѣ послѣдняго; изображеніе собственности и власти въ видѣ барьеровъ черезчуръ ужъ невинно. Борьба съ собственностью не ведется только потому, что личность сознала свое отвлеченное право на творчество, но, главнымъ образомъ потому, что массы непосредственно въ жизни столкнулись съ ней, поняли право собственности, какъ похищеніе у нихъ ихъ неотъемлемаго достоянія. Въ лозунгѣ: „собственность есть общественное состояніе“ слышится указаніе, что ей не удержаться, что массы почувствуютъ себя заинтересованными, что онѣ пойдутъ и возьмутъ то, что имъ принадлежитъ. Власть не только барьеръ, мѣшающій личности, высасывающій всѣ живые соки изъ личности, но и ядъ, отравляющій источники ея жизни; власть губитъ и душитъ, развращаетъ и обезволиваетъ человѣка.

Новая точка зрѣнія, оказывается, не только не расширила, но и урѣзала тотъ фундаментъ, на которомъ автору хотѣлось возвести зданіе анархизма. Впрочемъ, самъ авторъ не вѣренъ ей, онъ отступаетъ отъ нея въ критикѣ, направленной противъ политическихъ свободъ и демократіи. Критика и любопытна, и поучительна, но его точка зрѣнія не снабдила его ни однимъ доводомъ. Онъ не воспользовался ею, онъ какъ будто даже забылъ про нее, повидимому, она была только мимолетнымъ капризомъ его ума.

Остановимся еще на одной попыткѣ автора подновить теорію анархизма: онъ не только хлопочетъ около фундамента, но и около самого зданія теоріи, онъ задается цѣлью углубить и самую *идею* анархизма. Для этого онъ предоставляетъ анархизму уничтожать не только гнусныя учрежденія буржуазнаго міра, но и самыя *идеи* этихъ учрежденій. Анархизмъ, видите ли, не только борется съ собственностью, властью и наемной системой, но и съ самой идеей *владѣть*, съ самой идеей *властвовать* и съ самой идеей *повиноваться*. Не правда ли, поразительно глубокое углубленіе анархизма! Особенно велики приготовленія автора, когда онъ подходитъ къ суду. Онъ принимаетъ покаянный тонъ: „Мы много критиковали современныя и другія формы суда. Но разобрали ли мы самую сущность суда?“ Самъ Кропоткинъ, говоритъ авторъ, признается, что мы этого не сдѣлали. И вотъ на двухъ страницахъ авторъ берется разрѣшить этотъ наболѣвшій вопросъ анархизма. Оказывается, что сущность суда заключается въ томъ, что есть судящій и подсудимый, что есть приговоръ и исполненіе приговора. Такъ невинно кончается торжественно начатый походъ. И, пользуясь своимъ упрощеннымъ способомъ, онъ отвергаетъ самую идею подсудимости.

Кажется только, что въ аргументаціи своего положенія онъ опять ушелъ въ сторону отъ прямого пути и черпаетъ свои аргументы изъ ненадлежащаго источника; онъ какъ будто защищаетъ положеніе, что праву личности не слѣдуетъ ставить никакихъ препятствій. Личность суверенна, самодержавна, она сама себѣ судья, она не хочетъ знать никакой узды!“ Прекрасно, пускай ее, если она не налагаетъ на меня узды... Но, если ея самодержавной волѣ вздумается меня понуждать, то я не смѣю, что ли, „приговорить“ ее къ тому, чтобы она соизволила этого не дѣлать? Вѣдь моя самозащита тоже „приговоръ“ къ воздержанію отъ буйныхъ выступленій. Въ своемъ увлеченіи своимъ новымъ открытіемъ, онъ не замѣчаетъ, какъ его высоко-суверенная личность теряетъ одно изъ своихъ неотчуждаемыхъ правъ: право защищаться. Защищаясь, она посягнула бы на самодержавныя права личности.

Разукрасивъ теорію анархизма обновками, авторъ снаряжается въ походъ противъ коммунизма. Оружіе уже давно было заготовлено, оно только осталось незамѣченнымъ ничего не подозрѣвавшимъ читателемъ. Дѣло въ томъ, что повсюду, гдѣ надо было говорить, что личность дѣлаетъ, дѣйствуетъ и стремится къ дѣятельности, авторъ выражается возвышеннымъ слогомъ: личность творитъ, стремится къ творчеству. Съ перваго раза казалось бы, что дѣло идетъ только объ украшеніи стиля, но потомъ оказывается, что это нововведеніе автора: тамъ, гдѣ обыкновенные люди, и въ томъ числѣ анархисты-коммунисты, кушаютъ, одѣваются и приготовляютъ себѣ пищу и одежду, созданія атора все творятъ! Между тѣмъ какъ въ обыкновенной жизни производство и творчество смѣняютъ другъ друга, перемежаются и нуждаются другъ въ другѣ — въ воображеніи автора творчество изливается безпрерывной струей.

Теперь уже, запасшись магическимъ словечкомъ: „творчество!“ авторъ легко можетъ создавать противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ и не

было, и не можетъ быть. Анархисты доказывали, что, по разрушеніи всякой власти въ коммунизмѣ, производство будетъ поставлено въ наиболѣе выгодныя условія для своего перехода въ творчество, что оно будетъ все болѣе освобождаться отъ механическихъ элементовъ, все болѣе и болѣе претворяться въ творчество, и что въ концѣ концовъ: производство и творчество придутъ къ своему полному слiянію. Но нашъ авторъ приказалъ; — и между ними не должно быть мира, ибо онъ разсѣкъ производство-творчество анархической коммуны на двѣ половинки и противопоставилъ ихъ другъ другу. Они не должны сливаться, ибо авторъ сталъ между ними и не допуститъ. Онъ оттолкнулъ свободное творчество къ небесамъ, и орломъ мчится оно по поднебесью, а рабское производство онъ затопталъ въ землю, — вотъ валяется оно комкомъ липкой грязи!

Теперь уже ему легко справиться съ коммунизмомъ, стоитъ ему только отождествить коммунизмъ съ коллективнымъ производствомъ, а коллективное производство произвольно взять въ отвлеченномъ узкомъ смыслѣ производства, лишеннаго всякихъ примѣсей творчества. Это голая, сухая идея производства. Слѣдуя своему методу, онъ анализируетъ не реальное производство, какимъ оно будетъ въ дѣйствительности послѣ разрушенія государства и режима собственности, онъ анализируетъ понятіе производства вообще.

Съ другой стороны, анархизмъ отождествляется имъ съ абсолютно-свободнымъ творчествомъ личности, и это творчество опять таки берется имъ, какъ чистая идея, какъ понятіе творчества вообще. Творчество и только творчество, и ничего больше, кромѣ творчества, — вотъ что такое анархизмъ! Онъ не спрашиваетъ, какъ въ дѣйствительной жизни между людьми устроить такимъ образомъ, чтобы каждая личность встрѣчала наименьшее количество препятствій къ свободному проявленію себя въ дѣятельности, а предъявляетъ „намъ“ властное требованіе: подавайте ему ручательство въ томъ, что „абсолютно-свободное творчество“ будетъ безпрепятственно парадировать по аллеямъ будущаго строя. Помилуйте, требовательный авторъ! Абсолютное творчество — это безконечное творчество, никогда не досягаемое, вѣчно-удаляющееся отъ человѣка по мѣрѣ его достиженія, а съ такими безконечными требованіями обращаться принято не къ человѣку съ ограниченными силами, а къ Господу Богу.

Итакъ, не дѣйствительныя отношенія анализируются нашимъ авторомъ, а два понятія: производство и творчество, — понятія, которыя нашъ авторъ смастерилъ себѣ на досугѣ. Эти два понятія ведутъ между собою междоусобную войну, т. е. воюетъ за нихъ нашъ авторъ. Понятіе „производить“, — низменно и поэтому: долой производство! Производить значитъ стремиться къ вещамъ, къ грубымъ обыденнымъ вещамъ, дѣйствовать по гнусному разсчету. Творить же, значитъ дѣйствовать въ экстазѣ, съ вознесенными вверхъ очами: творецъ стремится осуществить смутную, еле уловимую идею; имъ руководитъ вдохновеніе, и т. д. Смотри классическія описанія въ учебникахъ теоріи словесности, изданныхъ съ благословенія министра на поученіе купеческаго юношества въ реальныхъ, коммерческихъ и прочихъ училищахъ.

Согласно нашему автору, когда эти низменные коммунисты захотятъ запастись одеждой, они создадутъ ткацкую промышленность и портняжныя мастерскія; приверженцы свободнаго творчества вдохновленнымъ окомъ посмотрятъ другъ на друга и скажутъ: „Давайте, товарищи, творить, себѣ одежду“ и засядутъ за воплощеніе внутренне-обуявшей ихъ идеи одежды. Тутъ *творчество* одежды, а тамъ *производство* одежды. Не споръ ли это о словахъ, поднятый до степени принципіальнаго спора съ соизволенія автора? Онъ самъ находится подъ чарующимъ вліяніемъ своего магическаго словечка: „творчество!“. Скажите ему, что въ будущемъ, какъ и теперь, одежда будетъ производиться, а не твориться, онъ сейчасъ же всполошится: значитъ, вы хотите будущихъ творческихъ портныхъ, портныхъ по призванію, поэтовъ иголки, обратить въ обыкновенныхъ захудалыхъ портняжекъ? Ему рисуется еще болѣе ужасающее зрѣлище: будущаго великаго Шекспира отвлекутъ отъ его произведенія — сочиненія трагедій — и посадятъ въ портняжескую мастерскую. Онъ дѣлаетъ немного смѣлое предположеніе, что сейчасъ послѣ соціальной революціи общество будетъ состоять изъ однихъ Шекспировъ, и изъ этого предположенія онъ исходитъ, повидимому, въ своей критикѣ коммунизма.

Аргументація автора въ дальнѣйшемъ такова: разъ вы говорите производство, а не творчество, разъ вырабатываются вещи, а не творятся идеи, разъ имѣется внѣшняя цѣль, а не внутреннее самоудовлетвореніе, — то надо-де будетъ создать строго опредѣленный планъ, которому сама личность обязана только безпрекословно подчиняться. Хозяйственная цѣль всегда представляется ему навязанной личности извнѣ. Когда личности испытываетъ голодъ и стремится къ его устраненію, когда она наслаждается природой и занимается изслѣдованіемъ, то все это — ощущенія и потребности ея желудка, кожи, глаза и мозга, но не *ея самой*, а если желудокъ, руки, глазъ и мозгъ войдутъ въ соглашеніе и предпримутъ работу, направленную на удовлетвореніе этихъ потребностей, то все это внѣшнія, чуждыя самой личности цѣли.

Если хозяйственная цѣль, которую ставитъ себѣ каждая отдѣльная личность, представляетъ собою, по мнѣнію нашего автора, нѣчто внѣшнее, чуждое, навязанное самой личности, то тѣмъ болѣе хозяйство коллективное. Все производство разсматривается имъ, какъ *одно цѣльное хозяйство*, которое, какъ таковое, имѣетъ своей цѣлью, при возможно меньшей затратѣ труда, произвести наибольшее количество продукта. *Общество въ цѣломъ* слѣдитъ за правильнымъ ходомъ этого хозяйства, и отсюда еще болѣе роковая неизбѣжность для личности подчиниться данному извнѣ плану. Откуда нашъ авторъ почерпнулъ представленіе о производствѣ, какъ объ одномъ цѣльномъ хозяйствѣ, которое находится подъ наблюденіемъ общества въ цѣломъ? Повернувшись спиною къ хозяйству вообще, не отождествилъ ли онъ *коллективное* производство съ *коллективистическимъ?* Онъ говоритъ о коллективномъ производствѣ, какъ о строго распланированномъ хозяйствѣ, гдѣ каждый производитель прикованъ къ своему станку. Это представленіе соотвѣтствуетъ только коллективизму, гдѣ хозяйство находится подъ опекой единаго цѣльнаго государства.

Вотъ это-то авторъ и упустилъ изъ виду; онъ забываетъ одну маленькую подробность: государство въ коммунизмѣ не существуетъ ни въ большомъ, ни въ маломъ видѣ. Личность ни съ чѣмъ не связана, она сама себѣ ставитъ цѣль; ея собственный интересъ и симпатіи подскажутъ ей, гдѣ, съ кѣмъ и ради чего ей объединиться. Планъ, который она признаетъ для себя, будетъ вырабатываться при дѣятельномъ участіи ея самой. Она производитъ, когда дѣло идетъ о старыхъ обыденныхъ вещахъ ежедневнаго обихода; она и творитъ, когда совершенствуется и обновляется этотъ обиходъ. Она и организаторъ, и исполнитель своего труда; она и техникъ, и усовершенствователь своихъ орудій производства. Ея творчество находитъ себѣ выраженіе въ томъ, что она, встрѣчаясь съ новыми препятствіями въ борьбѣ съ природой, устремляется къ ихъ преодоленію. Если она сама не въ силахъ будетъ справиться со своей задачей, то она объединится съ товарищами, столкнувшимися съ тѣми же препятствіями; объединится, конечно, съ симпатичными ей товарищами. Солидарная энергія всѣхъ заразитъ каждую отдѣльную личность мощью всего товарищества. Въ этомъ стремленіи направлять общественную дѣятельность по новымъ путямъ и найдетъ себѣ удовлетвореніе ея творческій инстинктъ. Творчество личности всегда найдетъ себѣ выходъ, такъ какъ она сама иниціаторъ всякаго своего дѣла, и ея почииъ долженъ сказаться во всемъ, ибо надъ ней нѣтъ ни власти, ни опеки. Вотъ это то и забылъ нашъ критикъ, для него прошло незамѣченнымъ то обстоятельство, что онъ имѣетъ дѣло не съ коммунизмомъ вообще, а съ *анархическимъ* коммунизмомъ.

То, что лѣвая рука „разрушила“, правая сейчасъ же возстановила. Считая свою критику законченной, и коммунизмъ поверженнымъ въ прахъ, авторъ начинаетъ строить на развалинахъ свое собственное, имъ самимъ задуманное зданіе; оно называется не коммуной, а общежитіемъ. Дѣло въ томъ, объясняетъ авторъ, что наши чувства влекутъ насъ къ людямъ и вещамъ. Какъ только старый міръ будетъ разрушенъ, отдѣльныя личности начнутъ искать другъ друга и объединяться въ большія или маленькія группы. Въ основу будетъ положено естественное влеченіе, духовное сродство.

Скажемъ автору по секрету, что это та же коммуна, вновь возрожденная той же рукой, которая ее и разрушила. Авторъ будетъ съ нами спорить, онъ скажетъ, что его союзы основаны не на интересахъ, а на сродствѣ душъ. Но если его сродственныя души не будутъ обитать въ загробномъ мірѣ, а на землѣ, то онѣ и будутъ жить земными интересами, и духовное сродство породитъ общіе матеріальные интересы. Вѣдь никто, никакой благодѣтельствующій геній, никакая добрая фея не оборудуютъ за нихъ ихъ земныхъ дѣлъ, пока онѣ будутъ упиваться небесными чувствами. Общность интересовъ на почвѣ симпатіи — это и было той связью, которая скрѣпляла коммуну. Какъ никакъ, мы опять вернулись въ презираемую авторомъ коммуну. Гони коммуну въ дверь, она влетитъ въ окно. Зачѣмъ же было огородъ городить? Зачѣмъ же было разрушать? И не для того ли, чтобы вновь ее создать? Надо было во что бы то ни стало открыть Америку, и автору пришлось сгустить туманъ надъ старой Америкой, чтобы доставить себѣ честь ея вторичнаго открытія.

Но автору пришлось не только невѣдомо для себя, (принять отвергнутую имъ коммуну, но и изъявить формальное на нее согласіе. Анархическая коммуна, разсуждаетъ авторъ, неизбѣжно станетъ лозунгомъ возставшей массы, анархическая коммуна неизбѣжно придетъ на смѣну режиму собственности, государства и умственныхъ привиллегій. И авторъ обращается съ призывомъ къ самому себѣ: не буду же я стоять въ сторонѣ отъ этой великой битвы; тотъ не анархистъ, кого не чаруетъ прелесть битвы!

Анархическій коммунизмъ неизбѣженъ, говоритъ авторъ, то же самое говорятъ и коммунисты, большей уступчивости отъ автора и не требовалось.

Но, пророчествуетъ авторъ, въ нѣдрахъ коммуны разовьется борьба за полное освобожденіе творческой личности, за „индивидуалистическія" общежитія (промежъ себя будь сказано, за новое изданіе тѣхъ же коммунъ, но не объ этомъ уже сейчасъ рѣчь). Индивидуализмъ — вещь недоступная массамъ сейчасъ, говоритъ авторъ, только далекое будущее породитъ индивидуалистовъ. Индивидуализмъ — это туманная звѣздочка, которая мигаетъ съ далекаго горизонта, а пока давайте удовлетворяться пошлымъ мѣщанскимъ коммунизмомъ! Плохъ тотъ индивидуалистъ, который завѣщаетъ свой индивидуализмъ своему потомку въ двадцатомъ поколѣніи! Не поблагодарятъ автора его товарищи по идеѣ. Онъ согрѣшилъ, оказывается, не только противъ коммунизма, но и противъ индивидуализма.

Судя по внѣшности, авторъ отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ; но къ счастью для автора, онъ отъ коммунизма никогда не отступалъ, какъ мы это видѣли выше. Даже столь рѣзкія и частыя выпадки противъ кропоткинской „взаимопомощи" основаны на недоразумѣніи. Законъ взаимопомощи у Кропоткина не есть договоръ о взаимныхъ воздаяніяхъ, основанный на принципѣ: дай мнѣ, и я тебѣ дамъ. Не можетъ-же авторъ не знать, что коммунизмъ есть удовлетвореніе по потребностямъ, а не вознагражденіе по труду и заслугамъ. Подъ ростомъ взаимопомощи у Кропоткина надо понимать, что у животныхъ, въ предѣлахъ одного и того-же вида, и у людей постепенно въ ихъ развитіи наростаетъ приспособленность ихъ другъ къ другу, умѣнье и сочувствовать, и понимать другъ друга, умѣнье гармонически объединять свои дѣйствія для общихъ наступленій на живыхъ и мертвыхъ враговъ. „Взаимопомощью" охватывается и взаимное уваженіе, и симпатія, и солидарность, и все то, что называется нравственнымъ настроеніемъ. Къ этому разряду чувствъ относится и то взаимное влеченіе, и та тоска другъ по другѣ, что испытываютъ свободныя творческія личности, о которыхъ такъ краснорѣчиво распространяется авторъ. Разница только та, что Кропоткинъ говоритъ языкомъ естествоиспытателя, наблюдающаго законы природы, а нашъ авторъ языкомъ живой личности, которая считаетъ самое себя виновницей всѣхъ своихъ настроеній: она сама и любитъ, и тоскуетъ.

Итакъ нашъ авторъ—коммунистъ. Его заслуга въ томъ, что онъ разоблачилъ, что коммунизмъ не есть блаженный застой, что, успокоившись, люди могутъ сгнить въ коммунизмѣ, что омертвеніе коммунизма грозитъ бѣдствіями, что необходима вѣчная борьба. Но его заслуга могла-бы быть еще больше, онъ могъ-бы намъ изобразить коммунизмъ въ видѣ процесса, который вѣчно возобновляется. Онъ былъ въ благопріятныхъ къ тому условіяхъ, ибо со своимъ взглядомъ на личность, какъ на живое, вѣчно подвижное, вѣчно бунтующее начало, онъ какъ будто былъ призванъ къ этой задачѣ. И онъ могъ показать, какъ эта личность, служа закваской процесса, поддерживаетъ коммунизмъ въ вѣчно живомъ, въ вѣчно бродильномъ состояніи и не даетъ ему застыть въ мертвыхъ формахъ. Но онъ этого не сдѣлалъ, увлекшись своей затѣей открыть совершенно новую Америку. Колумбъ въ авторѣ повредилъ изслѣдователю... Онъ разорвалъ между личностью и коммунизмомъ, предоставивъ послѣднему разлагаться въ грязи, а первой вознестись въ заоблачныя высоты. Стоило-бы только ему оставить ихъ въ ихъ естественной связи и присмотрѣться къ ихъ взаимодѣйствію, онъ нарисовалъ-бы себѣ анархическій коммунизмъ въ процессѣ вѣчнаго возобновленія.

Отвлекшись отъ этой неудачной попытки автора разъединить неразъединимое, мы въ книжкѣ найдемъ много замѣчательныхъ, много занимательныхъ мѣстъ и даже нѣсколько вдохновенныхъ страницъ. Книжка въ цѣломъ производитъ бодрое впечатлѣніе, она дышитъ анархизмомъ.

Бор. Сп.

ARNOLD ROLLER.

DIE DERECTE ACTION.

(Rewolutionære Gewerkschafts-Taktik).

Брошюра Арнольда Роллера: „Прямое дѣйствіе" посвящена изложенію методовъ борьбы революціонныхъ синдикатовъ. Авторъ детально разбираетъ различныя формы „прямого дѣйствія", какъ въ области экономической, такъ и въ борьбѣ съ государствомъ. „Прямое дѣйствіе" въ широкомъ смыслѣ слова включаетъ въ себя всѣ методы революціонной борьбы, начиная съ обыкновеннаго саботажа, и кончая всеобщей стачкой, экономическимъ и политическимъ терроромъ. Всюду, гдѣ народныя массы въ своей борьбѣ съ угнетателями не возлагаютъ надеждъ на политическія партіи и законодательныя учрежденія, а ведутъ борьбу сами, прибѣгая къ „прямому дѣйствію" и непосредственному давленію на капиталистовъ и государство, онѣ такимъ путемъ успѣшнѣе всего вырываютъ уступки одну за другой. Въ этой повседневной тактикѣ трудовой народъ, и прежде всего революціонные синдикаты воспитываются къ рѣшительному бою къ соціальной революціи.

Брошюра написана со свойственной автору „Всеобщей соціальной стачки" живостью и изобилуетъ фактами изъ борьбы пролетаріата разныхъ странъ. Благодаря популярному изложенію, она доступна пониманію средняго рабочаго. Остается пожелать, чтобы брошюра въ возможно болѣе скоромъ времени вышла на русскомъ языкѣ.

Р—скій

O. THONAR.

CZEGO CHCA ANARCHISÇI.

Въ Лондонѣ издана переведенная съ французскаго популярная брошюра Тонара: „Чего хотятъ анархисты". Анархистская литература на польскомъ языкѣ крайне скудна, и появленіе этой брошюры, дающей въ сжатой формѣ изложеніе принциповъ анархизма, тѣмъ болѣе своевременно, что въ польскомъ пролетаріатѣ замѣчается въ послѣднее время сильный интересъ къ идеямъ и тактикѣ анархизма.

Р-скій.

Русская Революція и Анархизмъ.

Доклады, читанные на съѣздѣ Коммунистовъ-Анархистовъ въ октябрѣ 1906 года.

Подъ редакціей П. Кропоткина.

Небольшой сборникъ состоитъ изъ докладовъ, напечатанныхъ въ Листкахъ „Хлѣбъ и Воля". Авторы хотѣли высказаться по вопросамъ, которые поставила анархистамъ русская революція.

Въ докладѣ П. А. Кропоткина: „Революція политическая и экономическая" мы лишній разъ встрѣчаемъ глубокую, хотя на первый взглядъ и весьма простую мысль, что истинную революцію можетъ совершать лишь-самъ народъ. Казалось бы, что можетъ быть проще и яснѣе этой мысли! Ее приходится однако очень часто повторять: она слишкомъ легко забывается не только соціалистами-государственниками всѣхъ оттѣнковъ, но и нѣкоторыми изъ нашихъ товарищей. Говоря о роли анархистовъ въ русской революціи, Кропоткинъ пишетъ:

Вообще, анархистамъ въ русской революціи предстоитъ работа, гораздо болѣе серьезная - смѣло скажемъ болѣе великая, чѣмъ работа одиночныхъ аванпостовъ, завязывающихъ перестрѣлку. Мы должны стать революціонной силой, народной силой, которая была бы способна помочь народу, чтобы проложить новые пути въ революціонной перестройкѣ всей русской жизни.

Русская революція открываетъ новые пути для освобожденія человѣчества:

Франція, въ своей революціи, выступила на путь экономическаго уравненія, Соединенные Штаты, въ революціи 1773 года, указали путь федерализма. Россія предстоитъ теперь совершить ту же революцію и проложить при этомъ новые пути — экономическаго федерализма, соединеннаго съ обезпеченіемъ свободы личности.

Во второмъ своемъ докладѣ „Наше отношеніе къ рабочимъ и крестьянскимъ союзамъ" Кропоткинъ высказывается за участіе анархистовъ въ безпартійныхъ профессіональныхъ союзахъ и за организацію ихъ въ цѣляхъ „*непосредственной борьбы*" съ капиталомъ и государствомъ.

Свои положенія о террорѣ Вл. Забрежневъ иллюстрируетъ историческими примѣрами. Авторъ, признавая необходимость террористической борьбы, подчеркиваетъ, что терроръ агитаціонный не всегда достигалъ своей цѣли, и нѣкоторые акты, вполнѣ понятные съ точки зрѣнія индивидуальной бунтовской психики, не были и не могли быть поняты массами.

Вопросу объ организаціи посвященъ докладъ М. Корнъ:

Анархистовъ чаще всего упрекаютъ въ томъ, что они не признаютъ организаціи. Основанъ, однако, этотъ упрекъ на совершенно ложномъ представленіи о томъ, что такое анархизмъ, и что такое организація. Дѣло представляется обыкновенно такъ, что анархизмъ это хаосъ, безпорядокъ, вражда каждаго противъ всѣхъ, тогда какъ организація это гармонія, поддерживаемая строгою дисциплиною, подчиняющею волю массы волѣ немногихъ избранныхъ".

Авторъ выясняетъ принципы федералистической организаціи, основанной на автономіи каждаго индивидуума.

Н. Вѣтровъ высказывается объ отношеніи коммунистовъ-анархистовъ къ существующимъ въ Россіи политическимъ партіямъ.

Полная терпимость къ людямъ, къ какой партіи они бы ни принадлежали; *полная непримиримость по отношенію къ программамъ другихъ партій"*...

Такъ разрѣшаетъ авторъ поставленный вопросъ.

М. Изидинъ въ своемъ докладѣ о всеобщей стачкѣ даетъ краткій историческій очеркъ развитія этой великой пролетарской идеи. Авторъ указываетъ, что въ настоящій моментъ не только анархисты, но и революціонные синдикаты отвергаютъ всеобщую стачку „со скрещенными руками"; всеобщая соціальная стачка неразрывно связана съ вооруженнымъ возстаніемъ.

Въ докладѣ М. Корнъ „Еще къ политикѣ и экономикѣ" развиваются тѣ же мысли, что и въ первомъ докладѣ П. А. Кропоткина.

Р-скій.

ИЗЪ РОССІИ:

Варшава. Въ началѣ іюля 1907-го года въ Варшавѣ началась стачка „машинныхъ" сапожниковъ, стачка, продолжавшаяся 6 мѣсяцевъ и очень характерная для анархическаго движенія вообще, и для анархическаго движенія въ Варшавѣ въ особенности.

Сильное движеніе въ пользу локаута, охватившее различныя области производства въ Россіи, стало въ рукахъ капиталистовъ систематическимъ средствомъ, осуждавшимъ десятки тысячъ рабочихъ на голодъ и страданія. И наши кровные враги, буржуазная клика Литвы и Польши, не преминули въ лицѣ Варшавскихъ фабрикантовъ обуви 1-го и 2-го сорта, воспользоваться этимъ средствомъ. Они попробовали примѣнить это средство противъ своихъ рабочихъ, но, встрѣтивъ самое энергичное сопротивленіе со стороны послѣднихъ, потерпѣли, наконецъ, полную неудачу. Рабочіе, несмотря ни на какія такъ называемыя политическія партіи и ихъ „профессіональные союзы" — на локаутъ отвѣтили стачкой солидарности, сопровождая ее впослѣдствіи цѣлымъ рядомъ террористическихъ актовъ.

Такъ называемыя политическія партіи, какъ напримѣръ П.-П. С. „профессіональный союзъ" старались всѣми средствами доказать, что рабочіе не должны теперь вести такой стачки и совѣтовали голоднымъ сапожникамъ записываться лучше въ „профессіональный союзъ" и собирать деньги на „фондъ", а когда „фондъ" будетъ достаточно великъ, тогда лишь можно будетъ вести стачку съ увѣренностью въ успѣшномъ ея исходѣ. Въ томъ же родѣ и еще болѣе красивыми фразами говорилъ съ рабочими партійный союзъ Бунда, когда онъ увидѣлъ, что сапожники въ отвѣтъ на локаутъ готовятся къ большой стачкѣ. Союзъ Бунда созвалъ собраніе и доказывалъ, что теперь не время заниматься стачками. „Мы стоимъ передъ выборами въ третью Думу, говорилъ Бундъ въ лицѣ своихъ представителей, — и мы должны послать своихъ депутатовъ въ Думу, чтобы тамъ провести законъ о свободѣ стачекъ и союзовъ". Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что представители Бунда и его „союзы" въ „такое" время отговариваютъ рабочихъ отъ стачки: вѣдь нужно же имъ получить отъ мелкой буржуазіи возможно больше голосовъ — въ такое время можно отодвинуть интересы рабочихъ на второй планъ. Что этимъ господамъ за дѣло до голода и нуждъ рабочихъ въ это время!

Такъ, или приблизительно такъ, говорили политиканы всѣхъ сортовъ рабочимъ и старались всѣми средствами отговорить ихъ отъ прямой борьбы со своими угнетателями, а взамѣнъ этого предлагали собирать деньги на фондъ и посылать депутатовъ въ Думу. Но рабочіе отвернулись отъ политиканствующихъ демагоговъ всѣхъ сортовъ и оттѣнковъ и самостоятельно вступили на путь прямой борьбы.

Было нѣсколько собраній, на которыхъ рабочіе выразили недовѣріе политическимъ партіямъ и ихъ тактикѣ, свою живѣйшую симпатію анархистамъ и призывъ къ экономическому террору. Рѣшено было образовать „революціонную стачечную коммиссію", которая задалась бы цѣлью организовать и вести стачку революціоннымъ и анархическимъ путемъ... Вскорѣ образовалась временная „революціонная стачечная коммиссія" *) по выбору рабочихъ. Стали мобилизировать революціонныя силы сапожниковъ и вступили въ прямую борьбу со своими кровными врагами и угнетателями. Было объявлено кровопійцамъ-хозяевамъ, что, если впродолженіе 3-хъ дней не будутъ исполнены требованія рабочихъ, послѣдніе перейдутъ къ революціоннымъ дѣйствіямъ.

„Революціонная стачечная коммиссія" нашла, что между ней и анархистами нѣтъ существенной разницы, такъ какъ она также стоитъ за „прямое воздѣйствіе" во всѣхъ его формахъ, какъ-то: бомбы, динамитъ, пули, экспропріаціи и т. д., и т. д. Всѣмъ этимъ они должны отвѣтить за голодъ и нужду, въ которые ихъ ввергла буржуазія; и коммиссія нашла возможнымъ войти въ близкія сношенія съ группой а.-к., которая, конечно, поддержитъ экономическій терроръ во всѣхъ его видахъ.

Анархистская группа сейчасъ же приступила къ работѣ. Началась усиленная агитація за экспропріацію продуктовъ у фабрикантовъ, агитація, увѣнчавшаяся большимъ успѣхомъ. Тотчасъ же начался цѣлый рядъ захватовъ обуви, сырого и готоваго матеріала. Понимая громадное значеніе активной борьбы рабочихъ съ хозяевами, группа всѣми силами старалась поддерживать „прямое воздѣйствіе" рабочихъ стачечниковъ. Не было ни одного акта, ни одной болѣе или менѣе значительной экспропріаціи, въ которой члены группы не принимали бы активнаго участія; многіе изъ совершенныхъ актовъ были дѣломъ рукъ самихъ анархистовъ.

Считаемъ не лишнимъ дать перечень всѣхъ актовъ, совершенныхъ варшавскими анархистами и бастующими рабочими впродолженіе стачки.

Первымъ дѣломъ начались массовыя экспропріаціи, производившіяся самими рабочими, и уничтоженіе массы не захваченнаго товара. Когда это не оказало должнаго дѣйствія на хозяевъ, рабочіе перешли къ другимъ способамъ воздѣйствія — посыпался градъ бомбъ на магазины обуви и ихъ владѣльцевъ.

Первая бомба была брошена анархистами въ квартиру фабриканта обуви Ш. Фремда. Она взорвалась со страшной силой и разрушила всю квартиру владѣльца. Двѣ бомбы были брошены въ квартиру фабриканта обуви Абрамскаго. Изъ нихъ взорвалась только одна, но произвела большое разрушеніе въ квартирѣ. Къ фабриканту Фейшеру была подложена бомба, которая не взорвалась; въ его квартиру стрѣляли, но не ранили его. Фабриканта Миропольскаго анархисты убили въ его собственной квартирѣ четырьмя пулями. Въ одинъ день анархисты бросили двѣ бомбы, одну въ фабриканта Гринштейна — она взорвалась съ неимовѣрной силой и уничтожила всю обстановку его квартиры, — вторая съ тѣмъ же успѣхомъ была брошена въ купца Елина. Седьмая бомба была брошена въ квартиру фабриканта Ройлендера, который сидѣлъ въ Берлинѣ и смѣялся надъ голодающими рабочими. Послѣ бомбы онъ понялъ, что опасно играть съ огнемъ и рѣшилъ пойти на уступки. Послѣднія двѣ бомбы, брошенныя четыре недѣли тому назадъ, были предназначены — одна для фабриканта и купца Ш. Фремда, на котораго раньше было произведено неудачное покушеніе, а вторая — для его отца І. Фремда. Обѣ взорвались съ страшной силой, и чуть не лишили жизни І. Фремда и его жену.

Кромѣ этого ряда динамитныхъ покушеній были произведены двѣ большія экспропріаціи обуви у фабрикантовъ, рабочіе которыхъ бастовали. Первая — у фабриканта Тененбаума; тамъ было взято 500 паръ ботинокъ. Вторая — у фабриканта Гольдберга, гдѣ было взято товару на сумму въ 2000 руб.

Рядъ аттакъ съ бомбами, динамитомъ, порохомъ и свинцомъ, которыми рабочіе отвѣтили на локаутъ, повергли всю варшавскую буржуазію въ смертельный ужасъ, въ особенности же тѣхъ буржуа, у которыхъ раньше работали бастующіе сапожники. Въ ихъ рядахъ произошло смятеніе, и ихъ разбойничьи планы уморить рабочихъ голодомъ были разстроены. Строгія мѣры, принятыя рабочими противъ организаторовъ локаута, имѣли на нихъ такое сильное вліяніе, что они разбѣжались по дачамъ, разсчитывая такимъ образомъ спастись отъ карающей руки бастующихъ рабочихъ и анархистовъ; но когда они почувствовали, что и тамъ они не въ безопасности, то стали поддаваться и исполнять всѣ требованія бастующихъ рабочихъ сапожниковъ. Характерно, что сидя на дачахъ или заграницей, фабриканты стали подсылать къ бастующимъ рабочимъ и революціонной стачечной коммиссіи депутатовъ и просили позволить имъ пріѣхать обратно въ Варшаву, такъ какъ они молъ согласны исполнить всѣ требованія рабочихъ. Коммиссія отвѣтила, что тѣ, которые исполнятъ всѣ требованія, могутъ вернуться. Нѣкоторымъ было позволено вернуться на день или на два, чтобы сговориться со своими рабочими.

Вотъ какъ подѣйствовала на Варшавскую буржуазію, прибѣгшую къ локауту, революціонная тактика забастовавшихъ рабочихъ. Вотъ какимъ образомъ „машинные сапожники" добились исполненія своихъ требованій и могли праздновать побѣду. Всѣ упомянутые выше фабриканты, къ которымъ были брошены бомбы и у которыхъ были произведены экспропріаціи, исполнили требованія рабочихъ. Многіе другіе фабриканты, о которыхъ здѣсь не говорилось, также исполнили всѣ поставленныя рабочими требованія.

*) Въ этой „революціонной стачечной коммиссіи" принимали участіе члены Варшавской Группы А.-К. „Интернаціоналъ".

Большая стачка, проведенная Варшавской Группой А.-К. заинтересовала всѣхъ рабочихъ. Весь Варшавскій пролетаріатъ внимательно слѣдилъ за геройскимъ сопротивленіемъ, которое бастующіе рабочіе оказывали фабрикантамъ обуви. Всѣ рабочіе съ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ кончится эта грандіозная стачка, которая до сихъ поръ не имѣла равной себѣ въ Варшавѣ: кто изъ нихъ выйдетъ побѣдителемъ, и кто побѣжденнымъ?

Варшавскій пролетаріатъ понялъ, наконецъ, что единственное средство, которымъ рабочіе могутъ бороться со своими угнетателями и эксплуататорами, это — прямое воздѣйствіе. Понялъ, что бомбы и динамитъ должны быть отвѣтомъ пролетаріата въ его повседневной борьбѣ съ буржуазной кликой. И самымъ лучшимъ доказательствомъ въ нашу пользу служитъ то обстоятельство, что сейчасъ же по окончаніи стачки сапожниковъ, рабочіе портняжнаго ремесла показали, чему ихъ научила стачка ихъ товарищей-сапожниковъ. Портные объявили стачку и поставили почти тѣ же требованія, что и сапожники. Портные также отвернулись отъ своихъ постоянныхъ руководителей-политикановъ и ихъ союзовъ, и обратились къ группѣ а.-к. съ просьбой помочь имъ. Вотъ 6 бомбъ въ фабрикантовъ портняжныхъ издѣлій, и въ короткое время — 10 дней — нѣсколько ихъ помощниковъ поплатилось жизнью.

Но варшавская полиція, эта свора охранителей порядка, закона и частной собственности, не могла равнодушно отнестись къ этой массѣ брошенныхъ бомбъ и удачно совершеннымъ экспропріаціямъ, при которыхъ никто изъ дѣйствующихъ лицъ не попался. Это не давало покоя охранителямъ жизни и имущества буржуазіи. Не удалось имъ охранить жизнь и имущество фабрикантовъ обуви, а затѣмъ и платья,—и вотъ полиція съ одной стороны, и „охранка" съ ея шпіонами съ другой, стали „работать" изо всѣхъ силъ, чтобы найти руководителей стачки, или, лучше сказать, революціонную стачечную коммиссію.

Для того, чтобы найти эту коммиссію, они прибѣгли къ небывалымъ еще въ Варшавѣ мѣрамъ. Они не удовольствовались арестами на квартирахъ и улицахъ. Они нападали на фабрики машинной обуви и арестовывали рабочихъ. Бывали случаи, что полиція раза 3-4 арестовывала рабочихъ одной и той же фабрики. Полиція надѣется такимъ образомъ найти анархистовъ и руководителей стачки. Число арестованныхъ до сихъ поръ сапожниковъ уже достигло двухсотъ, и аресты все еще не прекращаются.

Полицейская сволочь съ ея лейбъ-палачомъ Скалономъ во главѣ поставила себѣ цѣлью дезорганизовать и разстроить ряды сапожниковъ, чтобы дать буржуямъ возможность, пользуясь реакціей, вызвать рабочихъ на новую борьбу!.. Но они еще не забыли недавно пережитаго смертельнаго ужаса; они еще не освободились отъ страха передъ революціонерами и анархистами.

Жизнь покажетъ намъ, что будетъ дальше. Одно для насъ ясно: варшавскіе рабочіе уже хорошо поняли, къ какимъ средствамъ надо прибѣгать въ борьбѣ съ кровопійцами. Отнынѣ, ихъ лозунгомъ будетъ: долой буржуазію! да здравствуетъ Анархизмъ!

Бастующій сапожникъ.

Гродно. Первое выступленіе Гродненской Группы А.-К имѣло мѣсто въ 1906-омъ году и выразилось въ проведеніи забастовки на фабрикѣ Харина. Этотъ Харинъ, не будучи въ состояніи мириться съ „дерзостью" нѣкоторыхъ рабочихъ, рѣшилъ перевести свою фабрику въ Варшаву, и при этомъ навербовать рабочихъ несознательныхъ и „мирныхъ". Онъ закрылъ фабрику. Рабочіе потребовали уплатить имъ за три мѣсяца. Онъ отказалъ имъ въ этомъ требованіи. Рабочіе, большинство с.-д. и п. п.-с., обратились къ намъ. Мы послали ему письмо, требуя удовлетворить рабочихъ. На это письмо не послѣдовало отвѣта. Тогда въ его квартиру была брошена бомба. Онъ сдался.

Послѣ этой забастовки сразу стало замѣтно движеніе среди массы. Многіе требовали литературы по анархизму, просили насъ выступать на собраніяхъ, но, къ сожалѣнію, ни того ни другого мы сдѣлать не могли.

Нѣкоторое время спустя, послѣдовалъ актъ, достойный описанія.

Изъ тюрьмы получались письма, что тамъ невозможный режимъ. Ужасно обращались съ женщинами. Одну избили до полусмерти. Указывали даже на одного старшаго надзирателя, который совершалъ эти гнусности. Мы выпустили по этому поводу листокъ, призывая товарищей отомстить палачамъ и насильникамъ.

На этотъ зовъ отозвался тов. Беньяминъ Фридманъ (Немка). Онъ организовалъ планъ покушенія на этого „слугу тюрьмы". Въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей онъ отправился къ тюрьмѣ, ожидать выхода надзирателя. Ждать пришлось недолго. Надзиратель вышелъ. Немка выстрѣлилъ въ него, и ушелъ по направленію къ бульвару; товарищъ же, стоявшій на стражѣ, ушелъ по другому направленію, но едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ его настигъ городовой; товарищъ началъ сопротивляться; городовой выхватилъ у него револьверъ и сталъ имъ бить его по головѣ. Немка, наблюдавшій за всѣмъ этимъ издали, догналъ ихъ, выстрѣломъ убилъ городового и ранилъ жандарма. Отбитый товарищъ скрылся, Немка же ушелъ на другую улицу. За нимъ погналась полиція. Онъ забѣжалъ въ одинъ домъ, прося всѣхъ выйти оттуда. Когда онъ остался одинъ въ домѣ, по лѣстницѣ поднялись околодочный надзиратель и городовой. Немка пріоткрылъ дверь и выстрѣлами повалилъ одного, а потомъ другого. Затѣмъ онъ забаррикадировался. Подоспѣли войска, казаки. Оцѣпили домъ, оцѣпили улицу и начали обстрѣливать домъ. Немка стрѣлялъ, пока были пули, а послѣдней пулей покончилъ съ собой. Перестрѣлка продолжалась болѣе получаса. Послѣ этого, въ городѣ начались аресты и обыски. Истинно-русскіе люди воспользовались этимъ и стали агитировать за погромъ. Весь городъ былъ въ паникѣ. Наша работа немного пріостановилась.

Съ наступленіемъ лѣта мы ожили. Стали собираться въ лѣсу. Читали анархическую литературу. Пріѣзжали товарищи, читали рефераты. На рефератахъ присутствовали представители всѣхъ партій и много интеллигенціи. Послѣ рефератовъ, въ городѣ стали говорить, что всѣ бундисты сдѣлались анархистами. И дѣйствительно многіе изъ нихъ симпатизировали анархизму. Масса требовала литературы, но ея такъ и не было. Рабочіе требовали пропагандистовъ, которые ознакомили бы ихъ съ принципами анархизма. Интересъ къ нашимъ идеямъ все возрасталъ. Настроеніе было бодрое. Работа пошла на ладъ.

Къ несчастью, вскорѣ насъ посѣтилъ извѣстный по всей Литвѣ и Польшѣ провокаторъ по имени „Абраша". Одного за другимъ выдавалъ онъ товарищей. По всему краю начались провалы и аресты. Отовсюду стали приходить извѣстія, что по провокаціи Абраши арестовали того то, сослали того то. Всѣ пали духомъ. Развилась страшная подозрительность: стали подозрѣвать другъ друга въ шпіонствѣ, боялись своихъ собственныхъ товарищей. А потомъ начался разладъ въ самой группѣ. Уныніе овладѣло товарищами. Не было сильныхъ людей, не павшихъ духомъ и способныхъ ободрить другихъ. Казалось, вотъ-вотъ движеніе вовсе замретъ...

Къ счастью, появилась работа, заставившая насъ всколыхнуться. Рабочіе одной заготовочной мастерской, бывшіе раньше п. п.-с. познакомились съ нами и стали съ нами встрѣчаться. Мы дали имъ нѣсколько брошюръ. У нихъ явился интересъ къ анархизму. Около этого времени хозяинъ объявилъ имъ, что онъ закрываетъ свою мастерскую. Рабочіе ушли. Мы взялись руководить забастовкой. Послали хозяину письмо, требуя уплатить рабочимъ по 150 руб. на брата, и ждали отвѣта до слѣдующаго дня. Отвѣта не послѣдовало. Нѣсколько нашихъ товарищей зашли къ нему за отвѣтомъ. Дочь хозяина выхватила револьверъ и, угрожая нашимъ, воскликнула: „У меня есть чѣмъ защищаться!" Одинъ товарищъ выстрѣлилъ въ воздухъ. Сбѣжался народъ.

Наши ушли. На ночь засѣли въ квартирѣ буржуя бундовцы и сіонисты оберегать его добро. Наши товарищи тѣмъ временемъ подложили бомбу у дверей его дома. На слѣдующій день жена его, чуть свѣтъ, прибѣжала на бульваръ искать рабочихъ, чтобы сказать имъ, что ихъ требованія будутъ удовлетворены. Но рабочіе мирно спали. Они заранѣе знали, что такъ и будетъ.

Не менѣе интересно прошла забастовка на фабрикѣ Езерскаго. Этотъ буржуй воспользовавшись кризисомъ, началъ мало-по малу забирать у рабочихъ завоеванныя кровью и потомъ улучшенія.

Онъ уменьшилъ заработную плату; шестидневную работу сократилъ до четырехъ дней въ недѣлю, а затѣмъ и до трехъ дней. Рабочіе забастовали, требуя или шестидневной работы, или уплаты за три мѣсяца. Сначала Езерскій сопротивлялся и заявилъ, что ни за что не уступитъ. Но совсѣмъ иначе заговорилъ онъ, потомъ, когда отказался удовлетворить требованія рабочихъ и даже пригласилъ полицію охранять его жизнь и имущество, товарищи средь бѣла дня поставили бомбу у его квартиры. Оглушительный взрывъ разрушилъ двери, печи и окна. Не стерпѣлъ старикъ и послалъ своего управляющаго для переговоровъ. Не желая окончательно сдаться рабочимъ, онъ просилъ ихъ уменьшить ихъ требованія. Но рабочіе, воодушевленные актомъ, отвѣтили, что ни на какіе компромиссы не пойдутъ. Въ то же время Езерскій получилъ письмо, въ которомъ ему былъ объявленъ смертный приговоръ, если по истеченіи 12-ти часовъ онъ не удовлетворитъ требованія рабочихъ. Напуганный всѣмъ этимъ, онъ не хотѣлъ даже выждать этихъ 12-ти часовъ и прибѣжалъ на бульваръ искать рабочихъ.

Послѣ этой забастовки, снова масса рабочихъ хлынула къ намъ за литературой. Многіе изъ нихъ говорили, что они уже давно разувѣрились въ с.-д. и с.-р. и ихъ тактикѣ, и изъявили желаніе ближе ознакомиться съ анархизмомъ. Не мѣшаетъ отмѣтить слѣ-

дующій характерный фактъ. „Бундъ" исключилъ изъ своей партіи рабочихъ, обратившихся къ намъ съ просьбой руководить забастовкой. По этому поводу мы выпустили листокъ.

Еще одно дѣло имѣло мѣсто въ нашемъ городѣ. 28-августа членами боевой дружины а.-к. было совершено покушеніе на жизнь бывшаго бѣлостокскаго полиціймейстера Мацевича, руководившаго разстрѣломъ множества рабочихъ 30-го іюля 1905 года и стоявшаго во главѣ хулигановъ въ дни бѣлостокскаго погрома. Три дня наши товарищи безусыпно слѣдили за нимъ. Наступилъ роковой день. Одѣтый по праздничному, онъ разгуливалъ по улицамъ Гродно, надѣясь, что его здѣсь не знаютъ. Но двое товарищей узнали его, когда онъ входилъ въ ресторанъ, и стрѣляли въ него.

Къ сожалѣнію, Мацевичъ былъ лишь легко раненъ.

Екатеринославъ. Въ концѣ октября с. г. здѣсь было совершено покушеніе на начальника городскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ инженера Гирскаго. Причины покушенія таковы: уже давно Гирскій сталъ проявлять себя съ самой худшей стороны. По его инициативѣ начали сознательныхъ рабочихъ или переводить въ другіе города, или увольнять. Когда же рабочіе явились къ нему за объясненіемъ, онъ грубо принялъ ихъ и заявилъ, что такъ какъ онъ начальникъ, то и можетъ самъ распоряжаться, ни у кого не спрашивая совѣта. Недѣли за три передъ тѣмъ онъ позволилъ себѣ ударить одного молодого рабочаго, который ослушался его приказанія.

Онъ шелъ по мостику, соединяющему мастерскія съ городскимъ вокзаломъ, когда двое товарищей а.-к. начали въ него стрѣлять. Къ несчастью, одинъ браунингъ далъ осѣчку, и Гирскій былъ только раненъ. Въ городѣ поднялась страшная суматоха. Все охранное было поставлено на ноги, но товарищи успѣли скрыться.

Въ тотъ же день въ мастерскихъ было вывѣшено объявленіе, что мастерскія закрываются на неопредѣленное время. На другой день къ начальнику явились делегаты отъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ узнать, когда мастерскія будутъ открыты, причемъ въ разговорѣ (*хотя никто изъ рабочихъ ихъ на это не уполномачивали*) выразили ему свое соболѣзнованіе. Начальникъ заявилъ, что по распоряженію изъ Петербурга часть рабочихъ будетъ переведена на другія дороги. Когда же делегаты сказали, что сами снесутся съ Петербургомъ, онъ сталъ нѣсколько уступчивѣе. Однимъ словомъ, черезъ два дня мастерскія были открыты; пока еще никого не уволили, но можно ожидать, что вскорѣ начнется небольшая фильтровка.

Сейчасъ же послѣ акта, какъ только сдѣлалось извѣстно о закрытіи мастерскихъ, Екатеринославская Федеративная Организація Анарх.-Ком. собрала групповку, на которой было рѣшено приложить всѣ силы къ тому, чтобы заставить администрацію открыть мастерскія. Было намѣчено нѣсколько актовъ среди администраціи. Рѣшили не остановиться ни передъ чѣмъ, даже передъ взрывомъ главнаго управленія. Но къ такимъ мѣрамъ прибѣгать не пришлось ввиду открытія мастерскихъ. Насколько намъ извѣстно, рабочіе отнеслись къ акту очень сочувственно; жалѣли только, что начальнику удалось уйти живымъ.

Въ серединѣ ноября получили литературу (комплекты „Буревѣстника, №№ 6-7 „Бурев." съ приложеніемъ, № 1 „Бунтаря", прокламаціи „Крестьяне и рабочіе!" и „Къ новобранцамъ". Полученную литературу широко распространили въ массахъ; листки разбросали и развѣсили ночью въ мастерскихъ, также какъ и „Отчетъ Боевой Интернаціональной Группы А.-К.", который произвелъ большой фуроръ. — „Вотъ сколько у нихъ расходовъ, чертъ ихъ побери!" замѣтилъ одинъ мастеръ, прочтя его, „у эсдековъ все копейки, а у нихъ тысячи." Одинъ рабочій отвѣтилъ ему: „Зато посмотрите на приходъ."

На нашу литературу огромный спросъ. Работа опять налаживается. Стараемся приложить всѣ силы къ тому, чтобы пополнить теоретическіе пробѣлы, чтобы увеличить ядро вполнѣ сознательныхъ, принципіальныхъ анархистовъ. Рабочіе требуютъ у насъ литературы и оружія. Масса безработныхъ обращается за нимъ въ нашу группу." Нѣтъ положительно возможности удовлетворить всѣхъ. Настроеніе среди рабочихъ довольно бодрое. Всюду слышатся одни и тѣ же слова: „Оружія, оружія и оружія!.."

„Екатеринославская Федеративная Организація Рабочихъ Анархистовъ-Коммунистовъ."

Бѣжица. Брянскій заводъ. Въ приложеніи къ №№ „Буревѣстника" былъ помѣщенъ некрологъ нашего тов. Андрея, пользовавшагося громадной популярностью среди рабочихъ всѣхъ окрестностей брянскаго завода и мальцевскаго района. Какъ всегда бываетъ, смерть опытнаго организатора и любимаго пропагандиста внесла временное замѣшательство въ ряды массовыхъ рабочихъ. Наряду съ небольшой подавленностью чувствовалось сильное озлобленіе. Какъ всегда бываетъ, смерть любимаго товарища усилила жажду борьбы, напрягла чувство ненависти къ врагу у болѣе боевой, революціонно-настроенной части рабочихъ. Къ сожалѣнію, въ распоряженіи группы имѣлся всего на-всего одинъ браунингъ. Всѣ порывы, при такомъ „вооруженіи", оставались лишь въ области порывовъ. Къ счастью, въ то время пріѣхали изъ-за-границы два товарища и привезли пять браунинговъ. Положеніе улучшилось, но для серьезнаго дѣла оружія еще не было достаточно. Пока началась болѣе интенсивная кружковая работа (которая, впрочемъ, не прекращалась), болѣе интенсивная пропаганда идей и принциповъ анархизма. Пропаганда падала на плодотворную почву. Десятками рабочіе переходили къ намъ. Настроеніе чудесное. Все сильнѣе чувствуется потребность не ограничиваться словами. Молодежь, боевые темпераменты жаждутъ дѣла. Для дѣла нужны деньги. Рѣшено совершить крупную „экспропріацію". Напередъ рѣшили одну треть экспропріированныхъ денегъ предназначить на крупные террористическіе акты, а остальное на литературу, технику, организаціонныя дѣла. Нашлось двадцать человѣкъ отборныхъ боевиковъ, которые взялись за организацію „экса". Послѣдовалъ провалъ. За нимъ другой. Часть товарищей разъѣхалась по дѣламъ. Осталось семь человѣкъ, когда получили свѣдѣнія, что кассиръ Мальцевскихъ заводовъ ѣдетъ въ Орелъ съ крупной суммой.

Хотя было для этого дѣла только семь человѣкъ, но настроеніе было такое приподнятое, столько вѣры въ свои силы, что рѣшили пойти. Кромѣ браунинговъ, захватили еще пять бомбъ собственнаго изготовленія. Подъ Карачевымъ, по Риго-Орловской ж. д., тормазомъ остановили поѣздъ, и съ двухъ сторонъ открыли огонь по вагону 1-го и 2-го класса, гдѣ между публикой находился вице-губернаторъ. Въ вагонѣ было четыре стражника, три переодѣтыхъ вооруженныхъ кассира и офицера. Грянулъ залпъ отвѣтныхъ выстрѣловъ. Одинъ товарищъ, Михаилъ Козловъ, былъ убитъ, другой, раненный въ ногу, былъ вынужденъ отступить. Перестрѣлка продолжалась минутъ 10—12. Остальные пять рѣшили прибѣгнуть къ бомбамъ. Раздался первый оглушительный взрывъ отъ первой брошенной бомбы. Воцарилась паника. Послѣдовали взрывы остальныхъ трехъ бомбъ. Часть публики бросилась въ третій классъ, гдѣ притаилась подъ скамейками. Среди нихъ былъ вице-губернаторъ и нѣкоторые офицеры. Въ самомъ вагонѣ завязалась перестрѣлка. Были убиты: одинъ стражникъ, два вооруженныхъ шпика и четыре пассажира, среди которыхъ — сынъ извѣстнаго милліонера Катиева, графъ и графиня. Былъ раненъ слѣдователь. Денегъ тамъ не оказалось. Они были у кассира, который ѣхалъ третьимъ классомъ. Изъ нашихъ былъ одинъ раненъ пулей, а другой осколкомъ бомбы въ ногу. Всѣ, въ томъ числѣ и раненные, спаслись. Отступали лѣсомъ, прошли верстъ сто. Вслѣдъ за ними послали казаковъ, которые, какъ писало потомъ „Русское Слово", завязали перестрѣлку между собой. Войско было отправлено изъ Карачева и изъ Брянска, обыскивали лѣсъ съ двухъ сторонъ. Но среди отступавшихъ были опытные люди, прекрасно знавшіе мѣстность, и всѣ розыски оказались напрасными.

Неудача не обезкуражила товарищей. Уже на третій день послѣдовало новое выступленіе. Былъ убитъ надсмотрщикъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ присяжныхъ засѣдателей, которые должны были судить семь нашихъ товарищей изъ первой Рославльской группы, арестованныхъ въ прошломъ году въ Орлѣ. За ними числилось шестнадцать дѣлъ. Ихъ второй разъ водили въ судъ. Первый разъ они категорически отказались отъ всякихъ переговоровъ съ судомъ, который высмѣяли. Тогда дѣло было отложено на мѣсяцъ. Теперь они снова были приведены предъ лицо карателей своихъ. И въ этотъ-же день, отъ пуль двоихъ товарищей-анархистовъ, дѣйствовавшихъ по собственному почину, палъ извѣстный своей „дѣятельностью" надсмотрщикъ завода и предсѣдатель присяжныхъ засѣдателей Морозовъ. Актъ вызвалъ панику среди заводской администраціи, а предсѣдатель суда позорно бѣжалъ. Товарищей не судили, а отправили подъ усиленнымъ конвоемъ въ Орелъ. Въ ту-же недѣлю въ Брянскѣ былъ убитъ начальникъ тюрьмы... На ряду съ этими актами продолжалась пропаганда, агитація, дискуссіи.

Чувствовалась нужда въ деньгахъ. Группа воспользовалась связями среди крестьянъ и взяла почту; взяли 1500 руб. Уплатили 600 руб. долговъ, купили на 150 рублей анархической (вышедшей въ Россіи) литературы; 200 рублей ушло на тюрьму; остальныя деньги были отложены на лабораторную технику и паспорта, но провалились.

Репрессіи усилились. Казаки, драгуны, черкесы водворяли порядокъ. Хотя въ этой мѣстности усиленная охрана, но царитъ осадное положеніе. Послѣдовали новые провалы. За все это время было арестовано въ Бѣжицѣ и окрестностяхъ около 85-и человѣкъ. Боязнь передъ анархистами такъ велика, что администрація высылаетъ всѣхъ подозрительныхъ въ политическомъ отно-

шенія и всѣхъ безработныхъ. Высылаютъ мѣстныхъ уроженцевъ. Несмотря на это, работа идетъ усиленнымъ темпомъ, не только среди рабочихъ, но и среди крестьянъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ окрестныя деревни затронуты нашей пропагандой. Чувствуется и среди нихъ потребность въ оружіи, литературѣ, пропагандистахъ. Среди рабочихъ имѣются группы: 1. Бѣжицкое братство, 2. Радицкая паровозная группа, 3. Брянская группа, которая ведетъ пропаганду среди войска и арсенальныхъ рабочихъ, 4 Ямская группа, Рославльская группа, Городищенская группа, — не считая деревенскихъ группъ.

Изъ литературы, кромѣ купленной на 150 руб. русскихъ изданій, было получено изъ-за границы и распространено: 1 „Буревѣстникъ" №№ отъ 1-го до 7-го. 2. „Бунтарь" № 1-ый. 3. Прокламаціи: „Крестьяне и рабочіе". Эти прокламаціи пользовались громаднымъ успѣхомъ среди крестьянъ.

О мелкихъ столкновеніяхъ съ полиціей, убійствѣ городовыхъ и шпіоновъ не пишу.

Ни страшныя репрессіи, ни „выборы", ни клевета и инсинуаціи „демократическихъ" партій не убили революціоннаго духа рабочихъ, не подорвали довѣрія къ анархизму, не уменьшили симпатіи къ идейнымъ носителямъ его. Съ бодростью ждемъ дальнѣйшихъ событій. Членъ Бѣжицкой Группы А. К. „Братство".

„Сѣрый".

„СИМФЕРОПОЛЬ, 10-го декабря. При попыткѣ къ побѣгу изъ тюрьмы убиты анархисты Саадъ и Блохъ."

„СИМФЕРОПОЛЬ, 10-го декабря. Сегодняшніе безпорядки въ тюрьмѣ были вызваны попыткой политическихъ арестантовъ бѣжать. Арестанты проломили въ камерѣ потолокъ и намѣревались бросить бомбу. Своевременно замѣченные тюремной стражей, арестанты оказали сопротивленіе; при этомъ двое арестантовъ были убиты стражей и одинъ раненъ. Убитъ тюремный надзиратель. Порядокъ возстановленъ". („Товарищъ". 11-го декабря 1907 г.)

Біографія убитаго товарища Мити Саада *), какъ революціонера, не богата фактами. И неудивительно: въ моментъ смерти Митѣ было всего 17 лѣтъ.

Сначала онъ былъ соціалъ-демократомъ, но уже тогда ему были противны политиканство этой партіи, комитеты съ ихъ чиновничествомъ, и онъ искалъ выхода изъ этого круга, чувствуя, что это не то, что нужно рабочему.

Встрѣча съ анархистами произвела въ немъ полный переворотъ; онъ весь отдался идеѣ анархическаго коммунизма. Съ этой минуты, гдѣ только его ни встрѣтишь—въ городскомъ-ли саду или на биржѣ—вѣчно видишь его горячо ведущимъ дебаты съ соціалистами-революціонерами и соціалъ-демократами.

Вскорѣ онъ стрѣляетъ въ шпіона-провокатора Антонку, но только ранитъ его.

Пылкая революціонная натура все рвалась въ бой; хотѣлось бороться. И вотъ, онъ задумываетъ актъ, но, за неимѣніемъ денегъ на организацію его, предпринимаетъ вмѣстѣ съ другими товарищами экспропріацію въ Евпаторіи, гдѣ и былъ арестованъ.

Содержался онъ въ симферопольской тюрьмѣ, изъ которой его отправили въ Евпаторію на уличеніе. По дорогѣ ему удалось бѣжать отъ конвойныхъ и добраться до Евпаторіи; но тамъ устроили облаву, нашли его въ кустарникахъ и отправили обратно въ Симферополь.

Митя Саадъ не оставляетъ однако мысли о побѣгѣ. Въ тюрьмѣ онъ ни минуты не сидитъ спокойно, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ попыткахъ побѣга: то сдѣлаетъ проломъ въ печи, то въ другомъ мѣстѣ... но все напрасно! И вотъ, послѣдняя попытка кончается для него трагически. Всегда впереди на самыхъ опасныхъ пунктахъ, онъ былъ убитъ на порогѣ такъ страстно желанной свободы.

М.

Семенъ Беніенко.

Некрологъ.

Семенъ Беніенко.

Семенъ Беніенко, сынъ бѣднаго крестьянина, служившаго лѣсничимъ у князя Долгорукова. 17-ти лѣтъ ему приходится поступить на винодѣльный заводъ Удѣльнаго Вѣдомства, находящійся недалеко отъ Ялты. Соціалистическая пропаганда, развившаяся въ широкихъ размѣрахъ въ концѣ 1904 г. проникаетъ и сюда; Семенъ сталкивается съ соц.-р-ами, достаетъ у нихъ нелегальную литературу, много читаетъ; позже онъ примыкаетъ къ партіи с.-р. и принимаетъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ на заводѣ, гдѣ онъ работаетъ. Во время октябрьской забастовки онъ былъ представителемъ отъ своего завода.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ былъ арестованъ, но такъ какъ уликъ не было, его въ скоромъ времени освободили. Зимой 1906-го года онъ вмѣстѣ съ другими болѣе передовыми рабочими с.-р. заинтересовывается идеей анархизма; они просятъ комитетъ с.-р. объяснить, что такое анархизмъ; тѣ, почуявъ что-то опасное въ этомъ, заявили, что это только излишнее занятіе философіей, но когда товарищи начали настаивать, то они позаботились по своему объяснить анархизмъ. Собравъ всѣхъ передовыхъ рабочихъ, с.-р-ы заявили, что имъ прочтетъ рефератъ объ анархизмѣ спеціально выписанный для этого товарищъ. Тотъ объяснилъ, что у анархистовъ нѣтъ никакой идеи, что сами анархисты только тѣмъ занимаются, что грабятъ деньги, пьянствуютъ на нихъ вмѣстѣ съ проститутками и т. д. Но они, не повѣривъ выписанному референту, гдѣ-то достаютъ книгу „Будущее Общество" Ж. Грава и съ этой поры у нихъ является еще большій интересъ къ идеямъ анархизма. Отколовшись отъ центра с.-р-овъ, они рѣшили заняться изученіемъ анархистской идеи и создать свою группу, но то обстоятельство, что негдѣ было достать связи съ другими группами, сильно затрудняло ихъ рѣшеніе. Въ это время было ими устроено неудавшееся нападеніе на почту, по подозрѣнію въ которомъ былъ арестованъ С. Беніенко, и отправленъ въ симферопольскую тюрьму.

Тамъ онъ встрѣчается съ екатеринославскими анархистами, которые даютъ ему связи съ екатеринославской группой. Просидѣвъ всего три недѣли, онъ былъ выпущенъ. Ялтинскіе товарищи, узнавъ, что есть уже связи съ другой группой, собрали между собой деньги и на эти деньги послали Семена въ Екатеринославъ съ просьбой, чтобы прислали къ нимъ пропагандиста.

Позже онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ похищеніи типографіи и устройствѣ ея въ пещерахъ царскаго имѣнія „Оріанда". 20-го мая онъ проходитъ съ одной дѣвушкой по Аутkѣ (предмѣстье г. Ялты), на нихъ нападаютъ хулиганы съ цѣлью увести съ собой дѣвушку; Семенъ выхватываетъ браунингъ и стрѣляетъ, убивая одного хулигана наповалъ и легко ранивъ другого; остальные разбѣгаются. Съ мѣста стрѣльбы ему удается легко скрыться, но вскорѣ полиція узнаетъ, кто стрѣлялъ, и онъ переходитъ на нелегальное положеніе. Нелегальному ему приходится скрываться и жить въ лѣсу, въ то же время онъ помогаетъ работать въ типографіи.

1-го іюля онъ нѣсколькими выстрѣлами убиваетъ наповалъ заводскаго приказчика (тамъ, гдѣ онъ работалъ), извѣстнаго шпика и доносчика. 22-го іюля вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ они проходятъ по городу. Семена Беніенко узнаетъ старая полицейская собака—старшій городовой Яновскій и обращается къ нимъ со словами: „стойте, молодые люди! вы, кажется, Беніенко". —„Да, я", послѣдовалъ отвѣтъ и грянулъ выстрѣлъ, но Семенъ промахнулся, а слѣдующая пуля застряла въ дулѣ; тогда открываетъ огонь его товарищъ, но тоже безрезультатно. Яновскій падаетъ отъ испуга, и они, думая, что онъ убитъ, уходятъ. Позже онъ бросаетъ бомбу въ околоточнаго Романова, но неудачно. Будучи с.-р., онъ принадлежалъ къ боевой дружинѣ, участвовалъ въ захватѣ типографіи для отпечатки с.-р-овскихъ листковъ. Онъ проявлялъ поразительное хладнокровіе во время какого угодно революціоннаго дѣла; эту его сторону ярко обрисовываетъ его участіе въ послѣднемъ дѣлѣ, на которомъ онъ и погибъ. 4-го августа вечеромъ Семенъ вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ проходилъ по улицѣ, гдѣ, ихъ ожидала засада, состоявшая изъ околоточнаго Романова и нѣсколькихъ городовыхъ. Какъ только они очутились возлѣ мѣста, гдѣ засѣла полиція, околоточный бросился на Беніенко и съ крикомъ: „А, г. Беніенко, васъ-то намъ и нужно!" схватилъ его за руки; но товарищъ не потерялся: сильнымъ движеніемъ онъ отбрасываетъ околоточнаго въ сторону, выхватываетъ браунингъ и тремя пулями убиваетъ его. Произведя нѣсколько выстрѣловъ по городовымъ, отъ которыхъ тѣ разбѣгаются, товарищи скорымъ шагомъ начали уходить. На выстрѣлы сбѣгаются со всѣхъ сторонъ полиція и публика. Начинается погоня. Видя за собой погоню, Беніенко говоритъ другому товарищу: „отойди дальше, а я ихъ поучу, какъ гнаться"; съ этими словами онъ беретъ бомбу и едва только зажигаетъ фитиль, какъ вдругъ она взрывается у него въ рукахъ; онъ падаетъ весь окровавленный. Съ оторванными кистями рукъ, съ раздробленной грудью и ногами и выжженными глазами онъ пытается приподняться, но напрасно. Въ скоромъ времени на мѣсто происшествія пріѣхалъ исправникъ г. Ялты Гвозделичъ; Семенъ по голосу узнаетъ его и спрашиваетъ: „это ты, Гвоздевичъ?!" — „Да, это я", былъ отвѣтъ.—„На, пей мою кровь, полицейская сволочь!" И окровавленныя руки съ оторванными кистями потянулись въ ту сторону, откуда слышалось это ехидное и противное „Да, это я". Полицейская свора старалась узнать отъ него, гдѣ его товарищи и много-ли ихъ. „Вся рабочая Ялта мои товарищи, а товарищи-анархи-

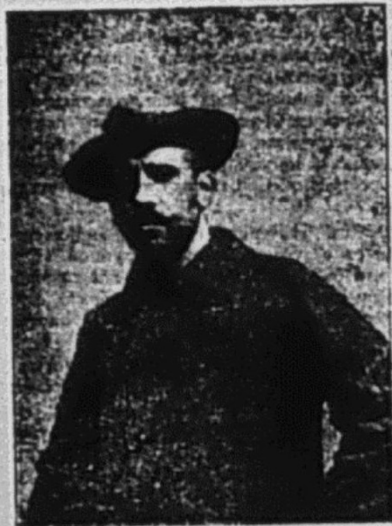
*) Другой убитый — Блохъ — не анархистъ.

сты быть можетъ сами скоро придутъ разговаривать съ вами съ оружiемъ въ рукахъ". Семена положили на телѣгу и повезли въ земскую больницу. По дорогѣ онъ все время кричалъ: „да здравствуетъ анархическiй коммунизмъ, смерть буржуазному строю!" Полицiя, чтобы заглушить эти возгласы, завязала ему ротъ.

Въ больницѣ, во все время агонiи, полицiя не отходила отъ него, стараясь вырвать у него какiя-нибудь признанiя, но, несмотря на страшныя страданiя, Семенъ ни разу не забылся; всѣ старанiя полицiи были напрасны.

Въ два часа ночи Семена не стало.

А.

Ѳеодосiй Зубарь.

Ѳ. Зубарь.

(Некрологъ)

24-го iюня 1907-го года на станцiи Сухачевка Е. Ж. Д., возвращаясь съ экспропрiацiи изъ ближайшихъ экономiй, преслѣдуемый и окруженный со всѣхъ сторонъ сторожевыми собаками буржуазiи — полицiей, стражниками и солдатами, — послѣ вооруженнаго отпора, покончилъ съ собой Ѳеодосiй Зубарь, рабочiй главныхъ Екатеринославскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, 32-хъ лѣтъ.

Ѳ. Зубарь, еще будучи соц.-революцiонеромъ, во время всеобщей октябрьской забастовки встрѣчается впервые съ рабочими анархистами-коммунистами 11-го октября на Чечелевскихъ баррикадахъ.

Ѳеодосiй былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ въ октябрьскую забастовку. 11-го октября онъ принимаетъ участiе въ остановкѣ воинскаго поѣзда съ казаками (между станцiями Горяиново и Екатеринославъ) и въ сооруженiи Чечелевскихъ баррикадъ. Спустя нѣсколько дней, вмѣстѣ съ нашими товарищами, Ѳеодосiй пускаетъ паровозъ со станцiи Нижне-Днѣпровскъ по направленiю къ желѣзнодорожному мосту черезъ Днѣпръ. Въ это время на мосту былъ разобранъ путь. Съ страшнымъ трескомъ соскочивъ съ рельсъ, паровозъ разорвалъ желѣзныя колонны моста и повисъ надъ водой. Мостъ былъ поврежденъ, желѣзнодорожное сообщенiе прервано. Начальство поставило для охраны моста казаковъ, которые помѣстились въ нѣсколькихъ вагонахъ III-го класса; для офицеровъ же былъ поставленъ вагонъ II-го класса. Ѳеодосiй съ товарищами, не долго думая, ночью растапливаютъ въ Нижнеднѣпровскѣ другой паровозъ и пускаютъ его на вагоны. Но путь оказался разобраннымъ, и паровозъ на полъ-дорогѣ со всего размаху врѣзался въ землю, не причинивъ казакамъ вреда.

Послѣ октябрьской забастовки Ѳеодосiй примыкаетъ къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ и сразу берется за приготовленiе бомбъ.

Въ началѣ декабря Ѳеодосiй съ Яковомъ Коноплевымъ, выйдя на желѣзнодорожное полотно на Амурѣ (предмѣстье г. Екатеринослава), пробуютъ приготовленную имъ бомбу (македонскаго образца). Бомба разрывается съ страшной силой. Перепуганные жители поселка бѣгутъ по направленiю къ линiи. „Что тамъ такое? кто бросилъ бомбу и куда?" спросили попавшагося имъ навстрѣчу возвращавшагося Ѳеодосiя. — „Ничего особеннаго не случилось!" успокаивающе отвѣтилъ Ѳеодосiй, „это я дѣлалъ пробу". — „Какъ можно! ты всѣхъ перепугалъ! Приходи завтра на народный судъ". — „Хорошо".

На другой день раздался звонъ колокола на пожарной каланчѣ, созывающiй сходъ на площадь для совершенiя народнаго суда надъ Ѳеодосiемъ. Мнѣнiя раздѣлились: „Нехорошо", говорили одни, „онъ перепугалъ всѣхъ людей". — „Нѣтъ, это хорошо", говорили другiе, „для самообороны годится". Судили-рядили, наконецъ вынесли приговоръ: „въ слѣдующiй разъ, какъ Ѳеодосiй будетъ пробовать бомбу, онъ долженъ будетъ предупредить объ этомъ, чтобы не пугать народъ".

Во время декабрьской забастовки, Ѳеодосiй, вооруженный наганомъ, расклеиваетъ прокламацiи „Ко всѣмъ рабочимъ". Одну такую прокламацiю онъ приклеилъ на станцiи Екатеринославъ, и, отойдя въ сторону, сталъ наблюдать за читающими. Въ это время одинъ изъ читающей публики началъ спѣшно срывать прокламацiю. Ѳеодосiй выхватываетъ наганъ и съ крикомъ „смерть шпiону!" набрасывается на сорвавшаго прокламацiю. Къ счастью, онъ былъ во время остановленъ криками знакомыхъ рабочихъ, схватившихъ его за руку со словами „Ѳеодосiй, что ты дѣлаешь! вѣдь это товарищъ соцiалъ-демократъ!"... Такимъ образомъ, Ѳеодосiй чуть не сдѣлался убiйцей рабочаго соц.-дем., которому, какъ видно, затуманили голову вожаки-политиканы.

Въ январѣ 1906-го года Ѳеодосiй участвуетъ въ отпечатанiи прокламацiи захватнымъ правомъ и въ нѣсколькихъ вооруженныхъ нападенiяхъ на буржуазiю, конфискуя у нея деньги въ пользу группы а.-к., а затѣмъ ѣдетъ на съѣздъ террористической группы, организованной Владимiромъ Стригой. Самъ онъ выбираетъ себѣ крупный террористическiй актъ, но, за неимѣнiемъ достаточныхъ средствъ, ему не удается выполнить его. Около этого же времени Ѳеодосiй вмѣстѣ со Стригой занимается приготовленiемъ динамитныхъ химическихъ бомбъ.

Въ началѣ февраля Ѳеодосiя арестовываютъ по доносу о пробѣ бомбы; уликъ нѣтъ, и его приговариваютъ административно къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы.

Въ концѣ апрѣля его выпускаютъ на волю. Черезъ нѣсколько дней по выходѣ изъ тюрьмы, Ѳеодосiй дѣлаетъ пробу первой приготовленной имъ адской машины. Послѣ этого, полицiя и казаки дѣлаютъ у него на дому засаду, и Ѳеодосiю приходится перейти на нелегальное положенiе.

3-го мая Ѳеодосiй участвуетъ въ покушенiи на курьерскiй поѣздъ, гдѣ была брошена бомба въ вагонъ 1-го класса.

11-го мая, онъ участвуетъ во взрывѣ казачьихъ казармъ на Амурѣ, гдѣ были поставлены двѣ адскихъ машины. Вскорѣ за тѣмъ онъ ѣдетъ за покупкой оружiя. Въ iюнѣ онъ обезоруживаетъ нѣсколькихъ городовыхъ. 20-го iюля Ѳеодосiй вмѣстѣ съ нѣсколькими другими товарищами совершаетъ „анархическiй обходъ" окрестностей Екатеринослава: среди бѣла дня стрѣляютъ въ двухъ околодочныхъ на Чечелевкѣ (оба ранены), обезоруживаютъ городового на Амурѣ и убиваютъ старшаго городового въ Нижнеднѣпровскѣ.

26-го iюля на Чечелевкѣ Ѳеодосiй принимаетъ дѣятельное участiе въ отраженiи аттаки драгунами (190 чел.) анархическаго собранiя. Драгуны были отброшены съ потерями (9 чел. убитыми и ранеными), а со стороны анархистовъ былъ раненъ только самъ Ѳеодосiй въ ногу навылетъ, остальные же товарищи, прорвавъ цѣпь, благополучно скрылись.

Раненный Ѳеодосiй заскакиваетъ въ первый попавшiйся домъ и съ бомбой и браунингомъ въ рукахъ, требуетъ оказать ему медицинскую помощь. „Кто васъ сюда привелъ?" спросилъ его докторъ, дѣлавшiй ему перевязку. — „Я самъ пришелъ". — „Ну!" удивился докторъ. „Сейчасъ видно вы, должно быть, революцiонеръ"!

Послѣ перевязки ему находятъ извозчика, на которомъ онъ благополучно уѣзжаетъ.

Хотя рана была и не опасная, но на другой день Ѳеодосiй слегъ въ постель. Пролежалъ онъ не долго. Революцiонной натуры Ѳеодосiя, обладавшаго неисчерпаемымъ источникомъ энергiи и воли, не могла остановить полученная имъ рана. Хромая, онъ ходитъ, разыскивая оставленное имъ послѣ полученiя раны оружiе, и посѣщаетъ групповыя собранiя.

26-го августа, не успѣвъ еще вполнѣ оправиться отъ полученной имъ раны, Ѳеодосiй принимаетъ участiе въ „экспропрiацiи" казенной палаты, гдѣ происходитъ перестрѣлка съ полицiей, во время которой погибаетъ одинъ товарищъ. Ѳеодосiй же и другiе товарищи, отстрѣливаясь, уходятъ.

Черезъ нѣсколько времени Ѳеодосiй уѣзжаетъ заграницу, гдѣ занимается изученiемъ приготовленiя бомбъ новаго типа, съ предохранителемъ.

Сидѣть заграницей, оторваннымъ отъ революцiоннаго движенiя; заграницей, гдѣ парламентская игра въ избирательные бюллетени убила революцiонный духъ въ рабочихъ массахъ, Ѳеодосiй не могъ,—онъ всей душой рвался въ Россiю. Наконецъ, ему удается достать денегъ на отъѣздъ, и онъ опять въ Екатеринославѣ.

Въ концѣ iюня 1907-го года Ѳеодосiй и другiе товарищи узнаютъ о побѣгѣ товарищей изъ Севастопольской тюрьмы. Нужна денежная помощь бѣжавшимъ, а денегъ нѣтъ. Не откладывая дѣла въ долгiй ящикъ, Ѳеодосiй и другiе товарищи дѣлаютъ вооружен-

ное нападеніе на три экономіи подрядъ, но на обратномъ пути у нихъ происходитъ перестрѣлка съ урядникомъ и стражниками, которые преслѣдуютъ ихъ на протяженіи сорока верстъ. Урядникъ убитъ, нѣсколько стражниковъ ранено. Преслѣдуемые товарищи, отстрѣливаясь, приближались къ станціи Сухачевка, гдѣ вновь произошла схватка съ бывшими на станціи жандармами. Во время этой схватки одинъ товарищъ погибъ, другой былъ раненъ. Завладѣвъ станціей, Ѳедосій и еще двое товарищей, не желая оставить раненнаго, кладутъ его на паровозъ и уѣзжаютъ. Но спасенья нѣтъ. Навстрѣчу ѣдетъ воинскій поѣздъ, сзади — паровозъ со стражниками и жандармеріей... Ихъ окружаютъ... происходитъ ожесточенное сопротивленіе... Двое товарищей были схвачены живыми. Ѳедосій же, не отходя отъ раненнаго товарища, попеременно стрѣляетъ изъ маузера и двухъ браунинговъ. Его осыпаютъ цѣлымъ роемъ пуль. Лицо его залито кровью отъ полученныхъ ранъ... Наконецъ, истекая кровью (онъ былъ раненъ нѣсколькими пулями), заложивъ послѣдній зарядъ въ револьверъ, Ѳедосій остановился. Окинувъ взоромъ окружающую его густую щетину штыковъ и бросивъ послѣдній взглядъ на умирающаго товарища, онъ рѣшилъ не сдаваться живымъ въ руки палачей.

Крѣпко сжавъ въ рукахъ маузеръ онъ, съ крикомъ: „да здравствуетъ анархія!“ прикладываетъ его къ виску!.. Но пристальное ложе мѣшаетъ ему спустить курокъ. Ѳедосій опускаетъ руку, откидываетъ въ сторону ложе, вновь прикладываетъ дуло къ виску и нажимаетъ собачку...

Раздался сухой короткій выстрѣлъ, прекратившій жизнь незамѣнимаго борца за рабочее дѣло.

ПАМЯТИ ѲЕДОСЬЯ ЗУБАРЯ.

Ѳедосій Зубарь — дитя революціи. Терроръ — его родная стихія. Бомба — неразлучная спутница его революціонной жизни. Онъ не только приготовляетъ ее, не только идетъ съ ней на дѣло: онъ ее любитъ, безъ нея онъ тоскуетъ. Безъ нея онъ чувствуетъ себя одинокимъ, неполнымъ.

Нельзя говорить о Ѳедосѣѣ не говоря о бомбахъ.

На Амурѣ нѣкоторые темные люди говорили: „анархисты купили Ѳедосья за бомбу“, и въ этомъ была доля правды:

Демократическая бомба анархистовъ — бомба, *доступная* широкимъ рабочимъ массамъ, въ противоположность *аристократической* бомбѣ соц.-рев., находящейся въ распоряженіи комитетчиковъ, — привлекла его первоначально въ наши ряды. Вступивъ въ группу въ октябрѣ 1905-го года, Ѳедосій сразу беретъ на себя роль „лаборанта“, принимается за изготовленіе бомбъ, и съ этого времени, онъ больше не разстается съ ними; бомба становится постоянной спутницей его жизни. Сначала это незамысловатая „фитильная македонка“, приготовленная изъ „македонки“, смѣшанной съ машиной. Потомъ, это „македонка“ со специальной уже оболочкой, и „динамитная фитильная“. Въ декабрѣ, съ появленіемъ въ Екатеринославѣ Стриги, Ѳедосій совершенствуется въ своемъ „ремеслѣ“; приготовляетъ подъ его руководствомъ уже „химическія“, „ударныя“ бомбы. Своимъ учителемъ онъ гордится: „Вотъ какіе у насъ пропагандисты!“ говоритъ онъ своимъ бывшимъ товарищамъ рабочимъ соц.-революціонерамъ, „бомбы, адскія машины, мины сами дѣлаютъ!“

Ѳедосій — простой рабочій. Его познанія, какъ „лаборанта“ не идутъ дальше отливки оболочекъ и приготовленія бомбъ и адскихъ машинъ изъ *готовыхъ* взрывчатыхъ веществъ (если не считать несложнаго приготовленія македонской смѣси). Но зато бомба Ѳедосья — надежная, не выдастъ! Никогда не выпуститъ онъ ее изъ своей „лабораторіи“ не *испробовавъ* новой оболочки, новыхъ запальниковъ, вновь полученнаго динамита...

Идетъ „проба“ за пробой. Пробы въ октябрѣ, проба въ декабрѣ, когда „народный судъ“ „приговариваетъ“ Ѳедосья „въ слѣдующій разъ, когда будетъ пробовать бомбу, предупредить, чтобы не испугать народъ“. Все ему сходитъ съ рукъ.

Но... „мѣняются времена, мѣняются и нравы“. Послѣ „свободъ“ наступаетъ реакція.

Въ февралѣ кто-то вновь дѣлаетъ „пробу“ на Амурѣ. Ѳедосій непричастенъ къ дѣлу. Но его арестовываютъ по подозрѣнію. За неимѣніемъ уликъ, онъ лишь административно приговоренъ къ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію.

Въ тюрьмѣ Ѳедосій „скучаетъ за бомбой“. Онъ проситъ товарищей съ воли доставить ему взрывчатыя вещества — замышляетъ что-то сдѣлать въ тюрьмѣ. Товарищи, зная что ничто серьезное ему не грозитъ, что онъ скоро снова будетъ на волѣ, находятъ это безуміемъ и отказываютъ ему въ его просьбѣ. Онъ все-таки ухитряется добыть себѣ кое-какія взрывчатыя вещества, но не успѣваетъ ничего сдѣлать. По ходатайству родныхъ, онъ выходитъ на волю до срока — въ концѣ апрѣля.

Товарищи въ отчаяніи. На 1-ое мая проэктировали динамитныя покушенія. Завѣдомо было извѣстно также, что рабочіе другихъ партій собирались на днихъ дѣлать пробы. Необходимо предупредить ихъ, попросить отложить пробы, а Ѳедосья удалить на время изъ Екатеринослава, чтобы не „провалить“ его окончательно. Совпаденіе было бы слишкомъ опасное для находившагося на подозрѣніи Ѳедосья: съ его появленіемъ возобновляются взрывы на Амурѣ... Надо предупредить это...

Но пока товарищи уговаривали рабочихъ с.-р. и с.-д. отложить пробы бомбъ, а Ѳедосья — уѣхать на двѣ недѣли въ деревню, Ѳедосій тоже не терялъ времени: онъ приготовилъ свою первую адскую машину и испробовалъ ее...

Въ тотъ же день у него дома — полицейская засада. Случайно, онъ не попадаетъ въ нее. И вотъ онъ нелегальный. Кончилась жизнь въ семьѣ на Амурѣ, кончился заработокъ въ мастерскихъ.

Ѳедосій въ „городѣ“, на проваленныхъ „конспиративныхъ“ квартирахъ, а днемъ такъ и просто на улицѣ, на скамьѣ или „на травкѣ“, запыленный, загорѣлый, съ стертыми ногами, часто съ селедкой и хлѣбомъ въ рукахъ вмѣсто обѣда. Впрочемъ, онъ появляется всюду: на митингѣ въ железнодорожныхъ мастерскихъ, гдѣ онъ прежде работалъ и гдѣ всѣ его знаютъ; въ Нижнеднѣпровскѣ, чтобъ взорвать министерскій поѣздъ, на Амурѣ, чтобъ взорвать казачьи казармы, а то и просто такъ, на Амурскихъ групповкахъ — въ кепкѣ и синихъ очкахъ, чтобы „измѣнить видъ“, какъ будто онъ еще издали не бросается въ глаза своей типичной небольшой коренастой фигурой и походкой; — на Чечелевкѣ, чтобы принять участіе въ „охотѣ на околодочныхъ“ и въ знаменитомъ Чечелевскомъ отстрѣлѣ...

Позднѣе, заграницей, — та же „тоска за бомбой“ и дальнѣйшее усовершенствованіе въ своемъ „ремеслѣ“ — изученіе моделей бомбъ съ предохранителемъ.

Ѳедосій — взрослое дитя. Простой, довѣрчивый, наивный, онъ подчасъ плохо разбирается въ людяхъ, принимая революціонную фразу за революціонное дѣло. Самъ онъ всегда готовъ „итти на дѣло“, и революціонность онъ цѣнитъ выше всего.

„Я ни одной книги не прочелъ, но я въ душѣ анархистъ“, говаривалъ Ѳедосій. Въ этомъ была доля правды. Онъ больше ненавидѣлъ гнетъ, *чувствовалъ* его тяжелую лапу и стремился свергнуть его, чѣмъ умѣлъ обосновать теоретически ученіе анархизма. Но жизнь его — это лучшее доказательство, какъ безконечно много можетъ сдѣлать человѣкъ съ малыми знаніями, если только онъ весь цѣликомъ отдается движенію. И все же, было бы ошибочно думать, что онъ не былъ вполнѣ сознательнымъ анархистомъ-коммунистомъ. Уроковъ жизни и революціонной борьбы, вмѣстѣ съ тѣмъ немногимъ, что онъ читалъ и слышалъ на массовкахъ и въ кружкахъ, было достаточно для того, чтобы сдѣлать изъ стихійнаго революціонера Ѳедосья — сознательнаго анархиста. Онъ сознательно ненавидѣлъ власть во всѣхъ ея видахъ и формахъ — декреты царскаго правительства одинаково съ призывами „Боевого Стачечнаго Комитета“ къ спокойствію и порядку, швейцарскаго демократическаго жандарма такъ же, какъ русскаго казака, заграничныхъ эксплуататоровъ такъ же, какъ и русскихъ. Онъ не только *чувствовалъ* правоту анархизма, но на фактахъ жизни выучился и *понималъ*, что всякая власть угнетаетъ, и что безъ экономической независимости не можетъ быть политической свободы, — что нѣтъ свободы внѣ анархическаго коммунизма.

Ѳедосій — безупречный *боевикъ*. Всюду, гдѣ была опасность, онъ встрѣчалъ ее лицомъ къ лицу въ первыхъ рядахъ. На всемъ протяженіи его революціонной дѣятельности, изо всѣхъ угловъ на него смотрѣла смерть, — онъ встрѣчалъ ее тѣмъ же яснымъ, спокойнымъ взглядомъ голубыхъ дѣтски-довѣрчивыхъ глазъ, какимъ онъ смотрѣлъ на людей, товарищей-революціонеровъ.

Безупречный боевикъ — Ѳедосій былъ также безупречнымъ *товарищемъ*. Раненный на Чечелевскомъ отстрѣлѣ, онъ прежде всего вспоминаетъ о томъ, что не сможетъ принять участія въ готовившемся тогда похищеніи Гольмана изъ больницы. „Передайте Павлушѣ, что не придетъ за нимъ его другъ! Скажите ему, что теперь лежу, такъ же какъ и онъ“...

Погибаетъ онъ на „экспропріаціи“. Идетъ онъ на нее, чтобы достать денегъ для бѣжавшихъ изъ Севастопольской тюрьмы товарищей... И умираетъ — не пытается бѣжать, скрыться, потому что не хочетъ бросить раненнаго на экспропріаціи товарища.

Слонимскій побѣгъ.

Исполнилась первая годовщина (29 ноября — 1 декабря 1906 г.) извѣстнаго процесса анархистовъ-коммунистовъ, арестованныхъ 16 марта въ г. Бѣлостокѣ. При нихъ были взяты начиненныя бомбы, оболочки, револьверы, русская и еврейская литература.

Беньяминъ Фридманъ.

Б. Фридманъ.

(Немка маленькій)

(некрологъ.)

11-го января 1907-го года выстрѣломъ изъ револьвера покончилъ съ собой анархистъ Беньяминъ Фридманъ, 16 лѣтъ, не желая даться живымъ въ руки полиціи, преслѣдовавшей его послѣ покушенія на жизнь старшаго надзирателя Гродненской тюрьмы.

Немка Фридманъ или Немка Маленькій, какъ звали его товарищи, былъ сынъ портного мѣстечка Крынки (Гродненской губерніи)— по професіи своей тоже портной.

Когда вслѣдъ за гапоновскимъ 9 января вспыхнула всеобщая стачка въ Бѣлостокѣ, Немка; еще будучи соціалъ-демократомъ, принялъ энергичное участіе въ извѣстномъ захватѣ м. Крынокъ революціонерами. Онъ собственноручно сжегъ волостное правленіе и разрушилъ телефонъ; онъ игралъ также видную роль и въ дальнѣйшихъ событіяхъ.

Вскорѣ его арестовываютъ, какъ одного изъ зачинщиковъ, и отправляютъ въ Гродинискую тюрьму. Еще во время захвата м. Крынокъ Немка сталкивается съ рабочими анархистами; въ тюрьмѣ онъ окончательно сближается съ ними, и имѣетъ на досугѣ возможность разобраться въ програмѣ анархизма. Онъ и раньше уже презиралъ авторитеты, ненавидѣлъ власть. Теперь онъ вдумывается въ сущность анархизма, и, послѣ долгихъ дискусcій окончательно убѣждается въ правотѣ анархистскаго ученія. 9 мѣсяц. проводитъ онъ въ тюрьмѣ, и выходитъ на волю въ октябрьскіе дни (подъ залогъ)--уже анархистомъ.

Немка стремится въ свой городъ, горя нетерпѣніемъ подѣлиться съ рабочими всѣмъ тѣмъ, чему онъ научился въ тюрьмѣ. По пріѣздѣ туда онъ немедленно вступаетъ въ образовавшуюся уже тамъ группу анархистовъ-коммунистовъ.

Проходитъ три мѣсяца. Мѣстная буржуазія организуетъ совмѣстно съ полиціей „союзъ правового порядка" для борьбы съ анархистами и съ рабочимъ движеніемъ вообще. Немка узнаетъ, что 9-го января 1906 г. въ день открытія „союза", буржуазія и полиція должны собратся въ синагогѣ для произнесенія клятвы. Ни кому не говоря ни слова, Немка достаетъ себѣ бомбу и отправляется въ синагогу. Синагога окружена казаками, но Немка все таки проникаетъ туда и бросаетъ свою бомбу. Раздается сильный взрывъ. Воспользовавшись всеобщей паникой, онъ успѣваетъ пробѣжать мимо казаковъ. Но за нимъ начинается погоня. Его схватываютъ, избиваютъ, и вновь отправляютъ въ Гродненскую тюрьму.

Немка арестованъ — но дѣло его сдѣлано. Испуганная буржуазія отказывается отъ своихъ плановъ; „союзъ" прекращаетъ свое существованіе, также какъ распадается и аналогичный „союзъ" въ Бѣлостокѣ.

10 мѣсяцевъ провелъ на этотъ разъ Немка въ Гродненской тюрьмѣ, когда наконецъ, его отправили на судъ въ г. Слонимъ. 1-го декабря 1906 г. состоялся судъ, приговорившій его къ 20-ти годамъ каторги, съ замѣной, по малолѣтству, 8-и лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. На судѣ онъ отказался отъ всякихъ показаній. Когда защитникъ, котораго привели съ собой родители Немки, подошелъ къ нему, Немка сказалъ ему: „Я отказываюсь отъ всякой защиты: но если у васъ хватитъ мужества произнести революціонную рѣчь — говорите! „Защитникъ, разумѣется, отказался.

Послѣ суда, Немка вмѣстѣ съ другими товарищами организуетъ извѣстный „Слонимскій побѣгъ" 6-го декабря бѣжитъ изъ вагона на обратномъ пути отъ Слонима до Гродно, — и вотъ онъ вновь на свободѣ. Напрасно уговариваютъ его уѣхать на время заграницу: на всѣ настоянія товарищей онъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ.

Послѣ этого побѣга въ Гродненской тюрьмѣ начинаются репрессіи. Немка съ другимъ товарищемъ ѣдетъ въ Гродно, гдѣ стрѣ-

По этому процессу привлекались: рабочіе 1) Михаилъ *Каплянскій* пекарь), Абрамъ *Ривкинъ* (приказчикъ) 3) Гершъ *Зильберъ* (портной). Ихъ содержали сначала въ Бѣлостокскомъ полицейскомъ правленіи, гдѣ и предъявили обвиненія въ а) принадлежности къ организаціи Анар.-Комм. б) въ храненіи разрывныхъ снарядовъ и литературы. Обвиняемые отказались отъ дачи показаній. Анархистъ Зильберъ только отвѣтилъ на вопросъ жандармскаго полковника Грибоѣдова (нынѣ убитаго въ Гроднѣ максималистами) „Для чего онъ изготовилъ бомбы"? слѣдующими словами: „*Мы не рѣшаемъ заранѣе, куда бросать эти бомбы, но попадись въ наши руки такой тиранъ, какъ вы, мы бы васъ убили. Ваше счастье, что они теперь въ вашихъ рукахъ.*"

Одновременно съ этими жандармскими допросами заключенныхъ, въ мѣстное жандармское правленіе была брошена бомба, страшнымъ взрывомъ которой былъ убитъ одинъ жандармъ, другой раненъ и опустошена обстановка двухъ комнатъ, гдѣ сгорѣли политическія дѣла. Вскорѣ послѣ того трехъ заключенныхъ перевели въ губернскую тюрьму въ г. Гродно, гдѣ они и просидѣли до суда.

Судъ состоялся въ г. Слонимѣ въ судебной палатѣ. Подсудимые отказались участвовать въ комедіи суда, давать показанія и вставать, поэтому приглашены были конвойные, которые насильно ихъ поднимали. Такое вызывающее поведеніе возмущало судъ, и онъ вынесъ суровый приговоръ, несмотря на то, что двое подсудимыхъ были несовершеннолѣтними.

Имъ дали по 15 лѣтъ каторги, причемъ *Каплянскому и Зильберу* (какъ несовершеннолѣтнимъ) сбавили по 5 лѣтъ. *Ривкину* же предъявили еще новое дѣло, въ военно-окружномъ судѣ въ Екатеринославѣ.

Этотъ процессъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ 29 ноября. Послѣ этого процесса послѣдовало дѣло Беньямина *Фридмана*, обвиняемаго во взрывѣ бомбы, брошенной въ синагогѣ въ м. Крынкахъ, гдѣ собрались буржуазія и полиція для обсужденія мѣръ борьбы съ рабочимъ движеніемъ. Онъ также отказался отъ участія въ судѣ и получилъ *20 лѣтъ каторги*, но, какъ малолѣтнему (20 л.), каторга была ему замѣнена 8-лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ.

Кромѣ того былъ процессъ „максималиста" Ивана *Жмуйдика*, ставшаго, потомъ а.-к., который судился за аграрную пропаганду и получилъ вѣчное поселеніе въ Сибирь; до этого у него былъ приговоръ на 5 лѣтъ каторги. 1-го Декабря всѣ эти процессы окончились въ Слонимѣ, и осужденныхъ на каторгу анархистовъ, вмѣстѣ съ однимъ с.-с. (*Гиршемъ Граевскимъ*), отправили съ вокономъ въ Гродно.

У товарищей анархистовъ имѣлись уже заранѣе браунинги, которые были задѣланы въ хлѣбахъ: ими они вооружились въ вагонѣ, и когда поѣздъ, пройдя 4 версты, шелъ лѣсомъ, анархисты, выбравъ моментъ*), напали на конвоировъ.

Моментально по условному паролю всѣ анархисты выстрѣлили... 4 солдата было убито. Пятый пытался стрѣлять изъ винтовки, но былъ тоже застрѣленъ. Тогда три товарища ушли, выбивъ окно. **) Остальные три прошли черезъ двери, пробивъ себѣ дорогу залпомъ изъ револьверовъ, убившимъ остальныхъ 2-хъ конвойныхъ.

Такъ удалось бѣжать нашимъ товарищамъ. Недѣлю онѣ скрывались въ Слонимѣ, а потомъ выбрались дальше.

Впослѣдствіи трое изъ нихъ: И. *Жмуйдикъ*, Г. *Зильберъ* и В. *Фридманъ* погибли.

И. *Жмуйдикъ* былъ арестованъ въ Минскѣ и оказалъ вооруженное сопротивленіе; онъ жилъ тамъ подъ именемъ Феликса Бентковскаго, и потомъ былъ казненъ по приговору воен.-окруж. суда.

Г. Зильберъ погибъ отъ взрыва бомбы, брошенной имъ же въ банкирскую контору Бройдъ-Рубинштейна въ Минскѣ.

Беньяминъ *Фридманъ* вскорѣ стрѣлялъ въ старшаго надзирателя тюрьмы Коханскаго въ Гродно за суровое обращеніе съ заключенными. Онъ былъ преслѣдуемъ полиціей, убилъ двухъ городовыхъ, двухъ ранилъ, и еще убилъ околодочнаго надзирателя. Окруженный солдатами онъ устроилъ засаду въ домѣ, забаррикадировался. Домъ былъ обстрѣлянъ. Послѣдней пулей онъ покончилъ съ собой.

Такъ кончили свою революціонную жизнь эти мужественные товарищи.

---

*) Конвоировъ было 7 челов., двое вышли съ однимъ заключеннымъ въ клозетъ, этим и воспользовались товарищи.

**) Въ то время отъ Слонима до Гродно арестантовъ перевозили въ обыкновенныхъ вагонахъ безъ рѣшетокъ.

Рабочій „Моргнъ."

ляетъ старшаго надзирателя тюрьмы, но успѣваетъ лишь ранить его, какъ его схватываетъ полиція. Товарищи дружнымъ натискомъ отбиваютъ Немку, выбивъ изъ строя нѣсколькихъ полицейскихъ. Но вдругъ подоспѣлъ отрядъ солдатъ. Немка, отстрѣливаясь, забѣжалъ въ одну постройку. Солдаты и полиція окружили ее. Нѣсколькими выстрѣлами Немка ранилъ еще околоточнаго и городового, и послѣдней пулей покончилъ съ собой.

Озлобленная полиція, ворвавшись въ домъ, отрубила мертвому уже Немкѣ голову. Вскорѣ тюремная администрація признала въ немъ бѣжавшаго анархиста.

Такъ жилъ и умеръ анархистъ-коммунистъ „Немка Маленькій".

ХРОНИКА БОРЬБЫ.

ПОЛТАВА. Здѣсь въ 1906 году убитъ анархистами-коммунистами видный агентъ сыскной полиціи—Пинскій. Это былъ извѣстный сыщикъ, который ѣздилъ въ Кременчугъ, Екатеринославъ и другіе города „на гастроли".

ЖИТОМИРЪ. Анархическое движеніе переживаетъ здѣсь острый кризисъ. Много рабочихъ арестовано и выслано въ Сибирь. Нѣтъ ни опытныхъ пропагандистовъ, ни нелегальной литературы. А между тѣмъ, почва для пропаганды анархизма среди ремесленниковъ имѣется. Въ прошломъ году здѣсь велась дѣятельная пропаганда, анархисты; вмѣшавшись въ стачку, руководимую „бундовцами", придали ей чисто-экономическій характеръ. Въ то-же время они стрѣляли въ мастеровъ и хозяевъ, терроризируя ихъ.

Анархистами была брошена бомба въ домъ буржуа Ратнера.

Арестованные: Полонскій былъ осужденъ на смертную казнь, замѣненную 20-ю годами каторги; сообщникъ его Б. Быкъ получилъ 9 лѣтъ каторги.

Изъ житомирской тюремной больницы лѣтомъ бѣжалъ анархистъ Антонъ Суковъ *), проведшій болѣе полутора лѣтъ по Волынскимъ тюрьмамъ. Его обвиняли въ цѣломъ рядѣ дѣлъ вплоть до примѣненія аграрнаго террора.

БЕРДИЧЕВЪ. Арестованный въ 1906 году на вокзалѣ съ бомбами а. к. Левицкій и сосланный на вѣчное поселеніе, бѣжалъ изъ Сибири. Въ Сибири-же находятся по дѣлу мѣстной группы пять анархистовъ, среди нихъ Меосъ и братъ и сестра Айбиндеръ.

Анархистами-коммунистами были здѣсь убиты одинъ богатый землевладѣлецъ и жандармъ.

ОДЕССА. Среди многочисленныхъ актовъ, совершенныхъ анархистами, отмѣтимъ убійство въ Пересыпи (предмѣстье) эксплуататора—владѣльца завода жести инженера Левина. Рабочіе, окруживъ его, застрѣлили изъ браунинговъ.

Мы получили слѣдующія прокламаціи: изъ Сумъ—„Что такое Союзъ Труда"; изъ Тифлиса за подписью: Рабочіе Тифлисскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, заканчивающуюся слѣдующими словами:

> Создадимъ наше собственное единеніе. Никакая политическая партія не должна вмѣшиваться въ наши дѣла, тѣмъ болѣе, что никто не посягаетъ на наши политическія убѣжденія. Мы лишь соединемся на почвѣ общей нашей эксплуатаціи и образуемъ одну большую дѣйствительную „ПАРТІЮ ТРУДА"

Кромѣ того мы получили отъ той-же организаціи уставъ Кавказскихъ Биржъ Труда, о которомъ намъ еще придется поговорить въ одномъ изъ слѣдующихъ №№.

Изъ Тифлиса-же пишутъ: состоялась конференція представителей бюро профессіональныхъ союзовъ. Число организованныхъ рабочихъ—20,000. Зарождаются профессіональные союзы въ Чіатурѣ, Поти, Гори, Батумѣ и Телавѣ. Въ Тифлисѣ 35 профессіональныхъ союзовъ, изъ нихъ 25 нелегальныхъ.

Изъ Харькова: Листокъ Анархиста. Упадокъ и Возрожденіе—тип. Харьковской Группы А.-К.

Изъ Гродно: Отвѣтъ Гродненской Группы А.-К. на письмо гродненскаго Комитета „Бунда".

Прокламаціи Варшавской, Харьковской и Кіевской Группъ.

*) Только что получены свѣдѣнія, что А. Суковъ съ двумя другими товарищами убиты въ Волынск. губ.

Изъ Якутска намъ сообщаютъ: въ послѣднее время здѣсь велась пропаганда анархизма въ средѣ учащейся молодежи и среди инородцевъ. Издавался рукописный журналъ „Мятежникъ", въ которомъ излагались принципы анархизма. Между „Мятежникомъ" и мѣстнымъ с.-р-овскимъ „Паукомъ" завязалась полемика.

Анархистскій бюллетень. Вышелъ № 1 „Анархистическаго интернаціональнаго бюллетеня", появляющагося въ Лондонѣ. Изданіе этого органа было рѣшено на Амстердамскомъ конгрессѣ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ поговорить о немъ теперь; мы сдѣлаемъ это въ слѣдующій разъ.

О большевикѣ, обрадовавшемся по недоразумѣнію.

Наша статья „Всероссійскій рабочій съѣздъ и соціаль-демократія" (Бур." № 6-7) очень обрадовала г. Петра Ал. изъ большевистскаго „Пролетарія". Въ № 20 этой газеты появилась статья „Анархисты о большевикахъ и меньшевикахъ", принадлежащая перу названнаго автора.

Г. Петръ Ал. плохо понялъ нашу статью, или, быть можетъ, постарался понять такъ, какъ ему выгодно было въ полемическихъ цѣляхъ, для посрамленія меньшевиковъ. Всякій, кто знакомъ съ полемической литературой большевиковъ и меньшевиковъ, знаетъ, какое почетное мѣсто занимаетъ слово „анархистъ" среди ругательныхъ эпитетовъ, которыми щедро надѣляютъ другъ друга обѣ почтенныя фракціи Р. С.-Д. Р. П. Понятно поэтому, что большевикъ изъ „Пролетарія" постарался изобразить дѣло въ такомъ видѣ, будто мы считаемъ меньшевизмъ теченіемъ, менѣе опаснымъ для анархизма и посему, предсказывая побѣду этого теченія въ средѣ россійской соціаль-демократіи, заранѣе потираемъ руки отъ удовольствія. Доказательство этому сотрудникъ „Пролетарія" видитъ именно въ томъ, что мы якобы съ радостью предсказываемъ побѣду меньшевистской фракціи „Чего такъ хочется, тому охотно вѣришь" напоминаетъ г. Петръ Ал.; „гг. анархистамъ несомнѣнно ужасно хочется, чтобы въ соціаль-демократической партіи побѣдило опортюнистическое меньшевистское теченіе. По опыту Франціи и Испаніи они знаютъ, что, когда въ соціалистической партіи получаютъ преобладаніе опортюнисты, среди рабочихъ развивается стремленіе прочь отъ партіи".

Но помилуйте г. Петръ Ал! Вѣдь что касается Испаніи, то вашъ товарищъ Пабло Иглезіасъ, вождь Испанской соціаль-демократической партіи, ничѣмъ не заслужилъ съ ортодоксальной точки зрѣнія упрека въ опортюнизмѣ. Развѣ мы не видимъ его на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ въ рядахъ „крайней лѣвой", въ средѣ наиболѣе рьяныхъ противниковъ бернштейніанства? А его безсмертныя заслуги предъ всемірной соціаль-демократіей, въ качествѣ смѣлаго борца съ анархизмомъ!

Сотрудникъ „Пролетарія" правъ, когда онъ указываетъ, что опортюнизмъ партіи отталкиваетъ отъ себя пролетарскія массы. Но не нужно забывать, что опортюнистическія теченія имѣютъ на своей сторонѣ въ борьбѣ съ догматическими то сильное и опасное преимущество, что онѣ въ случаѣ нужды, по крайней мѣрѣ въ своей фразеологіи, приспособляются къ массамъ точно также какъ въ дургой моментъ онѣ приспособляются къ буржуазнымъ партіямъ. Поэтому Жоресъ новѣйшаго фазиса развитія гораздо болѣе опасенъ для французскаго рабочаго движенія, чѣмъ застывшій въ своемъ догматизмѣ Жюль Гедъ. По той-же причинѣ мы бы съ удовольствіемъ предсказали побѣду въ рядахъ россійской соціаль-демократіи г. Петру Ал. съ товарищами, если-бы объективныя данныя не убѣждали насъ въ грядущей побѣдѣ меньшевиковъ.

Въ своей статьѣ мы и говоримъ, что безпартійному рабочему движенію грозитъ опасность именно со стороны приспособляющихся меньшевиковъ. Но г. Петру Ал. необходимо было во что-бы то ни стало изобразить насъ дружественно расположенными къ меньшевикамъ, хотя бы уже для того, чтобы огорчить г. Плеханова.

Второе обвиненіе по адресу меньшевиковъ, еще болѣе тяжелое, чѣмъ наше, якобы дружеское къ нимъ, отношеніе, заключается въ томъ, что будто бы изъ меньшевистской литературы мы, анархисты, почерпнули свою терминологію въ полемикѣ съ соціаль-демократами. Такъ напримѣръ, „современные россійскіе якобинцы" въ примѣненіи къ соціаль-демократамъ—это, по мнѣнію ученаго сотрудника „Пролетарія",—„несомнѣнно цитата изъ Плеханова".

Бѣдный г. Плехановъ! Сколько разъ ему приходилось выслушивать обвиненія со стороны анархистовъ въ якобинизмѣ, а теперь, когда онъ принужденъ направить тоже самое обвиненіе противъ слишкомъ уже, даже съ соціаль-демократической точки зрѣнія,

зарвавшихся въ своемъ централизмѣ большевиковъ, его обвиняютъ въ томъ, что онъ „тѣшитъ душу“ столь ненавистныхъ ему „синдикалистовъ и анархистовъ“ и даетъ имъ въ руки оружіе для борьбы съ соц.-демократами. Бѣдный старый „Anarchistenfresser“!

„Интересно знать, „спрашиваетъ г. Петръ Ал., что теперь скажетъ Плехановъ, когда онъ услышитъ, какъ анархисты довольны *меньшевиками* *) и какъ злобствуютъ они на большевиковъ“. Нетрудно угадать, что скажетъ Плехановъ. Прежде всего онъ воспользуется случаемъ, чтобы лишній разъ обругать большевиковъ анархистами, а анархистовъ провокаторами, и затѣмъ онъ прочитаетъ г. Петру Ал. поучительную и безусловно полезную для послѣдняго лекцію, изъ которой излишне-самоувѣренный сотрудникъ „Пролетарія“ узнаетъ, что анархисты существовали еще до появленія на свѣтъ божій меньшевиковъ и, что еще въ эпоху Интернаціонала анархисты выдвигали по адресу сторонниковъ Маркса обвиненія въ стремленіи къ власти, къ централизму и предостерегали пролетаріатъ противъ партійнаго якобинизма марксистовъ.

И, если мы подчеркнули въ своей статьѣ якобинизмъ большевиковъ, то это случилось вовсе не потому, что мы считали меньшевиковъ свободными отъ этого первороднаго грѣха соціалъ-демократіи. Мы отмѣтили лишь безусловную послѣдовательность и выдержанность соціалъ-демократической точки зрѣнія у большевиковъ и опортюнизмъ приспособляющихъ теорію къ требованіямъ момента меньшевиковъ. Г. Петръ Ал., могъ бы, пожалуй, остаться вполнѣ довольнымъ нами, но онъ твердо помнитъ поговорку древнихъ: „Timeo Danaos et dona ferentes“**), а еще болѣе онъ боится плехановскихъ обвиненій въ сочувствіи анархистовъ.

Въ качествѣ истинно-ортодоксальнаго соціалъ-демократа г. Петръ Ал. не отличается излишней разборчивостью въ полемическихъ пріемахъ. Такъ, между прочимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это ему представляется нужнымъ, онъ приводитъ лишь часть цитируемой фразы, даже, когда это искажаетъ смыслъ ея. Онъ цитируетъ напр. „Большевики рѣзко-отрицательно относятся къ профессіональному движенію“... У насъ дальше сказано: „поскольку послѣднее выходитъ изъ рамокъ повседневной борьбы“***. Въ передачѣ Петра Ал. получилось, конечно, совсѣмъ не то, что мы въ данномъ случаѣ хотѣли подчеркнуть. Да и слишкомъ ужъ соблазнительно было при посредствѣ нѣсколькихъ подобныхъ „цитатъ“ доказать и неразборчивость въ средствахъ хитроумныхъ меньшевиковъ, пишущихъ небылицы про большевиковъ и невѣжество вѣрящихъ на слово меньшевикамъ анархистовъ.

Г. Плехановъ, родоначальникъ россійской соціалъ-демократической... полемической развязности породилъ достойныхъ потомковъ и теперь, на склонѣ дней своихъ, смѣло можетъ гордиться своими замѣстителями на поприщѣ долголѣтней полемической дѣятельности въ борьбѣ со всѣми революціонными теченіями Россіи и Западной Европы.“

М. Раевскій.

Соціалъ-демократъ

о контрессѣ анархистовъ въ Амстердамѣ.

Въ № 3 „Радуги“ соц.-дем. журналъ, выходящаго въ Женевѣ, въ отдѣлѣ „Внутреннее обозрѣніе“ удѣляется вниманіе анархистскому конгрессу, имѣвшему мѣсто 26-31 августа 1907 года въ Амстердамѣ. Оставляя безъ вниманія глубокомысленныя разсужденія автора объ эволюціи анархизма въ сторону признанія принципа организаціи, профессіональнаго движенія и. т. д., разсужденія, вытекающія изъ полнаго незнакомства автора съ исторіей рабочаго анархизма, мы не можемъ однако оставить безъ отвѣта его выпадку противъ русскаго докладчика, въ которой онъ обвиняетъ послѣдняго въ приподнесеніи конгрессу преувеличенныхъ свѣдѣній о вліяніи анархистовъ въ россійскомъ рабочемъ движеніи. Онъ приводитъ цитату: „многія грандіозныя стачки проведены были подъ анархическимъ вліяніемъ“. Выражая сомнѣніе въ правдивости этого сообщенія, сотрудникъ „Радуги“ подъ „грандіозными стачками “подразумѣваетъ, очевидно, всероссійскія стачки послѣднихъ мѣсяцевъ 1905 года.

Откуда взята вышеприведенная „цитата“, намъ неизвѣстно. Конгрессу было представлено три русскихъ доклада, а не одинъ, какъ полагаетъ сотрудникъ „Радуги“. Изъ этихъ докладовъ, докладъ тов. Вл. Забрежнева: „Представители индивидуалистическаго анархизма въ Россіи“, совершенно не затрагиваетъ рабочаго движенія. Изъ двухъ другихъ докладовъ т. Н. Рогдаева: Développement de l'anarchisme en Russie (см. Temps Nouveaux №11-12) и Орловскаго: „L'activité des anarchistes en Russie“ („Temps Nouveaux, №20-23 мы этого утвержденія не нашли. По данному поводу мы нашли лишь въ докладѣ тов. Орловскаго слѣдующее: „такъ какъ анархистская пропаганда въ Россіи началась слишкомъ поздно, и анархическія группы были еще очень слабы въ началѣ революціи, онѣ проявили свою дѣятельность лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ во время всеобщихъ политическихъ стачекъ“. Далѣе читаемъ: „анархисты вмѣшивались почти во всѣ экономическія стачки, частичныя или всеобщія, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ существовали анархическія группы. Мы остановимся на двухъ извѣстныхъ (célèbres—а не „грандіозныхъ“! Р.) всеобщихъ стачкахъ, руководимыхъ анархистами стачкѣ ткачей въ „Бѣлостокѣ и судовыхъ командъ въ Одессѣ.“

Р.

*) Курсивъ г. Петра Ал.

**) Боюсь данайцевъ, даже, когда они приносятъ дары.

***) Въ своей статьѣ „Всерос. раб. съѣздъ и соц.-демократія“ мы оставили въ сторонѣ большевиковъ-„синдикалистовъ“. О нихъ придется говорить особо.

М. Р.

Резолюція.

Въ виду того, что нѣкоторыми былъ распространенъ слухъ, что 800 р., данные товарищу С. на конспиративное дѣло, были потрачены имъ на личныя нужды, для разслѣдованія этого дѣла была выдѣлена комиссія, которая занялась изслѣдованіемъ вѣрности обвиненія. По разслѣдованіи этого дѣла комиссіей была созвана Гродненская Группа и членъ Бѣлостокской Группы, которымъ было указано, гдѣ и на что были израсходованы 800 рубл. Всѣ сообща вынесли слѣдующую резолюцію:

1) Обвиняющіе небезызвѣстнаго товарища С. въ растратѣ групповыхъ денегъ не заслуживаютъ довѣрія и уваженія и являются вредными для революціоннаго движенія.

2) Небезызвѣстн[illegible], С., какъ раньше, такъ и теперь заслуживаетъ полнаг[illegible] довѣрія и уваженія, какъ преданный и честный товарищъ.

Комиссія по изслѣдованію дѣла. Гродненская Группа А.-К. „Интернаціоналъ“. Члены Бѣлостокской группы А.-К.

Затѣмъ слѣдуетъ печать Гродненской Группы.

Къ товарищамъ.

Считаемъ необходимымъ изложить инцидентъ, благодаря которому № 9 „Буревѣстника“ появляется съ такимъ большимъ опозданіемъ.

16-го января текущаго года мѣстная группа „Бунтарь“ обратилась къ группѣ „Буревѣстника“ съ требованіемъ выдать ей 300 руб. на какое то дѣло. Обладая слишкомъ ограниченными средствами съ одной стороны, а съ другой имѣя достаточно основаній относиться съ недовѣріемъ къ предпріятіямъ мѣстныхъ бунтарцевъ, группа „Буревѣстника“ отказалась исполнить это требованіе. Три дня спустя, т. е. 19-го января вечеромъ, въ нашей типографіи было выломано окно и произведенъ форменный разгромъ: были разсыпаны и смѣшаны всѣ шрифты, разбросанъ наборъ двухъ начатыхъ брошюръ и весь уже готовый, имѣвшій появиться дня черезъ два, № 9. (Сначала мы думали, что эта ночная экспедиція — дѣло рукъ русскихъ хулигановъ и шпіоновъ имѣющихся и здѣсь; но на завтра же мы получили два письма отъ авторовъ разгрома, заявляющихъ, что своимъ поступкомъ они отплатили группѣ „Буревѣстника“ за ея отказъ въ деньгахъ и снова требующихъ денегъ, угрожая въ случаѣ новаго отказа другими, подобными же походами на „Буревѣстника“... Считаемъ излишнимъ комментировать этотъ самъ по себѣ достаточно краснорѣчивый „актъ“, благодаря которому пришлось истратить нѣсколько недѣль на то, чтобы хоть отчасти привести въ порядокъ типографію и столько же на то чтобы снова набрать пострадавшій номеръ. Мы должны еще прибавить, что въ этихъ письмахъ громилы сообщаютъ, что дѣйствовали не отъ имени какой нибудь группы, а по личному почину.

Редакція.

Отчетъ группы „Буревѣстникъ“

съ 1-го іюня 1907 года до 15-го февраля 1908 года.

	руб.	коп.
Печать и типографія	1556	75
Бумага	240	50
Наборщикамъ	1048	50
Транспортъ и экспедиція	940	60
Почтовые расходы	114	40
Граница	892	50
Разъѣзды по дѣламъ группы	86	
Оружіе для русскихъ группъ	988	25
Виды	115	
Старые долги (за *„Буревѣстникъ“* и *„Бунтарь“*)	894	80
Отправка тов. въ Россію по групповымъ дѣламъ и на работу	1778	75
Отправка товарищей *(другихъ фракцій)* въ Россію и на работу	2455	80
Пособіе тов. въ тюрьмахъ, въ Россіи и за границей	3412	75
Библіотека и читальня	377	50
	14,901	50

Письма и деньги просятъ направлять въ:
Paris. Rédaction du « Libertaire » (rue d'Orsel 15.
L. Avenier 24. Avenue Soret 24. Genève.
На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись
для „Буревѣстника“

Типографія „Буревѣстника“.